

ISSN 2520-2219

СОФРИЯ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

2023 № 1

Учредители:

БГУ, Фундаментальная библиотека БГУ, ОО «Камя-клуб»

Руководитель проекта:

доктор филологических наук, профессор, председатель Совета ОО «Камя-клуб»,
член Союза писателей Беларуси *И. В. Казакова*

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор <i>И. В. Казакова</i> – председатель (Беларусь);	д-р биол. наук <i>Н. П. Максимова</i> (Беларусь);
д-р ист. наук <i>Т. А. Новогродский</i> – заместитель председателя (Беларусь);	канд. экон. наук <i>О. Ф. Малашенкова</i> (Беларусь);
д-р юрид. наук <i>В. Н. Бибилло</i> (Беларусь);	д-р культурологии <i>В. Ф. Мартынов</i> (Беларусь);
канд. хим. наук <i>Е. И. Василевская</i> (Беларусь);	канд. пед. наук <i>С. Ю. Пащенко</i> (Украина);
д-р хим. наук <i>Т. Н. Воробьева</i> (Беларусь);	д-р филос. наук <i>Т. Г. Румянцева</i> (Беларусь);
канд. филол. наук <i>О. А. Горбач</i> (Беларусь);	канд. филол. наук <i>А. А. Скоропадская</i> (Россия);
д-р ист. наук <i>А. В. Гурко</i> (Беларусь);	д-р культурологии <i>В. П. Скороходов</i> (Беларусь);
д-р экон. наук <i>Е. Л. Давыденко</i> (Беларусь);	д-р культурологии <i>А. И. Смолик</i> (Беларусь);
д-р юрид. наук <i>Т. И. Довнар</i> (Беларусь);	д-р филол. наук <i>Тао Юань</i> (Китай);
д-р филол. наук <i>Л. Р. Дускаева</i> (Россия);	д-р ист. наук <i>С. Н. Ходин</i> (Беларусь);
д-р филос. наук <i>Р. Иманжусип</i> (Казахстан);	канд. филол. наук <i>Чжан Хуншань</i> (Китай);
д-р ист. наук <i>И. И. Калачева</i> (Беларусь);	канд. филол. наук <i>Чэнь Ваньлэй</i> (Китай);
д-р социол. наук <i>Е. А. Кечина</i> (Беларусь);	д-р филол. наук <i>Н. Г. Шаймердинова</i> (Казахстан);
канд. пед. наук <i>Е. В. Колотова</i> (Россия);	д-р социол. наук <i>Б. А. Швагждиене</i> (Литва);
д-р биол. наук <i>Л. В. Комлюк</i> (Беларусь);	д-р гуманитар. наук <i>Р. Юрковский</i> (Польша);
д-р социол. наук <i>И. В. Котляров</i> (Беларусь);	д-р филол. наук <i>О. В. Яковлева</i> (Украина)
д-р ист. наук <i>А. Г. Кохановский</i> (Беларусь);	
д-р хим. наук <i>Н. В. Логинова</i> (Беларусь);	
д-р филос. наук <i>Я. С. Яскевич</i> (Беларусь)	

Редакция журнала:

Главный редактор *И. В. Казакова*
Заместитель главного редактора *В. Г. Кулаженко*
Ответственный редактор *Г. А. Фофанова*
Литературный редактор *М. И. Свистунова*
Технический редактор *О. Е. Гошненко*
Ответственный секретарь *А. В. Бутина*

Журнал основан в 2016 г. Периодичность издания – 2 раза в год.

На русском и белорусском языке. ISSN 2520-2219

Включен в библиографическую базу данных научных публикаций

«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Включен в базу данных научной информации CNKI
(China National Knowledge Infrastructure)

Содержание статей не всегда совпадает с точкой зрения редакции.

*Ответственность за точность и правильность информации,
содержащейся в статьях, несут авторы публикаций*

Рецензенты номера:

кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ
И. А. Бурделёва;

доктор психологических наук,
профессор, заведующий кафедрой инженерной психологии и эргономики БГУИР
Т. В. Казак;

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории
белорусской литературы филологического факультета БГУ
Л. Д. Синькова

кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной и организационной психологии
факультета философии и социальных наук БГУ
А. Г. Грищенкова;

Луань Ин

УДК 398.332.24(=161.3)+398.82(=161.3)

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

КИТАЙСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ ПРАЗДНИКА ДРАКОНЫХ ЛОДОК

В статье описываются праздничные обряды, отраженные в китайских народных песнях. Объектом исследования являются обрядовые песни китайского праздника драконых лодок. Цель исследования – представить способы концептуализации народных обрядов в текстах народных песен праздника драконых лодок.

Ключевые слова: народная песня; китайские традиционные обряды; праздник драконых лодок; концептуализация; праздничные обряды.

Образец цитирования: Луань Ин. Китайские традиционные обряды в народных песнях праздника драконых лодок / Луань Ин // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 3–8.

Luan Ying

Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

TRADITIONAL CHINESE RITUALS IN FOLK SONGS OF DRAGON BOAT FESTIVAL

The article presents the traditional rituals in Chinese folk songs. The object of the study is the ceremonial holiday songs of Dragon Boat Festival in China. The study is aimed to put forward the possible method to conceptualize folk rituals in the texts of folk songs of the Dragon Boat Festival.

Keywords: folk songs; traditional Chinese rituals; Dragon Boat Festival; conceptualization; holiday rituals.

For citation: Luan Ying. Traditional Chinese Rituals in Folk Songs of Dragon Boat Festival. Sophia. 2023;1:3–8. Russian.

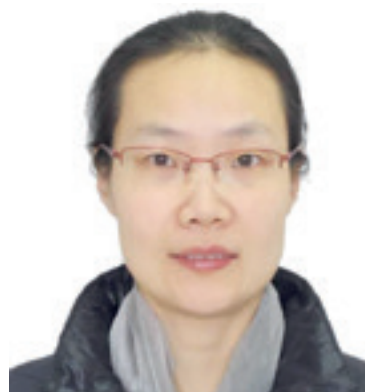
Автор:

Луань Ин – аспирант кафедры истории белорусской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0009-0007-4005-9815>
rebecca770406@gmail.com

Author:

Luan Ying – Postgraduate Student at the Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, Belarusian State University.

Китайская народная песня рассматривается как своеобразный памятник этнической истории китайского народа. Китайский исследователь У Бинъань отметил, что «народные праздники воплотили народные обряды, которые просуществовали тысячи лет. Народные песни передавались из поколения в поколение» [8, с. 17].

Известный белорусский ученый-фольклорист И. В. Казакова отмечает, что «каждый народ, как бы ни менялась его жизнь, остается самим собой. Основные этнические черты, особенности национального мировоззрения и психология сохраняются на всех этапах развития. Специфические для каждой нации особенности сохраняются и обеспечивают стабильность существования этноса» [1, с. 19]. По мнению И. В. Казаковой, «устное поэтическое творчество каждого народа имеет свою специфику, которая проявляется в жанровом составе, связи с действительностью, тематике, образной системе, поэтике и др.» [2, с. 3].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью сохранения китайской народной специфики на основе изучения особенностей социокультурной традиции. Материалом исследования послужили китайские народные песни, которые исполнялись во время праздника драконьих лодок. В работе применялись следующие методы исследования: метод анализа документов, этнографический метод.

1. ЗНАЧЕНИЕ ПРАЗДНИКА ДРАКОНЫХ ЛОДОК

Праздник драконьих лодок впервые был описан в коллекции «Обычаи и традиции» в династии Цзинь: 仲夏端五。端，初也。(Праздник Дуаньу проводится в середине лета. Дуань относится к началу) [5, с. 126]. Как свидетельствуют исторические документы, его также называли «Дуаньу», «Чунву», «Дуаньян», «Майский фестиваль» и он ежегодно отмечался в пятый день мая по лунному календарю. В 2009 г. праздник драконьих лодок был включен в список ЮНЕСКО, представляющий нематериальное культурное наследие человечества.

1.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА ДРАКОНЫХ ЛОДОК

В китайской истории существует множество версий происхождения праздника драконьих лодок. Первая версия основана на исследованиях известного китайского ученого Вэнь Идуо. Согласно его утверждению, представленному в работе «Исследования праздника драконьих лодок», данный праздник изначально был связан с обрядом поклонения тотему дракона [7, с. 172].

Существует и другая версия, связанная с обрядом «Да Дай». Согласно ей, обряды праздника драконьих лодок рассматриваются как ритуалы изгнания злых духов, которые существовали со времен династии Чжоу [5, с. 127].

Самая распространенная версия происхождения праздника драконьих лодок связана с великим китайским поэтом по имени Цюй Юань. В своей работе «Продолжение гармонии Ци» Лян Вуцзюнь написал, что Цюй Юань бросился в реку и умер пятого мая по лунному календарю. Люди стали проводить гонки на драконьих лодках в честь его благородного духа [6, с. 127].

Среди множества стихов о происхождении данного праздника существует и широко известное стихотворение «Праздник драконьих лодок» Вэньсю, в котором говорится, что этот праздник возник из смерти Цюй Юаня.

端午
文秀

节分端午自谁言，
万古传闻为屈原。
堪笑楚江空渺渺，
不能洗得直臣冤 [5, с 127].

ПРАЗДНИК ДРАКОНЫХ ЛОДОК
Вэньсю

*Праздник драконых лодок проводится в честь Цюй Юаня,
Который пережил несправедливость.
Река Чуцзян широка и длинна,
Но не может смыть его обиду.*

1.2. ЗНАЧЕНИЕ ДРАКОНА В КИТАЕ

Дракон в китайской культуре символизирует могущество, величие и божественную силу. Древние китайцы верили в чудесную силу животных и растений, на которых возлагали свои добрые пожелания.

Дракон играет важную роль в традициях и обрядах Китая. Он олицетворяет мужское начало, силу, мощь, а также считается покровителем плодородия. Многие народно-календарные обряды в Китае связаны с драконом, который занимает в них главенствующее положение.

На празднике драконых лодок используются лодки-драконы, которые представляют собой узкое и длинное каноэ с вырезанной на носу головой дракона и хвостом дракона на корме. Перед гонкой проводится сакральный ритуал – рисование глаз дракона, дающий лодке-дракону жизнь.

2. ОБРЯДЫ В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ ПРАЗДНИКА ДРАКОНЫХ ЛОДОК

2.1. РАССКАЗ О ПОЭТЕ ЦЮЙ ЮАНЕ

Рассказ гласит, что в эпоху Сражающихся царств жил известный китайский поэт Цюй Юань, который признан первым в Китае лирическим поэтом. Ему приписывается создание особого поэтического стиля «Ли Сао».

Цюй Юань принадлежал к роду придворных аристократов, был высокообразованным человеком, глубоко преданным своей родине. Не выдержав душевных страданий за разрушения родины, Цюй Юань бросился в реку Мило в пятый день пятого месяца по лунному календарю. Местные люди бросились на поиски его тела: мужчины плыли по реке на длинных лодках и стучали в барабаны, чтобы распугать рыбу, а женщины кидали в реку яйца и клейкий рис, обернутый в листья бамбука, чтобы рыба не повредила его тело.

Со временем появилась традиция Цзунцзы: в день смерти Цюй Юаня устраивать речные гонки на драконых лодках, а также бросать в реку еду.

Народная песня «Сяочжуншань Дуанью» выразила печаль людей и восхищение Цюй Юанем.

小重山·端午
舒頔

碧艾香蒲处处忙。
谁家儿共女，庆端阳。

细缠五色臂丝长。
空惆怅，谁复吊沅湘。
往事莫论量。
千年忠义气，日星光。
《离骚》读罢总堪伤，无人解，树转午阴凉 [6, с. 130].

Сяочжуншань Дуаньу
Щу Ди

*Люди заняты сбором полыни и рогоза.
Молодые мужчины и женщины готовятся к празднику драконьих лодок.
Вокруг их рук намотаны разноцветные ленты.
Люди поют и танцуют в этот день.
А кто еще вспомнит Цюй Юаня?
Преданность его может сравниться с солнцем и луной.
Прочитав «Ли Сао», мне стало грустно.
Никто не может понять моего настроения.
Ничего не могу делать, только отдыхаю в тени деревьев.*

В данной народной песне упомянуто великое творение поэта Цюй Юаня – сборник «Песни Чу», который вместе с «Книгой песен» является ценнейшим собранием древнекитайской поэзии.

В сборнике «Песни Чу» самым репрезентативным произведением является стихотворение «Ли Сао», выражающее патриотизм поэта и горячее стремление к политическим реформам. Стихотворение «Ли Сао» характеризуется изысканным языком и богатой образностью, оно оказало большое влияние на китайскую литературу. Самые известные и популярные слова из него – 亦余心之所善兮，虽九死其犹未悔。(Я люблю свою родину всем сердцем. Я не буду сожалеть, что потеряю свою жизнь за родину) [6, с. 83].

2.2. Обряды и традиции праздника драконьих лодок

Популярная народная песня, исполняемая во многих районах Китая, описывает традиции и обряды, проводимые во время праздника драконьих лодок. Люди приветствуют праздник словами:

五月五，过端午。挂香包，插艾草，家家要祭祖。
五月五，过端午。画个王，喝雄黄，人人庆端午。
五月五，过端午。手持菖蒲剑，驱魔归地府。
五月五，是端阳。门插艾，香满堂。吃粽子，撒白糖。
龙舟下水喜洋洋 [5, с. 131].

*Пятое мая, праздник драконьих лодок. Ношение мешочков с благовониями,
развешивание полыни, поклонение предкам приносит.
Пятое мая, праздник драконьих лодок. Рисование «короля», подготовку вина
реальгар, праздник драконьих лодок проводит.
Пятое мая, праздник драконьих лодок. Держа в руках меч аира, изгоняет демонов и
злых духов в ад возвращает.
Пятое мая, праздник драконьих лодок. Развешивание полыни, цзунцзы с сахаром,
лодка-дракон спускается на воду.*

Гонка на драконьих лодках

Праздник драконьих лодок считается началом лета, а гонка на лодках – его обязательной частью. Традиционная для этого праздника лодка украшена головой дракона и раскрашена в цвета праздника: золотой, красный и зеленый. Чем быстрее и громче раздается звук барабана, тем сильнее участники гонки гребут. Особенность гонки в том, что участники соревнуются не только в скорости, но и в украшении лодки.

Цзунцзы

Во время праздника драконьих лодок важной традицией для китайцев является употребление цзунцзы – блюда из сваренного на пару клейкого риса с начинками, завернутого в бамбуковый, тростниковый, пальмовый или другой плоский лист. В разных регионах Китая цзунцзы изготавливаются по-разному. Жители на севере любят цзунцзы с финиками, в то время как жители на юге предпочитают смешанные ингредиенты, такие как мясо, яйца и др. Рис оборачивается листьями бамбука, пальмы или тростника в форме треугольника, прямоугольника или квадрата.

Развешивание аира и полыни на дверях

В Китае существует поверье, что подвешивание аира и полыни отпугивает зло и приносит здоровье членам семьи, поэтому во время праздника люди украшают стеблями аира и полыни двери и окна своих домов. Согласно китайской традиционной медицине, аир и полынь также обладают антибактериальными и другими целебными свойствами.

Ношение мешочков с благовониями

В древнем Китае пятый лунный месяц считается несчастливым месяцем. Китайцы делают мешочки с благовониями и вешают их на шею себе и детям, чтобы избежать заражения болезнями и отогнать злых духов в это неблагоприятное время. Мешочки изготавливаются вручную и содержат смесь из аира, полыни и других душистых растений, а также реальгара – редкого минерала.

Вино реальгар

Реальгар издавна используется в традиционной китайской медицине. В древние времена китайцы верили, что реальгар является противоядием от всех ядов, он использовался для отпугивания злых духов, а также для уничтожения вредных насекомых. Вино реальгар, или вино Сюн Хуан, – алкогольный напиток с толченым реальгаром. Китайцы пьют вино реальгар в день Дуанью, чтобы отогнать злых духов и укрепить здоровье.

Надпись вином реальгар на лбах детей

Популярной традицией праздника драконьих лодок является нанесение вином реальгар на лбы детей китайского иероглифа «王», буквально означающего «король». Данный иероглиф похож на знак тигра, который выглядит как четыре полосы на лбу. В китайской культуре тигр является царем всех животных и олицетворяет мужское начало в природе.

Завязывание пятицветных шелковых нитей

В некоторых регионах Китая в этот день родители заплетают шелковые нитки пяти цветов и надевают их в виде браслета на запястья своих детей. Пять цветов: зеленый,

красный, белый, черный и желтый – считались счастливыми цветами в древнем Китае, и люди верили, что нитки, окрашенные в эти цвета, помогут отогнать злых духов и болезни.

В китайском классическом романе «Сон в красном тереме» упоминается этот древнекитайский обычай: 五月初五，端午佳节，家家蒲艾簪门，虎符系臂。(В день Дуанью прикрепляли к воротам дома ветки аира и полыни и повязывали ребенку талисман в виде маленького тигра из шелковой ткани) [5, с. 128].

3. Выводы

Китайская фольклористика, согласно утверждению И. В. Казаковой, «это живое развивающееся явление, которое в лучших традициях китайской культуры высоко оценивает историческое наследие прошлых эпох, акцентирует значение традиционной народной культуры в современности и осознает значение фольклора как одной из составляющих стабильного, здорового и правильного будущего» [3, с. 87].

Обряды, отражающие мировоззрение и миропонимание людей, являются частью их этнического самосознания и духовной культуры. По мнению Э. А. Куруленко и Д. Н. Нефёдовой, «национально-культурная идентичность является осознанием человеком своей принадлежности к той или иной национальной культуре» [4, с. 232].

В эпоху глобализации защита народной культуры, которая сохранила культурное наследие прошлого и тесно связана с национальной культурной идентичностью, имеет особое значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Казакова, И. В. Беларуская і кітайская традыцыйныя народныя культуры : параўнальны аспект / И. В. Казакова. – Мінск : Паркус плюс, 2014. – 150 с.
2. Казакова, И. В. Беларускі фальклор : вуч. дап. / И. В. Казакова. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2007. – 309 с.
3. Казакова, И. В. Китайская фольклористика / И. В. Казакова // София. – 2017. – № 2, ч. 2. – С. 83–87.
4. Куруленко, Э. А. Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующей реальности / Э. А. Куруленко, Д. Н. Нефёдова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 1. – С. 231–234.
5. 安源. 中国传统节日诗话. 北京：群众出版社，2013. – Ань Юань. Традиционные китайские праздничные стихи / Ань Юань. – Пекин : Изд-во Масс, 2013. – 272 с.
6. 洪兴祖. 楚辞补注. 北京：中华书局，1983. – Хонг Синзу. Дополнительное примечание Чу Ци / Хонг Синзу. – Пекин : Книжный магазин Чжунхуа, 1983.
7. 闻一多. 诗经通义. 成都：巴蜀书社，2002. – Вэнь Идуо. Изучение Книги песен / Вэнь Идуо. – Чэнду : Книжный магазин Башу, 2002.
8. 乌丙安. 中国民俗学. 大连：辽宁大学出版社，1999. – У Бинъянь. Китайский фольклор / У Бинъянь. – Далянь : Изд-во Ляонинского университета, 1999. – 355 с.

Лю Сюаньэр

УДК 398.3

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В КИТАЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МИФОЛОГИИ

В данной статье на материале белорусских и китайских мифологических текстов анализируются особенности женских образов богов у китайского и белорусского народов, на их основе проводится сравнительное исследование с целью выявления сходств и различий в представлениях о женщине в мифологиях двух народов.

Ключевые слова: Китай; Беларусь; мифология; женский образ; мифологические образы.

Образец цитирования: Лю Сюаньэр. Исследование образа женщины в китайской и белорусской мифологии / Лю Сюаньэр // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 9–14.

Liu Xuaner

EXPLORING THE IMAGE OF WOMEN IN CHINESE AND BELARUSIAN MYTHOLOGY

In this article on the material of the Belarusian and Chinese mythological texts the features of the images of women-gods in the Chinese and Belarusian peoples are analyzed, on their basis a comparative study is conducted to identify the similarities and differences in the representations of women in the mythology of the two peoples.

Keywords: China; Belarus; mythology; female images; mythological images.

For citation: Liu Xuaner. Exploring the Image of Women in Chinese and Belarusian Mythology. Sophia. 2023;1:9–14. Russian.

Автор:

Лю Сюаньэр –
аспирант кафедры истории
белорусской литературы фи-
лологического факультета
Белорусского государствен-
ного университета.

<https://orcid.org/0009-0009-6971-2106>
liuxuaner213@gmail.com

Author:

Liu Xuaner –
Postgraduate Student at the
Department of History of
Belarusian Literature, Faculty
of Philology, Belarusian State
University.

При формировании персонажей мифов невозможно отделить их от реальных социальных факторов. С одной стороны, люди формируют мифических богов в соответствии с людьми в реальном мире и в то же время наделяют их определенными способностями и опытом, которые отличают их от обычных людей вне реальности. С другой стороны, в процессе формирования неизбежно возникают связи с человеческим обществом и поведением в реальном мире. Так, мифы, рожденные в, казалось бы, не связанных между собой культурных средах, могут иметь некоторые общие черты. Например, бог солнца – мужчина, а бог луны – женщина; богини земли предстают в образе великих матерей. Интересно посмотреть, как эти, казалось бы, схожие мифологические черты превратились в различные народные обычаи. Далее в данной работе в качестве примера мы возьмем женские образы некоторых богов Китая и Беларуси, сравним их и используем это в качестве отправной точки для сравнения сходств и различий между двумя культурами.

1. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КИТАЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МИФОЛОГИИ

Мифология и религия являются продуктами мышления. Боги изначально выступали объектами веры и поклонения предков, а мифология использует воображение для господства над силами природы точно так же, как первобытные религии использовали колдовство для контроля над природой. Мифы содержат элементы религии, и поэтому легко ею используются. Перетекание мифа в сказки является основным проявлением религионизации мифа. Один из наиболее типичных примеров – миф о царице-матери запада и миф о луне в древнекитайской мифологии, которые постепенно превратились в сказки.

Древние китайские мифы разрознены в силу различных исторических, географических и этнических причин. В целом, наиболее ярким результатом эволюции древнекитайской мифологии является ее историзация, аллегоризация и религионизация. Изначально мифы содержали определенные философские идеи, но некоторые более поздние мыслители для продвижения своих собственных доктрин выбирали из сокровищницы мифологии нужные им части и сознательно обрабатывали их художественно, превращая их таким образом в аллегории идей, заключая определенные философские идеи в изобразительные истории, и таким образом мифы аллегоризировались [3, с. 116–127].

Славяне являются одним из древнейших народов мира и делятся на три основные группы: восточных, южных и западных славян; белорусы относятся к восточным славянам. Восточнославянская мифология фактически является источником белорусской мифологии, самые ранние элементы которой были созданы в X в., когда разрозненные восточнославянские племена образовали единую Древнюю Русь. Позднее, в результате последующего политического расслоения восточных славян, к XVII в. сформировались три народа: русский, украинский, белорусский, однако мифология формировалась в то время, когда три народа еще были едины, тогда же и сложились некоторые общие мифы. Религией древних славян был политеизм, который в основном относится к историческому периоду с VI в. до конца X в., когда славянские народы завершили переход от политеизма к монотеистическому христианству. Их представления о природе, обожествление отдельных сил и явлений окружающего мира были схожи между

собой. Этим объясняется существование особого народного верования древних славян, а именно политеизма.

Политеистический мир славян был весьма романтичен, полон волшебства и веры в то, что окружающая природа живая. Далекие предки славян поклонялись силам природы, верили в родство между людьми и животными и считали, что звероподобные предки их рода всегда будут защищать свое человеческое потомство. Древние славяне-язычники приносили жертвы богам, добрым и злым духам, населяющим окружающий их мир. Чаще всего это была часть охотничьего, рыболовного или земледельческого урожая. Каждое славянское племя молилось своему конкретному богу, но один и тот же бог мог носить разное имя. Славяне обожествляли окружающий мир и поэтому сосредоточили все свои разрозненные верования на трех основных явлениях: охоте, земледелии, домашнем хозяйстве. Лес, поле и дом – вот три столпа славянского мировоззрения, вокруг которых строятся все славянские политеистические мифы [4].

2. ПОЗИТИВНЫЕ ОБРАЗЫ ЖЕНСКИХ БОГОВ В КИТАЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МИФОЛОГИИ

Земля – источник жизни растений, и роль в человеческом обществе матерей, родящих и воспитывающих детей, схожа с ролью земли в природе. Поскольку основная логика мифологического мышления – это аналогия, то возникло поклонение богиням, олицетворяющим Мать-землю, которое получило широкое распространение среди разных народов мира.

В китайской мифологии образ богини-матери Земли представлен в образе богини *Нюйвы*. Самые ранние письменные упоминания о Нюйве встречаются в «Чу ши – Тянь вэнь» и «Ли цзы – Тан вэнь», а также в письменной истории с 350 г. до н. э. «Шань хай цзин». В этих источниках рассказывается, что кишечник Нюйвы превратился в десять божественных существ в пустыне Ли Гуана, а в некоторых произведениях она описывается как змея с человеческим лицом [2]. Легенды повествуют о первоначальном превращении Нюйвы в богиню, преобразовании Нюйвой всего сущего, создании человека и исправлении Нюйвой небес. Эти действия разворачивались как противостояние между небом и землей. До Нюйвы не было ни неба, ни земли, ни человека. В китайской мифологической системе статус Нюйвы как женщины-прародительницы обладает неприкосновенной и неизменной сакральностью. В мифе о сотворении повествуется, что, когда небо и земля были созданы, людей не было, и чтобы создать людей, Нюйва раскатала желтую глину, опустила в нее веревку, помахала ею – и брызги глины стали людьми. И богатые, и бедные – это люди, созданные руками самой Нюйвы, раскатывающей глину. Нюйва изображалась как создатель рода человеческого, и древние люди почитали ее и поклонялись ей.

Вероятно, этот миф возник в эпоху матрилинейных кланов, когда женщины имели высокий статус в обществе. И поскольку миф описывает появление богатых и бедных как предопределенных небесами во время акта сотворения, совершаемого Нюйвой, то это говорит о том, что уже была создана классовая система и сформирована социальная идеология неполноценности и бедности. Стоит отметить, что в мифе рассказывается не только о создании Нюйвой человека с помощью одной только глины, которая олицетворяет землю, но также о создании ею института брака. Поэтому в Китае она является богиней-покровительницей брака. Исправив небеса, Нюйва создает шэн (инструмент из чашеобразного корпуса-резервуара и бамбуковых трубочек) и дудочку

для обучения и развития людей. Также считается, что Нюйва – искусный мастер по изготовлению зонтиков, и поэтому производители зонтиков поклоняются ей как своей прародительнице. Ей также поклоняются как богине-покровительнице ткачества, вышивания и производства фарфоровых и керамических изделий (эти поклонения восходят к легенде «Богиня Нюйва чинит Небо»).

В белорусской мифологии богиня-мать всего живого, создательница земного изобилия, одно из древнейших божеств в славянском пантеоне – *Мокошь* (варианты – *Макошь*, *Мокоша* и др.). Первоначально, по мнению многих исследователей, она олицетворяла стихию земли – Мать-землю и как богиня урожая почиталась всеми славянскими племенами. Впоследствии Мокошь приобрела различные функции, в основном богини судьбы. У многих народов символом человеческой судьбы является нить, спряденная на священной прялке. У славян такой богиней-пряхой судьбы была Мокошь. Ее считали покровительницей и помощницей всех прядильщиц. Поэтому девушки приносили ей в жертву мотки пряжи, бросая их в водоемы и колодцы. Считалось, что жужжание веретена во время прядения указывает на ее присутствие. Мокошь представляли в виде женщины с длинными руками и большой головой, которая прядет пряжу в хижине по ночам. По мнению исследователей, стилизованная женская фигура с руками, обращенными к земле в защитном жесте, часто встречающаяся в народной вышивке, – это Мокошь.

Прямых свидетельств в письменных или фольклорных источниках о культе богини с именем Мокошь (бел. Мокаш) в Беларуси нет. Но о том, что вера в богиню с такими функциями существовала, свидетельствует распространение культа ее христианского аналога – Параскевы-Пятницы. Этой святой была посвящена одна из первых каменных церквей (сер. XIV в.) в бывшей столице Великого Княжества Литовского городе Вильно (современное название – Вильнюс). По свидетельствам конца XVI в., белорусы очень чтили, кроме Бога и Богородицы, Святителя Николая и Параскеву-Пятницу, чествование которой приходилось на 14 и 28 октября (по старому стилю) [1, с. 311].

3. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ЖЕНСКИХ БОГОВ в КИТАЙСКОЙ и БЕЛОРУССКОЙ МИФОЛОГИИ

В древности мир воспринимался как воплощение дихотомии добра и зла, и, соответственно, существовали как добрые, положительные боги, так и злые, отрицательные.

В древнекитайской мифологии демон засухи – дочь Небесного Владыки Хуан-ди *богиня Ба*, которую люди ненавидели ее из-за отсутствия дождей во всех местах, где она побывала. Однако стоит отметить, что богине Ба также приписывается вклад в благосостояние людей. Первоначально ее изображали в виде женщины-богини войны. В «Шань хай цзин» есть история о том, что у Желтого Императора была дочь по имени Ба, которая часто носила зеленое платье. Желтый Император послал Ин Лонга сразиться с Чи Ты, и две армии встретились в Цичжоу. Ин Лонг приготовил много воды и воздуха, чтобы сразиться с Чи Ты, который пригласил богов ветра и дождя помочь ему в битве. Чи Ты победил Ин Лонга сильным ветром и проливным дождем. Тогда Желтый Император послал свою дочь Ба на помощь в битве, и благодаря ей буря прекратилась, а Чи Ты был побежден и убит. Место, где остановилась Ба, стало сухим и безводным. Богиня Ба часто была причиной засухи, и чтобы засуха закончилась, молились: «Бог, иди на север». Ее не любили, так как везде, где она появлялась, случалась сильная засуха, а посевы, трава, деревья увядали и умирали, оставляя людей без

еды и серьезно влияя на их жизнь. Богиня Ба отдала все свое сердце и душу людям, но из-за своих особенностей была нелюбима ими, и у нее нет иного выбора, кроме как скитаться из-за несправедливости, которой она подверглась. У Ин Лонга, одного из главных героев-мужчин в этом мифе, счастливая судьба, хотя и он, и богиня Ба исчерпали свои силы и не могут вернуться на Небо. Убив Чи Ты и Куа Фу, Ин Лонг отправился на юг, где стало больше дождей. Это должно объяснять тот факт, что на юге дождей больше, а на севере меньше. Один из богов (Ин Лонг) представляет юг, а другой (Ба) – север, и они равны по статусу. Во время засухи люди наряжались в костюм Ин Лонга, чтобы молиться о хорошей погоде и дожде, но в процессе молитвы о дожде молодые женщины становились «демонами засухи» и приносились в жертву небесам. Во времена династий Мин и Цин были очень популярны обычаи «груда костей засухи» и «сжигание Ба». Народный обычай, записанный в «Истории династии Мин», гласит, что во время засухи люди раскапывали недавно зарытые могилы, вытаскивали тела и уродовали их конечности в так называемой «груде костей засухи». Хотя династия Мин запретила эту практику, она все еще была распространена при династии Цин и превратилась из «груды костей засухи» в сжигание костей.

Один из древнейших мифологических образов славянского народа – *Баба-Яга* – в белорусской мифологии имеет характерные физические черты: обычно это уродливая старуха, которая в некоторых сказках изображается с отвисшей грудью. Баба-Яга может есть человеческую плоть, особенно маленьких детей. Ее жилище – избушка на курьих ножках – находится в глухом лесу, а в ограду вокруг избушки воткнуты человеческие черепа. В фольклоре и в мифологии лес – это сакральное место, где совершаются мистические ритуалы, находится вход в потусторонний мир. Баба-Яга и избушка на курьих ножках, в которой она живет, размещаются на перекрестке добра и зла и являются хранителями подземного мира. В некоторых сказках Баба-Яга помогает главному герою, используя свою магию, дает ему небольшие волшебные предметы для выполнения заданий. Но иногда она же принимает облик злой ведьмы, которая съедает главного героя или создает ему препятствия, вредит. В таких случаях она изображается негативно. Например, в сказке «Баба-Яга» ведьма хватается ребенка и намеревается зажарить его в печи, чтобы потом съесть, а в другой сказке о Бабе-Яге ведьма подговаривает девушек, оставшихся дома одних, убить собственную собаку, а затем съедает их всех [1, с. 54].

Сохранившиеся в Китае мифологические представления не являются полными, это, скорее, отдельные фрагменты бывшей сложной системы верований. Частичное представление о славянской мифологии ученые могут получить, полагаясь лишь на свидетельства, записанные христианскими миссионерами в Центральной и Западной Европе после XI в. Белорусская мифология сохранилась в традиционной народной культуре и нашла свое отражение в фольклоре. Элементы мифологии присутствуют в сказках, заговорах, купальских, свадебных песнях, погребальных голошениях. Однако, несмотря на эти ограничения, китайская и белорусская мифология самобытны, имеют отличительные национальные особенности и вместе с тем – частичное сходство: они основаны на теме человеческого существования, подчеркивая силу человека и его социальную природу; героические фигуры в мифах полны мотивации, божественной силы и героического духа; мифы имеют достаточно сильный эмоциональный окрас и богаты воображением. Оба народа верят, что умные, мудрые, трудолюбивые и добрые женщины-богини могут принести удачу, способны помочь в повседневных

трудах и в преодолении различных трудностей. Женщины-богини, которые вредят другим и приносят несчастье, вызывают неодобрение и очень часто несут наказание. Разница заключается в том, что в белорусской мифологии важным элементом образа женщины-богини является ее внешность, в то время как в китайской мифологии внешность женщин не описывается. В белорусской мифологии образ женщины-богини более женственный, в то время как у китайцев женский образ в основном ассоциируется с животными и показывает духовную силу женщины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мифалогія беларусаў : Энцыкл. слоўнік / [склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько]. – Мінск : Беларусь, 2011. – 605 с.
2. 孟繁仁 文庆, 从“抔土造人”神话到“后土皇地祇”, 山西社会主义学院学报, 2002:2.37–41. / Мэн Фаньрэн. От мифа «Нюйва слепила человека из мокрой глины» к «Хоу ту хуан ди чжи» / Мэн Фаньрэн, Вэнь Цин. // Журнал Шаньсийского института социализма. – 2002. – № 2. – С. 37–41.
3. 张文安, 中国神话研究与文化要素分析. 博士论文, 专业: 中国文化史, 张文安, -陕西. 2004. / Чжан Вэньань. Исследование китайской мифологии и анализ культурных элементов : дисс. ... канд. истор. наук / Чжан Вэньань. – Шаньси, 2004.
4. 于沛, 戴桂菊. 斯拉夫文明, 中国社会科学出版社. 2004. 436–441. / Юй Пэй. Славянская цивилизация / Юй Пэй, Дай Гуйцзю // China Social Science Press. – 2004. – С. 436–441.

Н. Г. Шпаковская

УДК 398.22(=113.1)+008

Кафедра романо-германских языков международной профессиональной деятельности, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ФОЛЬКЛОРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «СОЛНЦЕСТОЯНИЕ» А. АСТЕРА)

В статье рассматривается специфика обращения к фольклору в фильме А. Астера «Солнцестояние». Выдвигается предположение о том, что процесс интеграции авторского художественного текста и фольклорных элементов представляет собой в данном случае особый тип фольклоризма, коррелирующего с предложенной в 2015 г. концепцией фольклореска. Фольклореск трактуется как современная перцепция и репрезентация фольклора популярной культурой. Делается вывод о том, что в кинокартине соединяются различные формы фольклореска: интеграционная (произведение выступает как продуманный коллаж из различных (чаще всего глобально узнаваемых) фольклорных мотивов), описательная (в контексте произведения дается представление о фольклористике как науке (обычно не соответствующее действительности)) и пародийная (произведение также является игрой со стереотипами и предыдущими интерпретациями фольклора в популярной культуре).

Ключевые слова: фольклор; фольклоризм; фольклореск; популярная культура; скандинавская мифология.

Образец цитирования: Шпаковская Н. Г. Фольклоризм в современной популярной культуре (на примере фильма «Солнцестояние» А. Астера) / Н. Г. Шпаковская // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 15–22.

N. Shpakouskaya

Department of Romano-Germanic Languages for International Professional Activities, Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

FOLKLORISM IN PRESENT-DAY POPULAR CULTURE (BY THE EXAMPLE OF A. ASTER'S FILM "MIDSOMMAR")

The article examines an integration of folklore and a popular culture text in A. Aster's film "Midsommar" in terms of its correlation with the interpretation of folkloresque. The concept of folkloresque introduced in 2015 is understood as a contemporary perception and performance of folklore by popular culture. It is concluded that various forms of folkloresque are combined in the film: integration (the product as a thoughtful bricolage of various (often globally recognizable) folklore motifs), portrayal (a usually untrue idea of folklore as a science is expressed in the product), and parody (the product as a game with stereotypes and previous interpretations of folklore in popular culture).

Keywords: folklore; folklorism; folkloresque; popular culture; Norse mythology.

For citation: Shpakouskaya N. Folklorism in Present-day Popular Culture (by the example of A. Aster's film "Midsommar"). Sophia. 2023;1:15–22. Russian.

Автор:**Нина Геннадьевна**

Шпаковская – старший преподаватель кафедры романо-германских языков международной профессиональной деятельности факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0002-6108-9980>

nina.shpakouskaya@gmail.com

Author:

Nina Shpakouskaya – Senior Lecturer at the Department of Romano-Germanic Languages for International Professional Activities at the Faculty of International Relations, Belarusian State University.

Актуальность обращения к теме интерпретации фольклорного наследия в популярной культуре обусловлена необходимостью теоретического осмысления роли художественной культуры в передаче, трансформации и материализации фольклорных мотивов и образов, а также возможностью переосмысления принципов и механизмов фольклоризма в контексте современной популярной культуры.

Начало исследований симбиоза популярной культуры и фольклора связывается обычно с именем Р. Дорсона, который в 1950-м году предложил термин «*fakelore*», т. е. ненастоящий фольклор, имея в виду, что фолк-исполнители, литературные произведения и мультипликационные фильмы компании У. Диснея «злоупотребляли, эксплуатировали и фальсифицировали» настоящий фольклор [5, с. 335]. Подобная точка зрения может показаться сегодня элитаристской и чрезмерно радикальной, однако заслуга Р. Дорсона состоит в том, что он обратил внимание на потенциал фольклора способствовать продаже продуктов популярной культуры. В последующие годы было продолжено изучение коммерческой и идеологической контекстуализации фольклора. Одновременно с этим исследователи из разных стран употребляли различные термины для описания тех фольклорных (и псевдофольклорных) элементов, которые использовались в произведениях популярной культуры. Наиболее прочно в научном дискурсе закрепился термин «фольклоризм», которым принято обозначать обращение к фольклору вне того культурного контекста, в котором он был создан.

Кандидат филологических наук Р. Ковалева предлагает в своей статье «Восточнославянский фольклор и литература: типология фольклоризма» следующие типы фольклоризма: органичный, структурно-информативный, бытийный, порождающий, трансформативный, рационалистический, конструктивный, стихийный, наивный, интуитивный и естественный. При этом исследователь подчеркивает возможность наличия иных вариантов интеграции фольклора и авторского художественного текста [1, с. 162].

Как правило, в современных художественных произведениях соединяется нескольких типов фольклоризма, при этом фольклорные элементы, несмотря на их узнаваемость читателем и зрителем, часто невозможно соотнести с каким-либо первоисточником в силу того, что они базируются на совокупности как аутентичных, так и более поздних авторских работ – как на фольклоре, так и на различных предыдущих проявлениях фольклоризма.

В 2015 г. американские исследователи М. Д. Фостер и Дж. А. Толберт предложили термин «фольклореск» для описания фольклора, интерпретированного современной популярной культурой. Ссылаясь на Оксфордский словарь английского языка, М. Д. Фостер указывает, что суффикс -еск используется для обозначения чего-то, что «напоминает определенный стиль» или «обладает характеристиками чего-то», следовательно фольклореск – это что-то, похожее на фольклор [6, с. 7]. Стоит сделать оговорку, что фольклореск не является принципиально новым явлением в соотношении с фольклоризмом, данный термин, скорее, развивает и расширяет понятие фольклоризма. Автор делает основной акцент на способности фольклореска соединять продукт популярной культуры с образами и нарративами за рамками самого продукта, наполнять современный художественный текст ощущением аутентичности, тем самым легитимируя его, давать читателю или зрителю ощущение связи произведения с многовековой традицией. При этом в качестве узнаваемого самой широкой аудиторией «фольклора» может выступать как сам оригинальный материал, так и его многочисленные интерпретации в художественной культуре. Согласно М. Д. Фостеру, понятие фольклореск расширяет понимание как фольклора, так и популярной культуры, а также симбиотических отношений между ними.

М. Д. Фостер выделяет три основных вида фольклореска: интегрирующий (соединение несвязанных фрагментов абсолютно различных традиций с целью создания нового цельного продукта), описательный (репрезентация фольклористики как «приключенческой» сферы деятельности, связанной с потусторонним миром, эзотерикой, тайными знаками, расследованием ритуальных преступлений и т.п.), пародийный (юмористический или сатирический комментарий предыдущих интерпретаций фольклора в популярной культуре, мета-шутки) [6, с. 18].

Цель данной статьи – проанализировать механизмы интеграции фольклора в фильме американского режиссера А. Астера «Солнцестояние» с точки зрения корреляции его содержания с интерпретацией фольклореска.

Методологическим основанием работы стал структурно-семиотический подход, используемый для анализа художественного пространства текста популярной культуры.

«Солнцестояние» – это фильм ужасов с высокой концентрацией аллюзий на мифологические и фольклорные элементы. Согласно сюжету картины, несколько американских студентов приезжают в Швецию, чтобы принять участие в традиционном праздновании середины лета – Мидсоммара (аналога белорусского Купалья). Они оказываются в деревне Хорга, небольшом сообществе, живущем в соответствии с архаичными представлениями о мире, и романтизированное восприятие Мидсоммара как идиллического семейного праздника на лоне природы полностью разрушается первоначальным смыслом торжества.

Несмотря на то, что название фильма относится к конкретной традиции, произведение основано на ряде различных фольклорных элементов, которые смешаны и зачастую лишь косвенно упоминаются. В большинстве случаев представляется невозможным определить первоисточник, что согласуется с описанием фольклореска М. Д. Фостером: «Фольклореск редко основан на каком-либо одном народном произведении или традиции; обычно он был сознательно собран из целого ряда фольклорных элементов...» [6, с. 10].

Одна из самых очевидных аллюзий связана с иллюстрацией шведского художника Й. Бауэра «Бедный маленький медвежонок!» (рис. 1). В начале киноленты мы видим

картину Й. Бауэра в комнате главной героини, на которую автоматически проецируется изображенный на полотне образ маленькой уязвимой принцессы. Однако в конце фильма ритуальной жертвой становится именно медведь, а принцесса превращается в так называемую королеву мая. Искусство Й. Бауэра тесно связано с мифологическими и сказочными мотивами. Закономерно, что в фильме данный мотив (принцесса и медвежонок) воспринимается как часть фольклорной действительности, но на самом деле иллюстрация сделана к опубликованной в 1912 г. сказке Х. Ньюблум «Путь невинности» [10] и, таким образом, отражает не народный мотив, а мотив из другого популярного произведения, которое, в свою очередь, возможно, частично основано на народном мотиве.

Рис. 1. Иллюстрация Й. Бауэра «Бедный маленький медвежонок!»

В скандинавской фольклорной традиции медведь может выступать как в положительной, так и в отрицательной роли. Согласно ряду поверий, облик медведя могли принимать колдуны [7, с. 504]. С другой стороны, в образе медведя за человеком могут следовать так называемые фюльгьи – духи-покровители. Современные упоминания о медведе в контексте празднования Мидсоммара, в первую очередь, связаны с детской игрой «Vjörnen sover» («Медведь спит»), в ходе которой один из участников притворяется спящим медведем, а остальные водят вокруг него хоровод, повторяя одноименную песню-потешку. В какой-то момент «медведь» просыпается и начинает догонять остальных детей.

Другой известный фольклорный мотив, на который намекает фильм, – это история о Гамельнском крысолове. В образе дудочника представлен персонаж по имени Пелле, который приглашает американских студентов в свою общину в Швеции и, таким образом, приводит будущих жертв на место жертвоприношения. Образ музыканта или волшебной флейты / скрипки, заставляющей других танцевать, встречается

в народных культурах разных стран, а следовательно без труда считывается зрителем фильма и катализирует воспоминания о данном образе в других произведениях.

В фильме традиция хороводов вокруг майского шеста на Мидсоммар связывается с фольклорными преданиями о дьяволе, который приходит в поселение в образе музыканта и играет мелодию, слыша которую люди не могут перестать танцевать. В одном из таких преданий названо конкретное место в Швеции – деревня Хорга [9], реальный топографический объект. Именно здесь локализуется действие фильма. Несмотря на наличие целого ряда преданий с общим сюжетом, зафиксированных в разных районах Скандинавии, соединение фиктивного языческого поселения с настоящим населенным пунктом, названным в фольклоре, делает картину более аутентичной в глазах зрителей. Дополнительный смысл место действия получает также благодаря этимологии слова «хорга», которое связывается с древнеисландским обозначением места жертвоприношения [9]. При этом, как отмечает П. Клементс, восприятие аутентичности, в первую очередь, зависит от того, насколько произведение соответствует ожиданиям аудитории [4, с. 23]. Ожидания, в свою очередь, формируются под воздействием «правдоподобных» интерпретаций фольклора и истории в современных фильмах, компьютерных играх, литературе – в связи с этим многие привычные реципиенту артефакты, образы и символы переходят из произведения в произведение, превращаясь в своего рода штампы, сигнализирующие о «архаичном», «средневековом», «фольклорном» и т. п. В фильме к таким служащим для создания определенной суггестивной атмосферы «штампам» можно отнести собранные в загадочные символы руны (знаки древнескандинавской письменности), которые зритель видит повсеместно (на одежде героев, в зданиях, на камнях и т. д.). В Хорге есть также специальная книга, куда записываются руны, которые передает оракул общества. Этот персонаж может быть спроецирован как на пророчицу-вельву в скандинавской мифологии, так и на греческого оракула в Дельфах. Кроме того, внешний вид оракула напоминает персонажа с теми же функциями из сериала М. Херста «Викинги», что говорит о пародийных элементах в фильме, которые комментируют предыдущие популярные культурные изображения знакомых мотивов.

Для создания в фильме правдоподобного образа шведского языческого общества важны даже мелкие детали. Например, девушки двигаются задом наперед, когда собирают цветы, чтобы украсить майский шест. Согласно народным скандинавским поверьям, собранные таким образом растения сохраняют свою магическую силу. В Саге о Греттире есть эпизод, когда ведьма Турид вырезает руны, а затем обходит их задом наперед, чтобы усилить их действие [2, с. 692]. Ритуальное хождение или движение назад также описано в финско-шведской народной медицине и лечебной магии: чтобы научиться колдовать, нужно пройти «три раза назад и против часовой стрелки вокруг церкви» [6, с. 14], злой человек мог забрать с собой покой ребенка, выйдя из дома задом наперед [6, с. 564], если укусит змея, надо трижды «сосчитать в обратном направлении» от 20 до 1 [6, с. 79] и т. д.

Шведский язык и песни также играют важную роль в закреплении ощущения правдоподобности. Фильм начинается и заканчивается песней. Когда совершается жертвоприношение, вся община оплакивает своих умерших членов, и этот ритуальный плач можно соотнести с традицией плакальщиц на похоронах (рис. 2).

Рис. 2. Кадр из фильма «Солнцестояние»: жители деревни Хорга.

Фильм содержит большое количество отсылок к скандинавской мифологии. Например, сюжет вращается вокруг числа девять. Согласно мифам, существовало девять миров, верховный бог Один висел, пронзенный копьем, на Мировом Древе девять ночей и девять дней, чтобы познать тайну рун, другой бог, Тор, умер, отступив на девять шагов от поверженного им Мирового Змея и т. д. По словам хрониста XI в. А. Бременского, викинги устраивали в Упсале девятидневный пир, на котором они приносили в жертву по девять особей различных существ, включая людей, всего 72 жертвы (7 плюс 2 равно 9) [3, с. 43]. Согласно убеждениям языческого сообщества, изображенного в фильме, 72 года знаменуют собой конец жизни. Зритель видит, как два 72-летних человека прыгают со скалы, чтобы соединиться с природой и возродиться заново. Подобная традиция косвенно упоминается в Саге о Гаутреке, но поскольку это единственный существующий источник, исследующая данный вопрос Б. Оден считает, что подобный «шведский родовой утёс [следует] отнести к миру мифов» [11, с. 229].

В фильме также обозначено особое отношение к деревьям как части древних представлений о мире. Дерево – это первое, что зритель видит, когда начинается фильм. Ракурсы камеры и звук играют большую роль в фильме, наполняя определенные сцены символическим значением. Деревья и природа противопоставлены городу и цивилизации. Образ дерева под звуки народного пения неожиданно сменяется резким сигналом телефонного звонка и образом спящего города, благодаря чему подчеркивается типичный для сказочного мира дуализм добра и зла. Показательно также, как дорога постепенно переворачивается в кадре, когда студенты приближаются к языческому поселению.

В месте, где община хоронит своих членов, стоит засохшее дерево. Один из персонажей говорит, что здесь его предки и его народ. Согласно скандинавским фольклорным

представлениям, деревья могли быть местом обитания духов природы. Было опасно причинять вред таким деревьям. Среди преданий встречаются рассказы о крестьянах, которые собирались срубить или были наказаны за то, что срубили дерево, в котором жило сверхъестественное существо [7, с. 309]. Одновременно вера в духов предков в той или иной форме существовала, вероятно, во всех древних обществах.

Жестокие мифические элементы сочетаются в фильме со стереотипами о шведах, что становится причиной черного юмора. Например, шведская традиция есть маринованную сельдь на Мидсоммар связывается с поверьем (вероятно, вымышленным) о том, что рыбу следует есть целиком, чтобы заручиться удачей. Футуристическим для языческого общества способом решается, кто станет девятой жертвой: система маленьких шариков, исписанных рунами, напоминает популярную в Швеции игру в бинго (рис. 3). Подобные аллюзии можно отнести к пародийному фольклореску, а подобные шутки – к мета-юмору, т. е. саморефлексивному юмору [8, с. 29].

Рис. 3. Кадр из фильма «Солнцестояние»: лотерея как элемент мета-юмора.

Среди интертекстуальных компонентов фильма можно отметить также обращение к датскому фильму «Слово» 1955 г. (оформление декора домов) и короткометражному фильму о дьявольском танце в Хорге Т. Лотстрёма 1992 г. (это касается графического материала для киноленты, созданного Н. Свенссоном).

Подобные отсылки к предыдущим толкованиям фольклора, как и упоминаемое ранее включение в контекст настоящих географических объектов и людей, усиливают «подлинность» фильма: «Особенностью фольклореска является то, что создатель или потребитель продукта популярной культуры воспринимает его как “подлинный”, что обеспечивается ассоциациями с “настоящим” фольклором» [8, с. 11]. Еще один способ повысить «аутентичность» произведения, по словам М. Д. Фостера, – это включить в контекст «объекты, которые явно или косвенно демонстрируют свою связь с фольклором, или персонажей, обозначенных как фольклористы (этнографы)» [8, с. 11]. В фильме «Солнцестояние» фольклорная основа сюжета подчеркивается тем, что двое студентов, приехавших в Швецию, являются этнологами и хотят написать диссертацию о жизни в языческом обществе. Их спор о том, кто первым выбрал данную тему, выглядит одновременно и трагикомичным, и циничным, поскольку зрители, в отличие от героев, начинают предчувствовать, что студенты больше ничего не решают и вряд ли смогут покинуть поселение живыми.

Фильм, как бы сказал М. Д. Фостер, вызвал «петлю обратной реакции, в которой фольклореск (повторно) включается в фольклорную культурную среду, на которую он ссылается» [8, с. 11]. Многие аллюзии раскрывают свое значение для большинства зрителей уже в ходе активного обсуждения и объяснения фильма в различных медиа-каналах в Интернете. Подобные детали придают дополнительный смысл первоначальному сюжету, делают его более сложным и многоплановым. Существует также веб-сайт «Добро пожаловать в Хоргу» (<https://welcometoharga.org/>), где данный населенный пункт описывается как языческое поселение в соответствии с фильмом. Возможно, в перспективе можно будет говорить о развитии мистического туризма в настоящей шведской Хорге, катализированного произведением популярной культуры.

Таким образом, интерпретация фольклора в фильме «Солнцестояние» полностью коррелирует с концепцией фольклореска. В киноленте соединяются его различные формы: 1) интегрирующая (произведение как продуманный коллаж из различных (чаще всего глобально узнаваемых) фольклорных мотивов), 2) описательная (в контексте произведения дается одностороннее и предвзятое представление о фольклористике как о науке, связанной с изучением оккультного и сверхъестественного) и 3) пародийная (произведение как игра со стереотипами и предыдущими интерпретациями фольклора в популярной культуре).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ковалева, Р. М. Восточнославянский фольклор и литература: типология фольклоризма / Р. М. Ковалева // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэр. X міжнар. навук. канф., г. Мінск, 6–8 кастр. 2011 г. / рэдкал. : І. А. Чарота (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Выдав. цэнтр БДУ, 2011. – С. 161–168.
2. Сага о Греттире (Пер. О. Смирницкой) // Исландские саги : В 2-х т. – СПб. : Нева, Летний сад, 1999. – Т. 1. – С. 569–772.
3. Allan, T. The Vikings: Life, Myth and Art / T. Allan. – New York : Barnes & Noble, Inc., 2004. – 144 p.
4. Clements, P. Authenticity / P. Clements // Medievalism: Key Critical Terms ; ed. E. Emery, R. Utz. – Cambridge : D. S. Brewer, 2014. – P. 19–26.
5. Dorson, R. Folklore and Fake Lore / R. Dorson // American Mercury. – 1950. – P. 335–342.
6. Finlands svenska folkdiktning. Folketro och trolldom. Magisk folkmedicin / Svenska litteratursällskapet i Finland. – Helsinki, 1927. – 758 s.
7. Finlands svenska folkdiktning. Mytiska sägner / Svenska litteratursällskapet i Finland. – Helsinki, 1931. – 660 s.
8. Foster, M. D. The Folkloresque: Reframing Folklore in a Popular Culture World / M. D. Foster, J. A. Tolbert. – University Press of Colorado, Utah State University, 2016. – 272 p.
9. När man talar om trollen – Avsnitt 16: Hårgasäggen & djävulens dans [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=OwoQTQMqVE&t=3s>. – Date of access: 20.02.2023.
10. Nyblom, H. Oskuldens vandring / H. Nyblom // Bland tomtar och troll. – Åhlén & Åkerlunds Förlag, 1912. – 120 s.
11. Odén, B. Attestupan – myt eller verklighet? / B. Odén // Scandia. – 1996. – Vol. 62, № 2. – S. 221–234.

А. А. Бруевич

УДК 821.162.1

Кафедра белорусской филологии, филологический факультет, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ ТАДЕУША МИЦИНЬСКОГО

Статья посвящена Тадеушу Мицинскому, польскому модернисту, чье творчество тесно связано с белорусско-русско-польской художественной парадигмой, сформировавшейся на пограничье модернизма и панславизма. Рассматриваются некоторые особенности поэтики и эстетики, в частности, проблема функционирования мифологических мотивов и образов в поэзии данного автора.

Ключевые слова: модернизм; панславизм; мифология; Тадеуш Мицинский.

Образец цитирования: Бруевич А. А. О некоторых особенностях поэтики и эстетики Тадеуша Мицинского / А. А. Бруевич // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 23–30.

A. Brusevich

Department of Belarusian Philology, Hrodna State Janka Kupała University;

Doctoral student of the Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, Belarusian State University

ON SOME FEATURES OF THE POETICS AND AESTHETICS OF TADEUSH MITSINSKY

The article is dedicated to Tadeush Mitsinsky, a Polish modernist whose work is closely connected with the Belarusian-Russian-Polish artistic paradigm, formed on the borderline of modernism and pan-Slavism. Some features of poetics and aesthetics are considered, in particular, the problem of the functioning of mythological motifs and images in the poetry of this author.

Keywords: modernism; pan-Slavism; mythology; Tadeush Mitsinsky.

For citation: Brusevich A. On some Features of the Poetics and Aesthetics of Tadeush Mitsinsky. Sophia. 2023;1:23–30. Russian.

Автор:

Анатолий Александрович Бруевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии филологического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;

докторант кафедры истории белорусской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0002-0007-5147>
brusevich_aa@grsu.by

Author:

Anatol Brusevich – Docent, PhD of Philology, Associate Professor of the Department of Belarusian Philology, Hrodna State Janka Kupała University; Doctoral Student of the Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, Belarusian State University.

В 2023 году исполняется 150 лет со дня рождения Тадеуша Мициньского (1873–1918) – выдающегося польского писателя-модерниста, представителя литературы «Молодой Польши», чье имя, к большому сожалению, если даже известно постсоветскому русскоязычному читателю, то только по немногочисленным переводам некоторых стихов из сборника «Во мраке звезд» («W mroku gwiazd»), который вышел еще в 1902 г. и был единственной книгой поэзии, изданной при жизни писателя.

С русскоязычными переводами стихотворений Т. Мициньского можно познакомиться, например, заглянув в уникальное издание «Книга павших. Поэты Первой мировой войны. Антология мировой поэзии» [3], вышедшее под патронатом Евгения Лукина, российского литератора, эссеиста и переводчика. Десяток переводов на русский язык стихов польского поэта принадлежат историку искусства и члену Российского союза писателей Нине Матвеевой-Пучковой: «её» Т. Мичиньский (такое написание фамилии Т. Мициньского иногда встречается в российских источниках) вместе с другими знаменитыми авторами (Яном Кохановским, Яном Анджеем Морштыном, Юлиушем Словацким, Антонием Ланге, Казимежем Пшерва-Тэтмайером, Болеславом Лесьмяном, Марией Павликовской-Ясножевской, Бруно Ясенским и Кшиштофом Камилем Бачинским) был представлен в недавно вышедшей книге «Эхо. Избранные переводы с польского. Вторая половина XVI – первая половина XX вв.» [4].

На белорусский язык шесть стихов польского модерниста перевела Ирина Ходоренко, опубликовав их в журнале «Дзеяслоў» [7]. С скромный вклад в «белоруссизацию» поэзии Т. Мициньского внес и автор данной статьи [6].

К слову, ни драматургию, ни публицистику этого писателя никто пока еще не переводил ни на язык Пушкина, ни на язык Купалы и Коласа. Ничего не известно и о современных переводах прозы Т. Мициньского. Анализ интернет-ресурсов и ряда библиографических источников показывает, что единственным прозаическим произведением Т. Мициньского, переведенным на русский язык, стал рассказ «Любовь Анагиты» («Miłość Anahity»). О его публикации на страницах московского общественно-политического и литературного еженедельника «Армянский вестник» упоминает в своей книге «Русская художественная литература и геноцид армян» Михаил Амирханян:

«Давний друг армянского народа известный польский поэт Тадеуш Мициньский, много переводивший на польский армянских поэтов, путешествуя по Турции, слышал рассказы о мужестве и патриотизме армянской девушки. Он написал полный драматизма с трагическим исходом публицистический рассказ “Любовь Анагиты”. Этот рассказ в переводе с польского в 1916 г. был напечатан в “Армянском вестнике”» [1, с. 228]. Заметим, упомянутый рассказ впервые появился в начале все того же 1916 г. в московском польскоязычном журнале «Echo Polskie» («Польское эхо») [15], откуда, вероятнее всего, и был взят для дальнейшего перевода на русский с целью публикации в «Армянском вестнике». Примечательно, что перевод был осуществлен Валерием Брюсовым [5], одним из наиболее ярких представителей русского символизма, поэтом, чьи творческие интересы и художественные предпочтения весьма схожи с литературными и эстетическими предпочтениями Т. Мициньского. М. Амирханян, между прочим, на данный факт не обращает специального внимания, не проявляя интереса к аналогиям в наследии Т. Мициньского и В. Брюсова. Тем не менее в своей книге он заявляет, что «деятельность В. Брюсова в русско-армянских отношениях не имеет себе равных» [1, с. 236].

Итак, творчество Т. Мициньского, можно сказать, почти не представлено на необъятных просторах постсоветского культурного пространства: для рядового русско- и белорусскоязычного читателя это самая настоящая «terra incognita». С другой стороны, большинство историков литературы, включая авторитетных российских полонистов (Наталью Богомолову, Ольгу Медведеву, Виктора Хорева, Елену Цыбенко), стремились не забывать о творчестве данного автора, подчеркивая талант произведений Т. Мициньского, которые «призваны передать ощущение хаоса жизни, потерянности и одиночества человека на земле перед лицом враждебных ему, непознанных дьявольских сил» [13, с. 44]. Вместе с тем, ни в советском, ни в современном российском литературоведении не было и нет ни одной монографии, посвященной творчеству этого замечательного автора.

Немного лучше дела обстоят в современной белорусской полонистике: в 2016 г. Еленой Нелепко была защищена кандидатская диссертация на тему «Драматургия Тадеуша Мициньского: проблематика и поэтика», которой предшествовала публикация одноименной монографии [8]. Исследовательница пришла к интересным выводам, проведя, например, параллели между отдельными драматическими произведениями польского модерниста и пьесами Янки Купалы: оказывается, некоторые мотивы в творчестве Т. Мициньского встречаются и у классика белорусской литературы. Заметим, в молодости будущему автору таких драм, как «Рябиновая ночь» («Noc rabinowa»), «Князь Потемкин» («Kniaź Piatomkin»), сборника рассказов «Чернобыльские дубы» («Dęby Czarnobylskie»), где явно присутствует белорусская тематика, довелось провести некоторое время (1892–1893 гг.) на Гомельщине, работая домашним учителем, что в дальнейшем имело «влияние на формирование эстетических, художественных, философских и политических взглядов будущего писателя и стало органической частью его творчества» [9, с. 1].

Следует добавить, что не только «интеллектуальная среда Гомельщины» [9, с. 1], но и сама белорусская земля вдохновляла польского литератора на создание художественных шедевров мирового уровня. Об этом свидетельствует и книга стихов Т. Мициньского «Во мраке звезд», представляющая собой смесь символизма, экспрессионизма, а также сюрреализма (последнее из названных направлений, заметим,

увлекло польского автора гораздо позже его творческих поисков в области трансцендентного). Поэт посвящает книгу своей жене Марии Добровольской, которая, кстати, родом из Беларуси. Именно из посвящения мы узнаем, что стихи, вошедшие в знаменитый сборник, «в Татрах, в Риме, над Атлантикой и в лесах Полесья были написаны» [16, с. 153]. Учитывая способность Т. Мициньского заключать в каждом слове множество различных смысловых нагрузок, следует предположить, что белорусское Полесье для автора книги не просто географический объект, а один из ключевых элементов его эстетики, некий философский камень, оживляющий художественное пространство «мрака звезд». Напрашивается и аналогия с учением о четырех (плюс один) сакральных элементах, известных в различных культурах: возможно, Полесье воплощает как раз один из них, скорее всего «воздух», который вместе с «землей» (Татры), «огнем» (Рим) и «водой» (Атлантика) «запускает» процесс становления поэтического мира Т. Мициньского. Так или иначе, белорусский субстрат присутствует в творческом сознании поэта, тесно переплетаясь с элементами иных культурных традиций, порой весьма экзотических, что позволяет говорить о культивировании автором сборника «Во мраке звезд» идей космополитизма в литературе. Данная тенденция в польском (как, впрочем, и в белорусском, и в русском) словесном искусстве объясняется стечением различных обстоятельств – от попытки преодолеть некоторые традиции романтизма (например, доминирование «своего» над «чужим») до стремления вывести за пределы национально-культурного канона свою литературу ради ее частичного или полного слияния с другими мировыми литературами.

Еще раз отметим, что публикацией сборника «Во мраке звезд» его автор опередил многих европейских поэтов в стремлении выйти за рамки существующих в то время художественно-эстетических принципов, идей и понятий. Уже само название книги поражает загадочностью и парадоксальностью. Рискнем предположить, что речь идет именно о мраке той «высшей реальности», приблизиться к которой впоследствии пытались сюрреалисты (Андре Бретон, основатель направления, Луи Арагон, Филипп Сюпо, Поль Элюар и ряд других литераторов). Или даже утверждается мысль о невозможности подобного приближения, ибо тьма есть отсутствие света. Правда, можно только догадываться, какой свет имел в виду поэт-модернист. Учитывая непреодолимое стремление Т. Мициньского черпать вдохновение из различных философских систем, из религиозно-мистических, оккультных и эзотерических учений, из мировой мифологии (прежде всего библейской), можно предположить, что «светом» для автора книги «Во мраке звезд» является Бог: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1:5). Соответственно, «тьма», «мрак» выступают символами греха и зла. Действительно, «Во тьме звезд» есть поэтическая интерпретация ряда онтологических проблем, центральной из которых является соотношение добра и зла, противостояние этих этических категорий и даже их определенная взаимообусловленность.

Найти ответы на ряд непростых вопросов, поставленных лирическим героем и самим автором, в первую очередь помогает Библия, поэтому стихи Т. Мициньского насыщены прежде всего библейскими образами: Иеговы (Адоная), Каина, Люцифера, Бельфегора, Аваддона, и чаще всего – Христа. Однако интересной особенностью, а может даже и закономерностью книги, является то, что поэт параллельно вводит и множество других образов и мотивов – как известных, так и достаточно экзотических, заимствованных из мифологии Древней Греции и Рима, из восточных религий, из персидских легенд и скандинавских саг, из славянских языческих верований. Среди

мифологических образов, которые Т. Мициньский использует в качестве своеобразного «моста» между разными культурами, эпохами и контекстами, можно выделить следующие: Аполлон, Гелиос, Горгоны, Калипсо, кентавры, Минотавр и др. (из греческой мифологии), Ариман, Ормузд, Ахуры и др. (из иранской мифологии), Агни (из индийской мифологии), Валгалла, скальды и др. (из скандинавской мифологии), друиды (из кельтской мифологии). Имеется также целая галерея персонажей, общих для многих мифологических систем: вампиры, призраки, орки и другие, в основном, демонические существа. Кстати, очень интересной особенностью книги «Во мраке звезд» является то, что Т. Мициньский может использовать в рамках одного стихотворения мотивы и образы, которые в принципе сложно представить рядом друг с другом. Этот художественный прием ведет к наслоению различных культур, эпох и контекстов, но в то же время создает возможность своеобразного диалога между ними, свидетельствующего не только о многогранности, но и о единстве человеческой цивилизации. Вместе с тем читатель погружается в темные глубины авторского «я»: туда, где законы логики перестают действовать и сознание полностью переходит в область случайных ассоциаций. Поэтому, например, в стихотворении «Каин» известный библейский мотив первого в мире убийства раскрывается через образы Ормузда и Аримана (олицетворения добра и зла), взятые из иранской (авестийской) мифологии:

*Jak wulkan krwawy w łonie Arymana,
jak Samum, gdy się wichrami rozuzda –
tak we mnie otchłań – gwiazdami przetkana
leciała w państwo słoneczne Ormuzda* [16, с. 20].

Кроме того, действие в «Каине» Т. Мициньского (как внутреннее, так и внешнее) начинается с появления загадочной женской фигуры: то ли прекрасной златовласой волшебницы, то ли ведьмы, то ли жрицы с лицом индийской Богородицы, в голубых искрах – серебряной прозрачности – выходящей из глубины леса (возможно, даже из белорусского, упомянутого автором в посвящении):

*Wyszła mi z boru – w złocie warkoczy
z twarzą indyjskiej Bogarodzicy –
w błękitnych iskrach – w srebrnej przeźroczy –
nadksiężycowej wieszczka świątnicy...* [16, с. 20].

Даже в одном приведенном выше четверостишии наблюдается удивительное переплетение довольно неоднозначных и, казалось бы, мало совместимых образов и мотивов. У несведущего читателя сразу может возникнуть закономерный вопрос: при чем тут вообще братоубийца Каин, если стихотворение в целом о любви?! Ответ находим в одной из нетрадиционных версий причины конфликта между братьями, согласно которой второе грехопадение произошло также из-за женщины: «У Каина и Авеля была сестра (или две сестры, одна из которых была красивее другой), из-за нее и возникла ссора» [10, с. 498]. Что же касается индийской Богородицы, то и этот образ не случаен. Скорее всего, Т. Мициньский имел в виду богиню Адити. В древнеиндийской мифологии она является воплощением женского начала и матерью многих богов. Но главное – это женское божество связано «с отпущением грехов, освобождением от вины; именно об этом часто просят Адити в молитвах» [12, с. 37].

Мотив искрения, встречающийся также и в других стихотворениях Т. Мициньского, прежде всего связан с «божественным началом», некой первоосновой: как известно, из искры возникает пламя, а в большинстве мифологических систем огонь – это один из первоэлементов, участвующий в акте сотворения мира. Кроме того, искра в стихотворении «Каин» выступает как метафора инициации – действия вопреки природным инстинктам. А еще данным словом традиционно обозначают талант, божий дар, то, что вдохновляет человека. При этом для Т. Мициньского совершенно неважно, на что нацелена «божья искра» вдохновения: на любовь, борьбу, жизнь или смерть.

Мотив лунного сияния также используется поэтом не только как образное украшение стихотворения: с этим небесным светилом связано множество легенд, в том числе «об убийстве брата братом (в христианизированном варианте – Авеля Каином), которых Бог поместил на Луне как вечное напоминание об этом преступлении» [11, с. 319]. Подобные легенды бытовали и среди белорусов, о чем свидетельствуют, например, записи фольклориста и этнографа Михала Федоровского [14, с. 149]. Отметим, что сбор материалов М. Федоровским происходил в то же время, когда и Т. Мициньский находился в Беларуси. А это значит, что автор «Каина» мог слышать некоторые варианты библейской легенды о братоубийстве в белорусской народной интерпретации и впоследствии использовать услышанное в своем творчестве.

Как видим, «Каин» имеет очень сложную, многоуровневую идейно-художественную структуру. Данное произведение скорее повествует даже не о любви, а об умерщвлении этого высокого чувства, которое литературные предшественники Т. Мициньского, поэты-романтики, считали искрой божьей и главной движущей силой мира. Лирический же герой поэта-модерниста утверждает, что именно сам Бог стоит между любовью и сердцем, лишая человека возможности быть счастливым и свободным:

*Nie wzbraniał mi jej smok, żelazna wieża,
zdradny labirynt, ni królewskie ramię –
miłość zwycięży wszystko – wszystko złamie –
ale nie miłość drugą do pasterza [16, с. 20].*

Подобный мотив встречается в знаменитой мистерии «Каин» английского романтика Джорджа Байрона. Правда, здесь герой пытается восстать против установленных Богом правил, в то время как герой Т. Мициньского просто наблюдает за происходящим вокруг, не имея желания действовать активно. Что ж, эпоха романтизма прошла, и в новой культурной парадигме выстроилась новая концепция литературного героя: одинокого созерцателя катастрофы, чаще своей собственной, внутренней, но соизмеримой с бесконечностью внешнего мира.

Многогранность мотивно-образного универсума, которую мы наблюдаем в книге стихов «Во мраке звезд» и которая, по-видимому, также основана на стремлении поэта отразить всю сложность и парадоксальность своего времени (считается, что рубеж XIX и XX веков – одна из самых сложных и противоречивых эпох в мировой истории), проявляется и в других текстах сборника.

Например, в поэме «Черное княжество» вдруг появляется героиня греческих мифов Андромеда, а рядом с ней реальная историческая личность – еврейская царица Береника. Соседствуют здесь библейский город Гоморра и индийская Голконда, очень близко друг к другу расположились захваченный кентаврами Олимп и «адский Иерусалим» («Jeruzalem piekielna») [16, с. 11], населенный немymi сфинксами. Все,

происходящее в «Черном княжестве», напоминает страшный сон или какую-то галлюцинацию. Стоит упомянуть, что те же сюрреалисты, стремясь разорвать отношения с привычной реальностью, строили свои произведения наподобие снов, грез и галлюцинаций, используя при этом различные неожиданные аллюзии. Т. Мициньский освоил этот поэтический прием раньше, и, соответственно, ушел дальше. Как справедливо замечает Н. Богомолова, «в мире, созданном поэтическим воображением Мициньского, разорваны не только связи с повседневностью, но и с реальной, предметной действительностью» [2, с. 104]. Тот внешний хаос, который мы как будто наблюдаем в стихах польского поэта, может быть не только странным результатом работы его подсознания (так называемого «автоматического письма»), но и вполне осмысленным приемом, направленным на разрушение традиционного, стереотипного мышления. Упомянутый выше «адский Иерусалим», по-видимому, возник не стихийно, а как некий вызов известному «небесному Иерусалиму» из «Откровения» Иоанна Богослова. Хотя можно допустить и первый вариант (спонтанное возникновение), поскольку Т. Мициньский постоянно использует «адские» образы и мотивы, делая их еще одной чертой своей поэтической книги. Почти в каждом стихотворении присутствуют мотивы ужаса, страдания, мрака, смерти, образы падших ангелов, нечистой силы, демонов, чудовищ и, как обязательный атрибут ада, мотив огня или огненной лавы. К слову, образ вулкана также нередко появляется на страницах сборника Т. Мициньского. Будучи знатоком мировой мифологии, поэт не мог не воспользоваться представлениями, например, древних римлян, согласно которым через кратер вулкана Аверн можно попасть в подземный мир (римский эквивалент ада). Отметим, что ту же роль играет Аверн в эпической поэме Вергилия «Энеида». Образ Аверна встречается и в стихотворении Т. Мициньского «Возлюбленные богов» («Kochankowie bogów»), где названный вулкан ассоциируется с царством теней или христианским адом, представление о котором, однако, базируется главным образом на греческих и римских мифах. Нечто аналогичное можно наблюдать в «Комедии» Данте Алигьери, где лирический герой-христианин, спускаясь в ад, встречает кентавров, гарпий, Минотавра, Цербера. Здесь можно увидеть отсылки автора поэтического сборника «Во мраке звезд» к традиции великого итальянца – использованию образов тех же кентавров или Минотавра, которому даже посвящено отдельное одноименное произведение. Впрочем, возникновение подобных образов вполне понятно, учитывая, что часть стихов, вошедших в сборник Т. Мициньского, создавалась в Риме – самом сердце итальянской культуры, бывшем центре латинской античности, в одном из самых удивительных мест мира, куда, если верить известному выражению, ведут все дороги.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

- творческое наследие польского модерниста Т. Мициньского определенно заслуживает внимания со стороны и белорусского, и российского литературоведения, поскольку данного автора многое связывало с культурой восточноевропейского региона, что впоследствии нашло отображение в тематике и проблематике ряда произведений – лирических (сборник стихов «Во мраке звезд»), драматических («Князь Потемкин», «Рябиновая ночь») и прозаических («Чернобыльские дубы»);
- одной из наиболее характерных черт творчества Т. Мициньского, связывающих поэта с представителями зрелого модернизма в литературе конца XIX – начала XX вв., является его удивительная способность выстраивать довольно цельное художественное пространство на основе полилога совершенно разных

эстетических идей, культурных кодов, мифологических систем и религиозно-философских парадигм;

- художественные тексты Т. Мициньского, особенно поэтические произведения, свидетельствуют о том, что их автор был одним из самых ярких представителей не только польского, но и славянского, европейского символизма, экспрессионизма, а также в некотором смысле и предшественником сюрреализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Амирханян, М. Д.* Русская художественная литература и геноцид армян / М. Д. Амирханян. – Ереван : Айастан, 1988. – 271 с.
2. *Богомолова, Н. А.* О лирике Тадеуша Мициньского / Н. А. Богомолова // *Studia Polonica*. К 60-летию Виктора Александровича Хорева. – М. : Ин-т сл.-вед. и балканист. РАН, 1992. – С. 101–116.
3. *Лукин, Е.* Книга павших. Поэты Первой мировой войны. Антология мировой поэзии / Е. Лукин. – СПб : Лики России ; фонд «Спас», 2014. – 480 с.
4. *Матвеева-Пучкова, Н.* «Эхо. Избранные переводы с польского. Вторая половина XVI – первая половина XX вв.» / Н. Матвеева-Пучкова. – М. : Российский союз писателей, 2020. – 116 с.
5. *Мицинский, Т.* Любовь Анагиты / Т. Мицинский // *Армянский вестник*. – 1916. – № 36. – С. 11–13.
6. *Миціньскі, Т.* Люцыфер / Т. Міціньскі // *Новы замак : літаратурны альманах*. – Мінск : Кнігазбор, 2018. – Вып. 6. – С. 170.
7. *Миціньскі, Т.* Чорны замак духу. Вершы / Т. Міціньскі // *Дзеяслоў*. – 2013. – № 5. – С. 209–212.
8. *Нелепко, Е. П.* Драматургия Тадеуша Мициньского : проблематика и поэтика / Е. П. Нелепко. – Гродно : ЮрСаПринт, 2015. – 192 с.
9. *Нелепко, Е. П.* Драматургия Тадеуша Мициньского : проблематика и поэтика : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е. П. Нелепко ; БДУ. – Мінск, 2016. – 26 с.
10. *Папазян, А. А.* Каин и Авель [Электронный ресурс] / А. А. Папазян // *Мифы народов мира : Энциклопедия* / Гл. ред. С. А. Токарев. – М., 2008. – С. 497–499. – Режим доступа : <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/>. – Дата доступа : 01.03.2023.
11. *Санько, С.* Месяц / С. Санько // *Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўн. ; рэдкал. : С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч*. – 2-е выд., дап. – Мінск : Выд-ва «Беларусь», 2006. – С. 316–320.
12. *Топоров, В. Н.* Адити [Электронный ресурс] / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира : Энциклопедия* / Гл. ред. С. А. Токарев. – М., 2008. – С. 37. – Режим доступа : <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/>. – Дата доступа : 01.03.2023.
13. *Хорев, В. А.* Польская литература XX века. 1890–1990. – М. : Индрик, 2009. – 352 с.
14. *Federowski, M.* *Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w VIII t.* / M. Federowski. – Kraków : Akademia Umiejętności, 1897. – T. I : Wiara, wierzenia i przesady z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. – 509 s.
15. *Miciński, T.* Miłość Anahity / T. Miciński // *Echo Polskie : tygodnik ilustrowany*. – 1916. – R. II, № 8. – S. 9–13.
16. *Miciński, T.* W mroku gwiazd / T. Miciński. – Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1902. – 155 s.

Л. В. Олейник

УДК 821.161.3.09

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается повесть народного писателя Беларуси Ивана Шамякина «Сатанинский тур». Исследуются отраженные в сюжете проявления социализации и социальной адаптации личности в условиях социально-экономического кризиса. Анализируется роль художественного произведения как социокультурной практики. Утверждается, что повесть позволяет глубже постигать явления и законы социально-общественного бытия, является уроком социализации для читателей, которые через сопереживание героям и неизбежные рефлексии приобретают опосредованный, но ценный жизненный опыт.

Ключевые слова: художественная литература; социализация личности; социальная адаптация; нравственность; морально-этические принципы.

Образец цитирования: Олейник Л. В. Нравственность как основа социализации личности / Л. В. Олейник // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 31–40.

L. Aleinik

Department of History of Belarusian Literature, Faculty of Philology, Belarusian State University.

MORALITY AS A BASIS OF INDIVIDUAL SOCIALIZATION

The story of the People's Writer of Belarus Ivan Shamyakin "Satanic Tour" is considered. The manifestations of socialization and social adaptation of the personality reflected in the plot in the conditions of the socio-economic crisis are investigated. The role of a work of art as a sociocultural practice is analyzed. It is argued that the story allows a deeper understanding of the phenomena and laws of social and social life, is a socialization lesson for readers who, through empathy with the characters and inevitable reflections, gain indirect but valuable life experience.

Keywords: fiction; personality socialization; social adaptation; morality; moral and ethical principles.

For citation: Aleinik L. Morality as a Basis of Individual Socialization. Sophia. 2023;1:31–40. Russian.

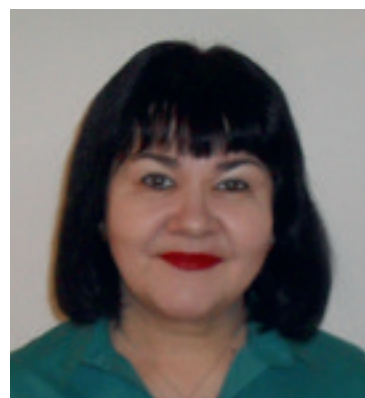
Автор:**Лада Викторовна**

Олейник – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории белорусской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0002-4279-3067>
lada_oleinik@mail.ru

Author:

Lada Aleinik – PhD of Philology, Docent, Associate Professor at the Department of History of Belarusian Literature, Faculty of Philology, Belarusian State University.

Социализация – необходимое условие полноценного функционирования личности в социуме, это сложный и многогранный процесс, который подразумевает освоение человеком социокультурного опыта (ценностей, традиций, общественных норм, правил поведения, социальных ролей и др.), и позволяет интегрироваться в систему социальных отношений. В условиях максимальной динамизации современной жизни, стремительного развития информационных технологий, анонимизации социальных отношений, девальвации системы традиционных ценностей процессы социализации и социальной адаптации чрезвычайно усложнились, приобрели статус фундаментальных научных проблем.

Необходимо отметить, что социализация – процесс социокультурного развития индивида, адаптация – механизм соотношения ценностных ориентаций личности с социальным окружением [6]. Социализация охватывает множество различных аспектов, касающихся личности и ее самосознания, подразумевает и вовлеченность в культурный контекст, и определенный уровень образованности, воспитания, но самое главное – этику. Именно этика – способность отличать добро и зло, делать нравственный выбор – выступает фундаментальной основой продуктивной социализации, а этические знания являются регуляторами нравственного поведения личности [7].

Принципиальным условием успешной социализации является нравственность, так как социальная устойчивость и целостность общества определяется прежде всего именно способностью сохранять нравственность в любых социальных условиях, даже в периоды самых тяжелых испытаний. Цель социальной адаптации как одного из механизмов социализации – поиск своеобразного баланса между собственными интересами личности и общественными требованиями, но с ориентацией на универсальную систему гуманистических ценностей.

Ряд важнейших функций в социокультурном развитии личности выполняет художественная литература, которая является значительным методологическим инструментом социально-гуманитарной науки [1] и фактором социализации [2]. Именно проблемы нравственности, возможностей человеческой воли и характера всегда были магистральными в отечественной и мировой литературах. Известно, что особенно выразительно человеческая суть – как самое благородное и героическое, так и низменное, подлое и предательское – выявляется в экстремальных обстоятельствах, в ситуациях чрезвычайных испытаний. В художественной литературе довольно часто воплощаются как раз такие сюжеты, которые делают очевидными глубинные качества личности. Множество выдающихся литературных произведений, в которых отражены события восстаний, революций, военных событий и техногенных катастроф, являются этому доказательством. Но, понятно, не только острые трагические ситуации вынуждают человека раскрывать свою сущность. Повседневная общественная жизнь, напрямую зависящая от социальных конфликтов и экономических кризисов, также по-своему определяет нравственный потенциал и ценностные приоритеты личности. Естественно, социально-бытовые проблемы не требуют от человека такого самопожертвования, как, например, военные события, но нередко становятся не только элементарной проверкой на порядочность, но и настоящим испытанием на гуманность.

Проза белорусского писателя Ивана Шамякина в большой степени направлена именно на отражение внутреннего мира современника в условиях социальных конфликтов и кризисных общественно-политических ситуаций. Литературовед В. П. Рагойша

отметил: «По произведениям И. Шамякина можно изучать социально-политическую историю Беларуси второй половины XX века. Правда, социальные конфликты, как того и требует литературно-художественное творчество, переведены в романах и повестях писателя в морально-этический и психологический планы. <...> Нацеленность на современность, на злободневные проблемы общественной жизни, на сдвиги в обществе, вызванные определенными общественно-политическими событиями, желание не только отразить эти события, но и повлиять на их ход и на их результаты, выразительная публицистичность (в лучшем смысле слова) – вот что прежде всего определяет все, что написано И. Шамякиным» [3, с. 22].

Действительно, во многих произведениях И. Шамякина («Paradies auf erden», «Вернисаж», «Падение», «Бумеранг», «Без покаяния» и др.) очевидно стремление писателя проанализировать поведение героев в переломных социальных ситуациях, определить взаимосвязь социализации личности (усвоенных индивидуумом морально-этических норм, правил межличностных взаимоотношений в обществе, культурных ценностей) и способности к социальной адаптации (приспособленности к изменчивым обстоятельствам жизни).

В основу повести «Сатанинский тур» (1993) легли относительно недавние события из жизни нашей страны конца 1980-х – начала 1990-х годов, которые вошли в историю под названием «перестройка». Реформы, направленные на смену общественно-политической и экономической государственной системы, привели в результате к экономическому коллапсу, стали причиной товарного дефицита, безработицы и массового обеднения. Люди вынуждены были приспосабливаться к рыночным условиям жизни, искать новые возможности доходов. Одним из способов заработка стала полулегальная торговля – коллективные поездки на рынки в Польшу. Именно такое коммерческое путешествие на автобусе, во время которого определяется внутренняя сущность всех пассажиров вместе и каждого из них в отдельности, показано в сюжете повести «Сатанинский тур». Писатель отразил в произведении взаимосвязь социализации и социальной адаптации, с художественной достоверностью обосновал нравственную основу этих процессов.

Импульсом к написанию повести послужила реальная жизненная история, глубоко впечатлившая автора. Она вошла в книгу дневниковых записей И. Шамякина «Размышления на последнем перегоне» (датируется 11 января 1993 г.): «Вчера российское телевидение передало дикий факт, который просто ошеломил. Боже мой, до чего дожили! У людей, для которых доллар стал богом, исчезает все человеческое. Из Пскова отправился автобус с торговцами-челноками в Польшу. На подъезде к границе (к Бресту, Гродно?) умер один из пассажиров. Что делают остальные? Останавливаются? Поворачивают назад? Нет. Горит бизнес. Труп покойника кладут на заднее сидение, накрывают и продолжают свой маршрут – к польскому базару. Проходят таможеню. Пересекают границу. Четыре дня ездят по Польше, продают, покупают, ночуют в автобусе, едят, пьют – рядом с покойником. Ужас! До какого падения дошли люди!» [4, с. 432]. Эмоциональная запись свидетельствует о том, каким возмущением откликнулось в сознании писателя – участника Великой Отечественной войны, который не по слухам знал, что такое голод и мучения, проявление антигуманного в людях мирного времени. Да, несомненно, времени очень сложного и противоречивого, но совсем не безнадежного.

Художественное воплощение этой истории давалось И. Шамякину очень непросто. По дневникам писателя понятно, каких душевных усилий потребовало от него осмысление этого случая и какой внутренней полемикой сопровождался творческий процесс. «Ночью прокручивал <...> сюжет. Но страшно становилось, что 25–30 белорусов [не россиян, как в реальной истории. – Л. О.] вынужден показать вот такими ... нелюдями» [4, с. 232]; «Пишу с волнением. Очень жаль героя, искреннего человека, ученого, который умирает в дороге. Пишу и плачу» [4, с. 234].

Герой, о котором автор упоминает с глубокой болью, является центральным персонажем произведения. Университетский преподаватель Владислав Булавский, кандидат филологических наук, исследователь польского языка, действительно вызывает искреннее сочувствие и симпатию. О сложном материальном состоянии в семье ученого сначала становится известно из внутренних монологов его жены Марины, которая собирает мужа в дорогу – в коммерческую поездку в Польшу. Идея «бизнеса» принадлежала Ивану, брату Марины, который однажды привез Булавским целую канистру спирта и посоветовал продать его именно в Польше. Друг семьи, преподаватель химии, помог изготовить из спирта «вкусный ликер» и «столичную водку». Марина понимает, насколько Владиславу тяжело решиться на такую «авантюру» – ученый-интеллигент, который всю жизнь руководствовался нравственными принципами, вынужден ехать за границу, чтобы торговать суррогатным алкоголем. Безусловно, Владислава донимают муки совести, но он обязан позаботиться о своей семье – о жене, которая ждет второго ребенка, о дочке-первокласснице. И. Шамякин подробно освещает, какой психологической травмой обернулась для Булавских ситуация социального кризиса. Стрессовое состояние Владислава и Марины обусловлено не только безденежьем, но теми радикальными изменениями, которые разрушили прежние социальные иерархии, привычные механизмы социальной защиты. Нравственность, абстрактные духовные ценности подверглись жесткому испытанию кризисом экономики. Героев И. Шамякина угнетают стыд и унижение из-за необходимости принимать новые правила общественной жизни, которые противоречат их морально-этическим принципам. Буквально с первых страниц произведения И. Шамякин целенаправленно утверждает, что, отвергая законы нравственности, человек теряет устойчивую жизненную основу, утрачивает самоуважение и оказывается во власти мучительного внутреннего конфликта.

Компания «бизнесменов», которая отправляется в «торговое путешествие» в Польшу, состоит из совершенно разных и по возрасту, и по профессиональной деятельности, и по социальному статусу людей. Формальным руководителем «туристического тура» является Диана Желткова – представитель благотворительного фонда «Детям Чернобыля». Однако всеми делами управляет на самом деле коммерсант Леонид Узёнтук, для которого подобные поездки стали одним из источников стабильной прибыли. «В первой же поездке он стал лидером группы и убедился, что добровольные обязанности эти выгодны во всех отношениях, моральных и материальных. Таким Лёня Узёнтук был со школьных лет – всегда лидером, вожак. Когда работал секретарем райкома, то и у себя в районе, и в области на конференциях, пленумах был не только душой компании коллег своих секретарей, но и всех пятисот делегатов – дирижер в песнях, затейник, выдумщик в играх. Он не мог не красоваться перед людьми. Таким и остался, хотя на висках появился первый иней. Мог бы уже и не ездить – разбогател же на поездках, имеет бар, три ларька, умеет и дома зарабатывать деньги, для верности “перегоняет”

рубли в доллары и марки и умеет их прятать – что в сберегательном банке, а что и в стеклянной банке – в тайнике на даче. Но именно потому, что удачные туры в Польшу дали первоначальный капитал, Узёнтонк не отказывался от поездок» [5, с. 84].

По своей сути Владислав Булавский и Леонид Узёнтонк являются героями-антиподами. Один – безусловно положительный ученый-гуманитарий, заботливый муж и отец, интеллигент, который всю жизнь руководствовался принципами нравственности и справедливости. Помимо прочего, он очень скромный человек, не только не склонный к коммерческим авантюрам, но вообще лишенный предпринимательских способностей. Второй – однозначно отрицательный, хитрый ловкач и приспособленец, самовлюбленный циник. Даже к автобусу Узёнтонк является с показухой и высокомерием, как «важную персону» его сопровождают двое телохранителей – Юрик и Гвоздик, крепкие и суровые парни. Портрет Леонида Узёнтонка автор отразил очень подробно. Образ этого персонажа складывается и из отдельных штрихов, деталей, и также из развернутых зарисовок, примером которых является эпизод, когда Узёнтонк встречает участников поездки и, «считая себя физиономистом, психологом», определяет «кто есть кто». Органическую неприязнь вызывают у него «чистые туристы» – те, что приходят без багажа, едут действительно на экскурсию, а не торговать. «Он просто ненавидел их, чистеньких. Были такие в предыдущих поездках. Пока те, кто отбивал “туристический тур”, таскали мешки, как ишаки, дрожали на таможенных, подкупали польских полицейских, до хрипоты торговались с крикливыми, как цыганки, польскими спекулянтами, они, чистые туристы, осматривали музеи Варшавы» [5, с. 85]; «Он ненавидел ученых, потому что сам когда-то мечтал пролезть в науку и считал, что его не пустили в этот храм умники» [5, с. 93]. С откровенной завистью Узёнтонк наблюдает, как Владислав Булавский прощается со своей женой, как нежно Марина обнимает своего мужа. Сам же отправляется в поездку с любовницей Ирэнной – вульгарной, «разрисованной, как кукла» женщиной.

И. Шамякин неслучайно сосредоточил внимание на мыслях и чувствах Леонида Узёнтонка, на сопоставлении его поведения и внутренних ощущений. Внешне этот «герой своего времени» выглядит достаточно социализированным и социально адаптированным – в новых условиях жизни он чувствует себя уверенно и раскрепощенно, фактически излучает оптимизм и доброжелательность. Однако писатель акцентирует внимание на том, что ни материальная обеспеченность, ни формальная жизненная благоустроенность не наделяют этого персонажа подлинным чувством морального комфорта, его бесконечно донимает ощущение своей «социальной неполноценности». Автор подчеркивает, что понятия порядочности, гуманности вызывают у Леонида Узёнтонка лишь презрение, этот деятель всю жизнь руководствовался другими принципами: приспособлялся, дружил с нужными людьми, выслуживался перед начальством – и всегда достигал своих целей. Этот внешне веселый, энергичный и жизнерадостный человек в глубине души трусливый и подлый, переполненный завистью и злобой.

Портрет Леонида Узёнтонка существенно дополняют его размышления о спутниках, так как знакомство с большинством пассажиров автобуса происходит непосредственно через оценочные суждения руководителя «туристической группы». Почти все участники поездки вызывают у него негативные эмоции: с раздражением Узёнтонк рассматривает Ядю Кожуру – молоденькую девушку, «чистую туристочку», которая пришла с одним небольшим чемоданчиком; с подозрением встречает Аронина – странного человека с небольшим, но невероятно тяжелым мешком; с нескрываемой иронией

рассматривает Андрея Андреевича Шиха – «проклятого интеллигента», который явился всего лишь с портфелем в руках и напоминает «чеховского героя». Тревогу вызывают два молодых парня – Копыток и Язьков, которые фигурировали в списке туристической группы как «железнодорожные рабочие», но ни внешностью, ни стилем поведения совершенно не соответствовали образам простых работяг. «Если рекетиры – еще полбеды. <...> А если работники органов? Милиционеры – это еще ничего, милиционеров можно купить. А если из госбезопасности? Похолодел от такой перспективы» [5, с. 87–88]. Снисходительное одобрение Узёнтка заслуживают только те спутники, которые тащат к автобусу огромные упаковки товара – как, например, Тася и Маруся, работницы швейной фабрики, или агроном Гречкосей.

Художественная образность, композиционно-стилистические элементы, пафос произведения И. Шамякина направлены на выявление ключевой идеи сюжета – отражение взаимосвязи нравственных принципов личности и способов адаптации в сложных социальных условиях. Товар, который имеется у торговцев, и способы его добычи, выступают в повести своеобразной маркировкой времени. Гигантские объемы продукции, которую люди вывозят на продажу за границу, инспирируются такой же огромной разницей в стоимости – выручка в несколько раз превосходит цену товара, да еще и в «твердой валюте». Такая выгодная конвертация обесцененных советских денег не обеспечивалась больше нигде. Поэтому «торговали – кто чем: кофемолки, миксеры, кипятильники, пробки, лампочки, плошки, ложки, белье...» [5, с. 128]. В условиях тотального дефицита каждый использует доступные возможности: одни выстаивают в очередях и скупают в магазинах мелкую бытовую технику, другие нагло воруют на производстве, третьи не гнушаются разного рода мошенничества. Тася и Маруся, например, даже не скрывают, что везут на продажу продукцию своего предприятия. «Действительно, они везли бюстгалтеры, целых две сотни. Наворовали на фабрике. Не одни они так промышляли: приходили на работу без бюстгалтера, а потом в душевой натягивали на себя по два» [5, с. 90]; аптекарша Сивцова везет в Польшу целые сетки дефицитных лекарств; старшая из пассажиров, пенсионерка тетка Дуся, тащит сумки бельевых веревок, которые охотно разбирают польские хозяйки. Даже водители автобуса, старый Валевиц и его молодой напарник Володя, не остаются в стороне от «коммерции» и торгуют автомобильным маслом.

В повести «Сатанинский тур» наглядно показано, как в переломные времена, когда общество дезориентировано, экономика дестабилизирована, контроль за соблюдением законности ослаблен, люди начинают самостоятельно решать проблемы повседневной жизни в соответствии со своим пониманием нравственности. Кто-то позволяет себе мелкие правонарушения, кто-то решается на серьезный криминал, кто-то абсолютно игнорирует этические нормы. Но всегда есть люди с устойчивыми нравственными принципами, нарушение которых вызывает угнетающее чувство вины и не компенсируется никакими дивидендами. Так, в отличие от Узёнтка и других пассажиров автобуса, которых в дороге охватило радостное оживление, Владислава Булавского, наоборот, все сильнее донимает стыд и презрение к самому себе. От переживаний прихватывает сердце. Из внутренних монологов героя выясняется, что у него в самом деле серьезные проблемы со здоровьем – совсем недавно ему прямо на работу вызывали «скорую». Но чтобы не тревожить беременную жену, Владислав скрыл от нее этот факт. Плохое самочувствие, нравственные переживания, неосознанное ощущение тревоги подталкивают к принятию решения: нужно возвращаться домой. Но

когда он просит водителя остановить автобус, пассажиры наперебой начинают отговаривать Владислава, «подскочили даже те, кто дремал»: «Уговаривали все. Даже молчаливый бородач что-то говорил. И Гречкосей. И тетка Дуся. Убеждали так горячо, искренне, будто боялись: если он сойдет, то их поездка сорвется» [5, с. 101]. Под общим натиском Владислав сдается и решает остаться.

Этот эпизод в повести, безусловно, играет важнейшую роль. Социальная ответственность – способность принимать осмысленные решения, осознавать возможные последствия своих действий – также является неотъемлемой частью процесса социализации личности [8]. Поведение участников «торгового тура» выявляет не только их общую безответственность, но общее безразличие к чужой судьбе. Ни один человек не заволновался по-настоящему, никто не воспринял всерьез состояние Булавского, что свидетельствует о своеобразном коллективном инфантилизме всей группы пассажиров.

В это же время, когда Владислав мучительно осмысливает ситуацию, в которой оказался, его жена переживает острую паническую атаку. Еще накануне, собирая мужа в дорогу, Марина бесконечно сомневалась: не стоит ли все отменить? И сама себя оправдывала: «Это для маленького. Бог простит нам этот грех» [5, с. 79]. Но когда простилась с Владиславом и проводила взглядом автобус, ее охватило настоящее отчаяние. «Какой из тебя коммерсант, Владик? Смех и грех! Я же знаю: будешь мучиться. Всю дорогу. И никакой радости тебе эта поездка не даст. Одни мучения, одни мучения... <...> Что же делать?» [5, с. 103]. Сначала Марина решает взять такси и догнать автобус, но никто из водителей не соглашается гнать по скользкой дороге. Тогда женщина звонит в деревню сестре, чтобы родственники остановили автобус на шоссе и «высадили» Владислава, но сестра шутками и смехом успокаивает Марину, убеждает не предпринимать никаких действий.

Кульминация повести разворачивается одновременно в двух плоскостях. Измученная Марина возвращается домой, ей становится плохо, и женщина теряет ребенка. Владислав засыпает в автобусе и умирает во сне.

Дальнейшие сюжетные события отличаются напряженной динамикой. Естественно, первая реакция у всех пассажиров шоковая – люди напуганы, растеряны. Только Узёнтка донимают злость и отчаяние от осознания, что поездка срывается. Но осмыслив ситуацию и немного успокоившись, он решает действовать. Леонид Узёнтук убеждает «туристов», что поездку ни в коем случае нельзя отменять – все понесут большие убытки. А тот факт, что человек умер в дороге – не их вина, в этом нет «состава преступления». Единственным, кто не согласен с этим предложением, оказывается водитель автобуса Володя Обламейко. Парень служил в Афганистане, знает цену жизни и смерти, и не может принять кощунственное решение руководителя группы. Но его голос ничего не решает. Во-первых, Володя не участник «экскурсии», а «человек подневольный» и должен исполнять свои непосредственные обязанности. Во-вторых, на него оказывает давление старший коллега, от которого парень находится в определенной зависимости. «...Старый Валеви́ч дергал молодого напарника, шептал: “Молчи! Наше дело крутить руль. Мы – извозчики”» [5, с. 113]. Отношения у них сложные: Володя – потенциальный зять Валеви́ча, и невеста, зная крутой нрав своего отца, перед поездкой попросила жениха ни в чем не перечить будущему тестю.

И. Шамякин с психологической достоверностью отразил, как виртуозно действует опытный авантюрист Узёнтук. Понаблюдав за реакцией спутников, он прежде всего определяет единомышленников – тех, кто принимает его сторону. Среди них

оказались юрист Панов, налоговый инспектор Аронин и агроном Гречкосей, относительно Юрика и Гвоздика не возникает сомнений – они обязаны исполнять волю хозяина. Заручившись поддержкой сообщников, Узёнтонк начинает «обрабатывать» других пассажиров автобуса. Сначала он сообщает, что мужчины приняли единогласное решение продолжать путь, а после предлагает «проголосовать» женщинам. «Узёнтонк знал, как нужно проводить голосование – работа в комсомоле научила...» [5, с. 115]. Каждому, кто соглашается поддержать предложение Узёнтка, в душе стыдно и досадно, каждый понимает аморальность своих действий. Но самый легкий способ приглушить чувство вины – это с кем-то разделить ответственность за свое решение. Женщины даже стараются не смотреть в глаза Узёнтку, формулируя свои ответы, словно за них все решили другие: «Я с мужчинами», – сообщает Ирэна; «Как все», – говорит Диана; «Я – как люди», – перекрестившись отвечает тетка Дуся. И только когда очередь дошла до Яди, Узёнтонк несколько растерялся – было понятно, что девушка не поддержит общего решения. Но ловкий проныра и здесь сориентировался – сообщил, что Яде всего лишь семнадцать лет, поэтому она не имеет права «голосовать». Таким образом, дело сделано, и Леонид Узёнтонк торжествует. При этом И. Шамякин подчеркивает, что радость алчного коммерсанта обусловлена не столько тем, что он избегает материальных издержек, сколько осознанием, «что люди такие же, как он, за копейку отца родного продадут» [5, с. 116]. Тело Владислава Булавского укладывают на задних сидениях, накрывают брезентом, и автобус отправляется к польской границе.

В повести «Сатанинский тур» очень выразительно показано, как легко манипулировать людьми, которые обесценивают свои нравственные убеждения. В процессе социализации человек усваивает не только нормы социального поведения, но прежде всего – морально-этические принципы, на которых базируются общественные отношения. Безусловно, на протяжении жизни личность постоянно приобретает новый опыт и переосмысливает некоторые взгляды. Однако существуют абсолюты – фундаментальные этические аксиомы, которые регламентируют человеческие взаимоотношения во всем цивилизованном мире. Соответственно, социальная адаптация не является механическим приспособлением к обстоятельствам, наоборот, – это процесс сознательного выбора, обусловленный всем предыдущим жизненным опытом личности [9]. Сделка с собственной совестью, на которую пошли участники «торгового тура», мгновенно дала свои результаты. Общая угнетенность, которая охватила пассажиров автобуса, обеспокоила Узёнтка – он чувствовал, как по отношению к нему у спутников нарастает агрессия. Узёнтонк напряженно пытается понять: кто же настроивает против него всю группу? Ему даже не приходит в голову, что попутчики переживают мучительные рефлексии, осмысливая низость своих действий, а он, как виновник их нравственного падения, вызывает раздражение и отторжение.

Общее настроение заметно меняется, когда автобус прибывает на польский рынок. Начинается торговля, все стремятся как можно выгоднее продать свой товар. Только Узёнтонк не принимает участия в этой суете – высадив всех пассажиров, он тайком отправляется на встречу с «личным покупателем». Во время этой встречи выясняется настоящий масштаб преступной деятельности «руководителя тура»: в отличие от всех прочих участников поездки, которые зарабатывают на мелкой спекуляции, он занимается настоящим криминалом – контрабандой военной оптики и боевого оружия.

Последующие события сюжета являются началом всеобщего бунта пассажиров автобуса против своего руководителя. Сделка Узёнтка, на которой он собирался

заработать огромные деньги, сорвалась. Разочарование авантюриста, который уже фактически чувствовал в руках долларовые банкноты, постепенно сменяется яростью. В другом состоянии он, вероятно, вел бы себя более осмотрительно, но в гневе совершенно утратил бдительность и самоконтроль. Он видел, что, несмотря на удачную торговлю, пассажиры автобуса по-прежнему не скрывают своей враждебности к нему, смотрят «как голодные волки, готовые разорвать на куски» [5, с. 135]. Чтобы разрядить напряженную атмосферу, Узёнок решает организовать пьянку, воспользовавшись алкоголем, который имелся в багаже умершего Булавского. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Володи Обламейко: «Покойника грабишь! <...> Мародер! Мы таких расстреливали...» [5, с. 137]. Узёнок бросается на парня с кулаками.

Заключительные события повести выступают своеобразным референсом ключевой идеи сюжета, выявляют истинную суть каждого из персонажей. Молодой и сильный Володя с легкостью справляется и с Узёнком, и с его неуклюжими телохранителями. После чего покидает автобус, сообщив на прощание будущему тестю, что доберется своим ходом. Старый Валевиц, который постоянно требовал от потенциального зятя послушания – «молчать», «не перечить» – с удовлетворением и гордостью оценивает поступок парня: «Молодец! Такой способен постоять и за себя, и за жену...» [5, с. 138].

Высокомерного и самовлюбленного Узёнка в финале произведения И. Шамякин показывает в комическом ракурсе, подчеркивая всю мизерность амбициозного коммерсанта. С разбитым носом Узёнок ползает по автобусу – ищет выбитые золотые зубы, причитает и требует отправления в обратный путь. Никто не сочувствует руководителю тура, наоборот – все воспринимают его страдания как сатисфакцию за свое унижение. А вот с предложением возвращаться домой без колебаний соглашаются. «Не все продали свой товар. <...> Однако никто не возразил против решения сейчас же, среди ночи, ехать домой. <...> Устали от душевного и физического дискомфорта» [5, с. 139].

Казалось бы, история подошла к своему логическому завершению. Но писатель еще более заостряет финальные события. На обратном пути, наконец проявляют себя Копыток и Язьков, которые прежде не привлекали никакого внимания. Уголовники-рекетиры дождались, пока торговцы выручат деньги за свой товар. Они приказывают остановить автобус и, угрожая оружием, требуют от каждого из пассажиров по тридцать долларов. В этой опасной ситуации самым неожиданным образом проявляет себя неприметная аптекарша Сивцова. «Женщина рванула на себе пальто, пуговицы посыпались. «Стреляй! Стреляй, подлюга! Убей мать троих детей. Но знай: я из могилы за вашими душами приду!» [5, с. 142]. Рекетиры не решаются связываться с «ненормальной», и собрав деньги с остальных пассажиров, покидают автобус.

На протяжении сюжета И. Шамякин отмечает, какой разный социальный опыт выносят люди из одинаковых ситуаций. Одни виртуозно приспосабливаются, мимикрируют, другие переживают катарсис, укрепляются на позициях нравственности и гуманности. Писатель подчеркивает, что не только Узёнок является не тем человеком, каким пытается выглядеть. Скромная Сивцова оказывается способной на авантюрное актерство, для смешливой Таши осознание своего соучастия в аморальной истории оборачивается психологической травмой. Старый водитель автобуса, который держался в стороне от всех событий, в итоге отвозит всю компанию в милицию.

Однако концепция произведения И. Шамякина значительно более содержательная, чем отражение нравственного преступления и неизбежного дальнейшего наказания.

Сюжет повести позволяет глубже постигать и усваивать явления и законы социально-общественной жизни. Социализация личности длится на протяжении всей жизни человека, никогда не завершается, никогда не бывает полной. Иначе говоря, социализация – процесс с неопределенным конечным результатом, но конкретной целью. Как продемонстрировал писатель, не существует идеальных людей, но у каждого человека есть возможность морально-этического выбора. Безусловно, мораль – это не список правил, которые можно изучить и применять в каждом случае. Нравственные убеждения усваиваются в процессе социализации, в том числе и через художественные произведения. Ситуация выбора, отраженная в сюжете повести И. Шамякина, является уроком социализации не только для литературных персонажей, но и для читателей, которые через сопереживание героям и неизбежные рефлексии приобретают опосредованный, но очень ценный жизненный опыт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Песоцкий, В. А.* Основные функции художественной литературы в их философском представлении / В. А. Песоцкий // Вестник МГОУ. Сер. «Философские науки». – 2009. – № 1 (14). – С. 71–100.
2. *Кулешов, В. Е.* Художественная литература как фактор социализации человека / В. Е. Кулешов, Н. А. Царева // Манускрипт. – 2020. – № 13 (1). – С. 144–149.
3. *Рагойша, В. П.* Иван Шамякін: спроба аналітычных згадак / В. П. Рагойша // Иван Шамякін – пісьменнік, акадэмік, грамадскі дзеяч. Да 100-годдзя з дня нарадж. нар. пісьм. Беларусі І. Шамякіна : матэр. адкрытага навук.-практ. семінара, г. Мінск, 18 лют. 2021 г. / Рэдкал. : Т. І. Шамякіна (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 16–27.
4. *Шамякін, І. П.* Роздум на апошнім перагоне : Дзённікі 1980–1995 гадоў / І. Шамякін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1998. – 527 с.
5. *Шамякін, І. П.* Сатанінскі тур : Аповесці / І. Шамякін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1995. – С. 75–148.
6. *Попов, В. Г.* К вопросу о соотношении понятий «социальная адаптация» и «социализация» / В. Г. Попов, В. В. Карпов // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2013. – № 33 (324). – С. 149–153.
7. *Мокрицкая, Е. А.* Этика как фактор развития личности в педагогическом процессе вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2 (68). – С. 198–200.
8. *Алферова, Е. И.* К проблеме философско-психологического содержания понятия «социальная ответственность» / Е. И. Алферова // Личностно ориентированное профессиональное образование : Матер. IV всерос. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 26–27 окт. 2004 г. – Екатеринбург : Рос. гос. профес.-пед. ун-т. – С. 194–198.
9. *Познякова, О. В.* Социальная адаптация как стадия социализации личности / О. В. Познякова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 5–6. – С. 362–366.

І. І. Шматкова

УДК 821.161.3.09

Кафедра гісторыі беларускай літаратуры, філалагічны факультэт, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

БЕЛАРУСКАЯ ЖАНОЧАЯ ПАЭЗІЯ І ЛІТАРАТУРНЫ ПРАЦЭС XX СТАГОДДЗЯ

У артыкуле разглядаецца развіццё беларускай жаночай паэзіі ў кантэксце літаратурнага працэсу XX ст., выяўляюцца найбольш значныя прадстаўніцы «жаночага цэха», вызначаецца іх роля ў гісторыі беларускай літаратуры.

Ключавыя словы: жаночая паэзія; беларускі літаратурны працэс; перыядызацыя; беларускія паэтэсы.

Узор цытавання: Шматкова І. І. Беларуская жаночая паэзія і літаратурны працэс XX стагоддзя / І. І. Шматкова // Софія: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 41–40.

I. Shmatkova

Department of the History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology of the Belarusian State University.

BELARUSIAN WOMEN'S POETRY AND THE LITERARY PROCESS OF THE XX CENTURY

The article discusses the development of Belarusian women's poetry in the context of the literary process of the 20th century, identifies the most significant representatives of the "women's guild", determines their role in the history of Belarusian literature.

Keywords: women's poetry; Belarusian literary process; periodization; Belarusian poets.

For citation: Shmatkova I. Belarusian Women's Poetry and the Literary Process of the XX century. Sophia. 2023;1:31–40. Russian

Автор:**Ірына Ігараўна**

Шматкова – дацэнт кафедры гісторыі беларускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

<https://orcid.org/0000-0003-0842-5460>

i.shmatkova@gmail.com

Author:

Iryna Shmatkova – Associate Professor of the Department of the History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, Belarusian State University.

Беларуская літаратура XX стагоддзя – з’ява шматаблічная, неаднародная. Яе развіццё цесна звязана са складаным, зменлівым грамадска-культурным жыццём краіны. Беларускі літаратурны працэс XX ст., паводле акадэмічнай перыядызацыі ў «Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя» (т. 1–4), ахоплівае восем этапаў: 1) 1901–1917 гг. (літаратура пачатку XX ст.); 2) 1917–1920 гг. (літаратура перыяду рэвалюцыі і грамадзянскай вайны); 3) 1921–1941 гг.; 4) 1941–1945 гг. (літаратура перыяду Вялікай Айчыннай вайны); 5) 1945–1955 гг. (літаратура першага пасляваеннага дзесяцігоддзя); 6) 1956–1965 гг. (літаратура перыяду дэмакратычнага абнаўлення грамадства); 7) 1966–1985 гг.; 8) 1986–2000 гг.

У гэтым складаным размаітым чаргаванні гістарычных падзей асобае месца займае гісторыя развіцця жаночай творчасці і, у прыватнасці, беларускай жаночай паэзіі. Аднак, на жаль, у беларускім літаратуразнаўстве гэтаму пытанню нададзена мала ўвагі, нават сам тэрмін «жаночая паэзія» падвяргаецца сумненню.

Мэта нашага даследавання – прасачыць асноўныя заканамернасці ў развіцці беларускай жаночай паэзіі XX ст. у агульналітаратурным кантэксце, вылучыць імёны асноўных прадстаўніц беларускага «жаночага цэха» пазначанага перыяду, вызначыць іх ролю ў гісторыі беларускай літаратуры. На аснове параўнальна-гістарычнага метаду даследавання намі зроблена спроба сістэматызацыі беларускай жаночай паэзіі.

Пачатак XX ст. стаў ясна новым этапам у развіцці беларускага прыгожага пісьменства – гэта эпоха адраджэння нацыянальнай культуры, мовы, час фарміравання новай нацыянальнай літаратуры. Пасля адмены ў 1904 г. Мікалаем II забароны на друкаваныя выданні на мясцовых гаворках актывізаваўся выхад беларускага перыядычнага друку. Гэта ў многім паспрыяла развіццю літаратурнага працэсу «паскоранымі крокамі» (М. Багдановіч). Рэдакцыі газет сталі сапраўднымі цэнтрамі, вакол якіх фарміравалася беларускае асяроддзе. На ніве нацыянальнага адраджэння побач з мужчынамі-творцамі актыўна працавалі і жанчыны, сярод якіх найбольш актыўна праявіла сябе Цётка (А. Пашкевіч).

Так, у 1903 г. у «Каляднай пісанцы» быў надрукаваны верш Цёткі «Мужык не змяніўся», у 1904 г. у «Вялікоднай пісанцы» – вершы «Нямаш, але будзе» і «Музыкант беларускі». У 1905 г. у газеце «Северо-западный край» побач з беларускімі фальклорнымі творамі былі надрукаваны рэвалюцыйныя вершы Цёткі «Пад штандарам», «Мора» і «Хрэст на свабоду». Ужо ў 1906 г. у новым выданні – газеце «Наша доля» ў № 1 былі змешчаны яе вершы «Наш палетак» і «Прысяга над крывавымі разорами». У тым жа 1906 г. у Львове выйшлі ў свет два паэтычныя зборнікі Цёткі «Хрэст на свабоду» і «Скрыпка беларуская».

У гэтым жа 1906 г. на змену «Нашай долі» прыйшло выданне «Наша ніва», якое да 1915 г. было крыніцай фарміравання новай беларускай літаратуры. Нават перыяд пачатку XX ст. у гісторыі беларускай літаратуры атрымаў аднайменную назву – «нашаніўскі». Менавіта тут былі надрукаваны першыя творы будучых вядомых беларускіх пісьменнікаў, паэтаў, драматургаў. Поплеч з Янкам Купалам, Якубам Коласам, Максімам Багдановічам і інш. друкаваліся Цётка, Канстанцыя Буйло, Зоська Верас і інш.

У 1909 г. на старонках газеты быў надрукаваны дэбютны верш К. Буйло «Хмаркі», пасля чаго пачалося яе актыўнае супрацоўніцтва з рэдакцыяй. У 1912 г. у «Нашай ніве» былі надрукаваны вершы паэтэсы «Рута», «Раніца», «Рана», «Ляці, душа», «Адказ на

«З богам ідзі...». Талент К. Буйло прыкмеціў Янка Купала, у 1910 г. ён прысвяціў ёй верш «Мая думка», на які атрымаў адказ ад аўтаркі – верш «Звон». Купала стаў рэдактарам выдання першай паэтычнай кнігі К. Буйло «Курганная кветка», якая ўбачыла свет у 1914 г.

Зоська Верас (пад псеўданімам Мірко) дэбютавала таксама ў «Нашай ніве» ў 1911 г. з вершам «Песня сіраты», які арганічна ўліўся ва ўсеагульны «плач кагорты нашаніўскага кола», што пазней стала аб'ектам «нашаніўскай дыскусіі» аб далейшых шляхах развіцця беларускай літаратуры пад назвай «Чаму плача песня наша?». Дарэчы, вобраз сіраты, мацярынская заклапочнасць аб дзецях часта прысутнічаюць у многіх жаночых творах (згадаем хаця б яшчэ адзін верш Цёткі «Сірацінка» (1914)).

Задачай беларускага нацыянальнага адраджэння пачатку XX ст. разам са стварэннем мастацкай літаратуры на роднай мове была і адукацыя на роднай мове, дзеля чаго пачалося актыўнае адкрыццё беларускіх школ, выданне падручнікаў на нацыянальнай мове. І якраз у асветніцкай справе выдучую ролю адыгралі жанчыны-творцы. Менавіта Цётцы належыць выданне «Першага чытання для дзетак беларусаў» (1906). Ёй, як і Зоськай Верас, створана вялікая колькасць дзіцячых твораў (вершаў, аповяданняў, публіцыстычных артыкулаў і інш.). У 1914 г. Цётка займалася выданнем часопіса для моладзі «Лучынка», К. Буйло па парадзе Цёткі загадвала Полацкай беларускай кнігарняй, Зоська Верас стала рэдактарам зборніка твораў удзельнікаў Гарадзенскага гуртка беларускай моладзі «Колас беларускай нівы» (1913). Пазней, у 1927–1931 гг., Зоська Верас займаецца выданнем дзіцячых часопісаў (спачатку «Заранкі», пасля «Пралескі»), два гады вяла аддзел для дзяцей у часопісе «Шлях моладзі».

Творчасць паэтэс і асветніц была высока ацэнена іх сучаснікамі-мужчынамі. Акрамя прызнага стаўлення да творчасці К. Буйло з боку Янкі Купалы, можна ўзгадаць, што яе імя неаднаразова згадваў М. Багдановіч у сваіх крытычных артыкулах, адзначаючы яе як паэтэсу, якая «абяцае развіцця ў праўдзівы асабісты талент» [2, с. 411]. У рускамоўным даследаванні М. Багдановіча «Беларускае адраджэнне» сустракаем такую ацэнку творчасці паэтэс: «Даволі адметныя і добрыя вершы Цёткі, якія зрэдку ўзнікаюць, яны блізкія многімі сваімі бакамі да народнай творчасці. На тэмах, што тычацца кахання, засяродзілася К. Буйло («Курганная кветка»), яна піша не вельмі яркія, але гладкія вершы» [2, с. 453]. Аналізу творчасці Цёткі і К. Буйло прысвяцілі свае крытычныя артыкулы М. Гарэцкі ў кнізе «Гісторыя беларускай літаратуры» (1920), Л. Клейнборт у «Маладая Беларусь: нарыс сучаснай беларускай літаратуры» (1905–1928), А. Луцкевіч у працы «Выбраныя творы: праблемы культуры, літаратуры і мастацтва» (1911–1939).

З перыядызацыяй беларускага літаратурнага працэсу пасля 1917 г. узнікае шмат спрэчак. Многія даследчыкі не пагаджаюцца з акадэмічным вызначэннем «літаратура перыяду рэвалюцыі і грамадзянскай вайны» 1917–1920 гг., па-першае, магчыма, па прычыне пераасэнсавання падзей 1917 г., ваенных падзей часоў Першай сусветнай вайны на тэрыторыі нашай краіны, таму прапаноўваецца іншая назва – «перыяд замежнай інтэрвенцыі». Пачатак мяжы этапу 1921–1941 гг. у перыядызацыі абумоўлены часам падзелу Беларусі на Заходнюю і Усходнюю, але ж заканчваецца ён не ўз'яднаннем, а ўжо пачаткам Вялікай Айчыннай вайны. У гэтай сувязі многімі даследчыкамі прапаноўваецца выкарыстоўваць да перыяду літаратурнага працэсу 1918–1941 гг. тэрмін «міжваенны», які «ўжо атрымаў шырокае распаўсюджванне ў мастацтве, архітэктуры і іншых галінах гуманітарных навук» [3, с. 5]. Прымальнасць гэтай назвы абгрунтавана і па прычыне яе большай адпаведнасці літаратуры Заходняй Беларусі, у той час, як акадэмічны

падзел разлічаны толькі на літаратурны працэс, які адбываўся ў гэты час на тэрыторыі Усходняй Беларусі. Напэўна, у сувязі з гэтым і назіраецца маштабнае выпадзенне з беларускай літаратуры цэлага пласта жаночай паэзіі з больш чым 60 аўтарак, якому прысвечана выдатная анталогія беларускай жаночай паэзіі міжваеннага перыяду «Бліскавіцы» (2017). Доўгі час па-за ўвагай даследчыкаў заставаліся такія паэтэсы як Хмарка, Г. Брэсцкая, Н. Вішнеўская, Я. Пфляўбаум, Г. Арахоўская, З. Бандарына, Г. Новік, В. Былінка і інш., а некаторыя з іх разглядаліся як аўтаркі беларускага замежжа (Н. Арсеннева, Л. Геніюш і інш.).

Перыяд 1920-х гг. стаў сапраўды вельмі спрыяльным для развіцця жаночай творчасці, асабліва ва Усходняй (Савецкай) Беларусі. У многім гэта тлумачыцца тым, што «савецкая ўлада была вымушана вывесці жанчыну ў публічную прастору і сацыялізацыя творчай жанчыны адбывалася ў рэчышчы беларускага нацыянальнага адраджэння» [3, с. 11]. Дзеля гэтага з 1918 г. былі створаны жанаддзелы пры партыйных камітэтах, у 1920 г. у Мінску адна з паэтак – В. Матэічук-Маслоўская стварыла Цэнтральны саюз беларусак. Значную ролю ў разняволенні жанчын адыграў артыкул адной з кіраўніц Жанаддзела пры ЦК РКП(б) А. Калантай «Дарогу крылатаму эрасу» [10], пасля выхаду якога пачалі праводзіцца з'езды работніц і сялянак (І Усебеларускі адбыўся ў 1924 г. у Мінску), выдавацца друкаваныя органы (з 1924 г. выходзіў часопіс «Беларуская работніца і сялянка»), дзе аўтаркі змаглі публікаваць свае творы.

Актывізацыі літаратурнага працэсу на Беларусі з 1923 г. спрыяла ўзнікненне творчага аб'яднання «Маладняк», якое на старонках свайго часопіса і яго рэгіянальных выданняў друкавала ў тым ліку і творы маладых аўтарак (Г. Брэсцкая, А. Мялешкіна, Н. Вішнеўская, З. Бандарына, Я. Пфляўбаум, Г. Арахоўская-Базыленка і інш.).

У 1926 г. адбылася важная для развіцця жаночай паэзіі падзея – выданне сумеснага зборніка З. Бандарынай, Н. Вішнеўскай і Я. Пфляўбаум «Вершы» (накладам 2000 асобнікаў!). Гэта кніга была высока ацэнена многімі тагачаснымі даследчыкамі (М. Байковым, А. Луцкевічам, Л. Клейнбортам і інш.).

Яшчэ ў 1920-х гг. пачала друкавацца Н. Арсеннева, талент якой раскрыў М. Гарэцкі, выкладчык Віленскай гімназіі. У 1927 г. быў выдадзены першы зборнік яе паэзіі «Пад сінім небам». У гэтым жа годзе ў часопісе «Полымя» сустракаюцца згадкі пра здачу Белдзяржвыдавецтву для друку зборніка вершаў З. Бандарынай «Званы-перазваны», але, на жаль, па сённяшні дзень у даследчыкаў няма інфармацыі пра гэта выданне. Затое ў 1931 г. быў выдадзены яе зборнік вершаў «Веснацвет».

У 1930-х гг. пачалі друкавацца Л. Геніюш, М. Барсток, Э. Агняцвет (выйшлі зборнікі «Маё пакаленне», 1935; «Вершы», 1938), Н. Тарас. На жаль, так і не былі надрукаваны ўжо напісаныя зборнікі вершаў Я. Пфляўбаўм «Мелодыі» (1929–1930), Г. Новік «Жменя апошніх думак» (1938). У 1934 г. у часопісе «Полымя» (№ 1) быў змешчаны артыкул Л. Бендэ «Ці патрэбна нам пяшчотная і жаночая лірыка», пасля выдання якога жанчыны-творцы вымушаны былі замаўчаць. Так З. Бандарына не надрукавала ніводнага твора з 1934 па 1945 гг., Зоська Верас – з 1938 па 1967 гг., і так было з многімі аўтаркамі, якія, калі і працягвалі пісаць, то пераважна «ў стол».

І толькі ў 1940 г. быў выдадзены зборнік вершаў Н. Тарас «На Усход ідучы...», напісаны пад уплывам аб'яднання Заходняй і Усходняй Беларусі. Зборнік быў высока ацэнены Максімам Танкам.

За няпростым перыядам 1930-х гг. наступіў не менш складаны перыяд Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг. Гэты час мае асобае значэнне ў гісторыі краіны,

у беларускай літаратуры ён быў адзначаны трагічнымі старонкамі змагання, болю, страт і веры ў перамогу. У 2005 г. быў выдадзены 3-х томны зборнік «Скрыжалі памяці: 3 творчай спадчыны пісьменнікаў Беларусі, якія загінулі ў гады Другой сусветнай вайны» (укладальнік А. Бельскі) [16]. Сярод аўтараў – імёны жанчын-творцаў: Рахіль Брохес, Сара Каган, Вера Харужая. Спіс гэты няпоўны.

Падчас барацьбы з фашысцкай навалай хоць і не друкавалася, але працягвала пісаць К. Буйло. Сваім паэтычным словам яна набліжала час перамогі. Так, у вершы «У маёй майстэрні» паэтэса звяртаецца з наказам да сваіх вершаў-песень: *Будзьце куляй, бомбай, мінай і гранатай, // І шыком, і сілай для байца ў баю! // І павязкай мяккай у байца на ране, // І крыніцай чыстай, як захоча піць, // Ласкай і спакоем, спачываць як стане, // Словам – тым, чым песня толькі можа быць* [4, с. 104].

Вядучая тэма паэзіі пасляваеннага дзесяцігоддзя 1945–1955 гг., бясспрэчна, ваенная. У 1950 г. выйшаў другі зборнік К. Буйло «Світанне» (першы датаваны яшчэ 1914 г.), убачылі свет дзве чарговыя кнігі вершаў Э. Агняцвет – «Край мой родны» (1945) і «Дарога ў будучыню» (1949). Паэзіі гэтага часу ў значнай ступені ўласцівы нарматыўнасць, афіцый, «вернасць» камуністычнай ідэалогіі – рысы, характэрныя для вядучага метаду літаратурнага працэсу азначанага перыяду – «сацыялістычнага рэалізму» (або класіцызму з элементамі рамантызму). Творы, якія на адпавядалі дадзенаму кірунку, не маглі быць высока ацэнены. Так, напрыклад, зборнік вершаў К. Буйло «Світанак» (1950) быў названы «безыдэйным і апалітычным», паэтэса быццам перастала бачыць «багатую і мнагастайную савецкую рэчаіснасць, замкнуўшыся ў шкарлупіну сваёй святліцы» [5, с. 10–11], а ўсё з-за таго, што ў зборніку пераважала інтымная лірыка і была недастатковая колькасць вершаў грамадзянскага складу.

Перыяд дэмакратычнага абнаўлення грамадства 1956–1965 гг. – «вятрыста-бурнае дзесяцігоддзе» (М. Арочка) [7, с. 42] – характарызуецца росквітам гучнай паэзіі прапаганды. Для беларускай «жаночай» паэзіі гэты час азнаменаваны выданнем першай кнігі вершаў Е. Лось «Сакавік» (1958), затым былі надрукаваны «Палачанка» (1962), «Людзі добрыя» (1963), «Хараство» (1965). Праўда, сама паэтэса ў аўтабіяграфіі «3 жыцця» ўдакладняе: «Пачаўшы пісаць рана і даволі рана заявіўшы аб сабе ў рэспубліканскім друку (1948), я на доўгі час (1950–1965 гг.) змоўкла. Такое было жыццё “непяючае”, ды і сама напружана думала: ці варта?» [15, с. 226]. У гэты час дэбютавала В. Вярба (надрукавана першая кніга паэтэсы «Вочы вясны» (1962)); працягваюць друкавацца К. Буйло («На адноўленай зямлі» (1961), «Май» (1965)), Э. Агняцвет («Беларуская рабіна» (1959), «Лірыка» (1965)).

Беларуская літаратура 1966–1985 гг. (вядучы мастацкі метад – «сацыялістычны рэалізм» або посткласіцызм [1, с. 5]) хоць і атрымала назву «перыяду застою», але гэта назва актуальна толькі для першай паловы гэтага перыяду – да пачатку 70-х гг. XX ст., калі некаторыя паэты «сярэдняга пакалення», пераважна «дзеці вайны», пісалі не маглі або пісалі «ў стол». Сярод гэтага мужага, мужчынскага пакалення (Н. Гілевіча, С. Гаўрусёва, П. Макаля, А. Лойкі, М. Арочкі і інш.) выдзялялася асоба жанчыны – Е. Лось, якая ў вершы «Пра пакаленне» дае такую характарыстыку сваім аднагодкам: *Загартаванае наша натхненне, // Яно адгарыць няскора! // Кажуць, ішчаслівае пакаленне // Тое, што зведала гора* [11, с. 54]. Творчасць Е. Лось ахоплівае адносна аднародны этап у развіцці дзяржавы – пасляваеннае аднаўленне і развіццё савецкага грамадства, калі ідэя будаўніцтва светлай камуністычнай будучыні была вядучай. Гэты аб'ектыўны фактар аказаў значны ўплыў на фарміраванне творчай манеры Е. Лось, у якой ёсць

вершы дэкларатыўнага характару, агітацыйныя («Сёстры Леніна», «За ўладу Саветаў», «Слова камуністкі» і інш.). У сваёй кнізе «Лірыка ліпеня» Е. Лось робіць дароўчы надпіс А. Т. Кузьміну: «З самым шчырым камуністычным прывітаннем» (21 сакавіка 1977 г.) [12, с. 1]. Для грамадзянскай лірыкі Е. Лось характэрна ўпэўненасць, уласцівая савецкім людзям таго часу. Яна з'яўляецца адлюстраваннем сваёй эпохі і гэтым каштоўная для нашчадкаў. Вядучай тэмай паэзіі гэтага перыяду, як і папярэдняга, застаецца тэма вайны, якая пачала эвалюцыяніраваць у бок узмацнення трагічнага пафасу. У паэзіі Е. Лось «ваенныя» вершы напоўнены болей ад уласна перажытых у дзяцінстве страт, голаду, слёз. У гэты ж час пачала зараджацца ў беларускай паэзіі гістарычная тэма, як прыклад – вершы Е. Лось «Продкі» (1960), «Я прачытала, што ў адной краіне...» (1966) і інш. У беларускай «жаночай» паэзіі «плынь лірычнага пацішэння», якая захлынула літаратуру краін СССР у разглядаемы перыяд, была вельмі натуральнай, што праявілася праз іншасказальнасць, асацыятыўнасць паэтычнага радка (вершы Е. Лось «Нязначнае перамагае...», «Вышэй! – над выдумкамі злымі...» і інш.).

У 70-я гг. XX ст. беларуская літаратура, нягледзячы на не зусім спрыяльныя ўмовы, узбагацілася цэлай плеядай жанчын-паэтэс, якія выдалі шэраг зборнікаў: Я. Янішчыц – «Снежныя грамніцы» (1970), «Дзень вечаровы» (1974), «Ясельда» (1978); Н. Мацяш – «Агонь» (1970), «Удзячнасць» (1973), «Ралля суровая» (1976), «Прыручэнне вясны» (1979); Г. Каржанеўская – «На мове шчасця» (1973), «Мой сад» (1976); Р. Баравікова – «Рамонкавы бераг» (1974), «Слухаю сэрца» (1978); Т. Бондар – «Захапленне» (1974), «Акно ў восень» (1977) і інш. У гэтым прадстаўнічым пераліку вядучае месца займае імя Я. Янішчыц. У сваёй аўтабіяграфіі Г. Каржанеўская піша: «З узростам я ўсё болей цаню сваё пакаленне – “пакаленне Жэні Янішчыц”, як яго называюць. Мае калегі і таварышы праявілі сябе вельмі рознабакова, сцвердзіліся як асобы, творцы, грамадскія дзеячы» [19, с. 133]. Пра сваё пакаленне паэтэса Г. Каржанеўская піша і ў артыкуле «Нас было многа...» [9, с. 3], падкрэсліваючы назвай багацце шэрагу прадстаўніц паэтычнай плеяды 1970-х гг., і ў вершы «Будзем жыць», які пачынаецца са слоў: «Адыходзіць наша пакаленне...» [9, с. 3].

Тэматычны пласт беларускай жаночай паэзіі гэтага перыяду дастаткова разнапланавы: ад класічнага сузірання прыроды, заклікавай любові да Радзімы да пытанняў філасофскага асэнсавання жыцця; попыт на дэкларатыўны пафас змяншаўся, павялічваўся попыт на маральна-этычныя праблемы, з'явілася экалагічная тэма. Актуальнасць у гэты час набыла «касмічная» тэма: у вершы 1966 г. В. Вярбы яе лірычная гераіня «тоненькая Тоня» – «Пасажырка будучых ракет» [6, с. 54], а ў іншым вершы (1973 г.) роздум гераіні – аб палёце «касмічнае антэны» [6, с. 129]. Падобнага кшталту ёсць вершы і ў Н. Шкляравай (верш «Чалавек») – «Цяпер і космас узараў ракетай...» [18, с. 10], і ў іншых беларускіх паэтэс.

У 1980-я гг. (час неарамантызму [17, с. 10], посткласіцызму [1, с. 5]) кагорта беларускіх паэтэс папоўнілася імем Г. Булыкі (першы надрукаваны зборнік – «Сінтэз», 1986 г.). У 1990 г. убачылі свет першыя дзве паэтычныя кнігі Л. Рублеўскай «Крокі па старых лесвіцах» і «Адукацыя». У 1990-я гг. выдалі свае першыя кнігі Л. Сільнова («Ластаўка ляціць» (1993), «Рысасловы» (1994)) і А. Хатэнка (паэма «Здзіцэлае рэха вясны» (1991), паэзія ў прозе «Зніч крыжовых дарог» (1992)).

Сваёй паэтычнай настаўніцай Л. Сільнова лічыць Р. Баравікову, якая кіравала літаб'яднаннем «Крыніцы» [14, с. 7]. Ёй прысвечаны верш «Чараўніца» з першага зборніка Л. Сільновай «Ластаўка ляціць». Усё гэта сведчыць аб пераемнасці пакаленняў.

Адметны стыль пісьма Л. Рублеўскай і Л. Сільновай сфарміраваўся пад уплывам суполкі Таварыства маладых літаратараў «Тутэйшыя». Творчасць Л. Сільновай з яе вершамі-малюнкамі, «самаробнымі» кнігамі ў стылі «хэнд-мэйд-бук» або «арт-бук» стала прыкладам адлюстравання новых авангардных, мадэрнісцкіх кірункаў як у сусветнай, так і ў беларускай літаратуры напрыканцы ХХ ст. Сама паэтэса так піша ад імя трэцяй асобы пра «Людку Сільнову»: «Яна гуляла ў розныя фармалістычныя і рэалістычныя кірункі літаратуры: мадэрнізм, сімвалізм, імажынізм, акмеізм, сюррэалізм, дадаізм, фальклорна-абрадавыя практыкі, постмадэрнізм і інш., асвойваючы мову і яе магчымасці. І неяк прызналася чытачам “Маладосці”: “Да нанатэхналогій хачу аднесці слова”» [14, с. 7]. Паэтэса хацела мець сваю партыю ў «літаратурным хоры», «быць сведкай і ўдзельніцай тварэння <...> новай літаратуры на постсавецкай прасторы» [14, с. 7].

У сярэдзіне 1980-х гг. у беларускім грамадскім жыцці адбыліся значныя змены – пачалася перабудова, а пасля 1991 г. распаўся СССР – дзяржава, у склад якой уваходзіла наша рэспубліка. Гэтыя змены закранулі ўсе сферы жыцця, выклікалі сапраўдную пераацэнку каштоўнасцей, калі старыя ідэалы саступілі месца новым. Працэс характарызаваўся няпэўнасцю, пераходнымі цяжкасцямі, бо духоўнае адраджэнне суправаджалася эканамічным спадам. Г. Каржанеўская ўдала перадае той стан разгубленасці, у якім апынуліся грамадзяне былой савецкай дзяржавы: *Штосьці пуста ў маіх засеках, // Штосьці воля мая – як з ваты. // Штосьці думкі мае – як рэкі, // Паспрамляныя сілай, гвалтам* [8, с. 7].

Змаганне з бюракратыяй і доўгія чэргі ў часы перабудовы аднолькава хвалявалі як Г. Каржанеўскую, так і Н. Мацяш. Н. Мацяш у вершы «Набалелае» (1988) прызнаецца, што ўжо не можа больш маўчаць. Супраць чыноўніцтва, супраць бюракратыі скіравана яе вершаванае слова. Паэтэса не можа быць спакойнай, *«Покуль пуста ў кашальках у нас і ў крамах, // Покуль чэргі ёсць, і хабары, і блат»* [13, с. 194].

У беларускай паэзіі, у тым ліку і жаночай, пачала раскрывацца праўда пра мінулае. У гэты ж час беларускія паэтэсы адгукнуліся на ваенныя падзеі ў Афганістане. Трагедыя воінаў-інтэрнацыяналістаў выявілася ў вершы Я. Янішчыц «Верш, напісаны ў цырульні», у згаданым ужо вершы Н. Мацяш «Набалелае», дзе аўтар апавядае пра тое, як *«уміраюць на чужой чужыне родныя сыны...»* [13, с. 194]. Выкарыстанне паўтору «на чужой чужыне» яшчэ больш акцэнтуюе ўвагу на бессэнсоўнасці і жахлівасці гэтай ахвяры.

Яшчэ адзін тэматычны пласт паэзіі звязаны з аварыяй на Чарнобыльскай атамнай станцыі ў красавіку 1986 г. Гэта трагедыя стала спалучальным звяном паміж мінулым і сучасным, і выклікала з’яўленне ў беларускай паэзіі твораў-асэнсаванняў не толькі лёсу канкрэтнага чалавека, нават краіны, а будучага ўсяго чалавецтва. Першымі водгукамі паэтэс на Чарнобыльскую трагедыю сталі вершы Я. Янішчыц, паэма «Чарнобылевы боль крыжа» А. Хатэнкі.

У беларускай паэзіі канца ХХ ст. узмацніўся інтэлектуальна-філасофскі кірунак, адметным прыкладам чаго стала паэзія Г. Булыкі, што паспрабавала злучыць у сваёй творчасці паэзію і навуку. Абвастрыліся ў гэты час і рэлігійна-хрысціянскія настроі, што знайшло адлюстраванне ў лірыцы Н. Мацяш, Т. Бондар і інш., а таксама актывізавалася гістарычная тэма (паэзія Т. Бондар, Н. Мацяш, Л. Рублеўскай і інш.).

Пра значнасць беларускай жаночай паэзіі ў культурнай прасторы сведчаць пераклады на іншыя мовы свету як блізкага, так і далёкага замежжа: вершы Е. Лось перакладзены на 30 моў свету, К. Буйло, Я. Янішчыц, Н. Мацяш – на англійскую, нямецкую, французскую, польскую, рускую, украінскую, туркменскую і многія іншыя

мовы; В. Вярбы, Р. Баравіковай, Т. Бондар, Г. Каржанеўскай – на балгарскую, польскую, чэшскую, рускую, украінскую, латышскую, грузінскую, узбекскую і іншыя мовы свету.

Такім чынам, эвалюцыя беларускай жаночай паэзіі XX ст. адбывалася ў русле агульнага развіцця літаратурнага працэсу. Для жаночай паэзіі XX ст. характэрны асветніцка-адраджэнскі пафас, 1930-я гг. сталі «непяючымі» і для беларускіх паэтэс, 1940-я гг. апалены ваеннай трагедыяй. Асноўнымі рысамі паэзіі 1950-х гг. былі нарматыўнасць, афіцыйз (грамадзянская лірыка К. Буйло, Э. Агняцет, Е. Лось). Пачынаючы з другой паловы 1950-х гг., дэкларатыўнасць зменшылася і саступіла месца асэнсаванню маральна-этычных праблем (зборнікі Е. Лось «Сакавік», «Людзі добрыя», дэбютныя творы В. Вярбы), распрацоўцы экалагічнай тэмы (вершы Е. Лось у абарону прыроды). У 1980-я гг. па-новаму загучала ў лірыцы беларускіх паэтэс тэма горада (лірыка паэтэс-гараджанак: Г. Каржанеўскай, Г. Булыкі, Л. Рублеўскай). Для другой паловы 1980-х – 1990-х гг. актуальным стаў матыў разгубленасці, які змяніўся гуманістычна-асветніцкім пафасам (публіцыстычная лірыка Н. Мацяш, Г. Каржанеўскай). У гэты ж час з’яўляюцца творы на тэму Афганістана і Чарнобыля (паэзія Я. Янішчыц, Н. Мацяш, А. Хатэнкі). Напрыканцы XX ст. у лірыцы беларускіх паэтэс узмацніўся інтэлектуальна-філасофскі кірунак (творы Г. Булыкі), абвастрыліся рэлігійна-хрысціянскія матывы (паэзія Н. Мацяш, Т. Бондар і інш.), актывізавалася гістарычная тэма (паэзія Т. Бондар, Л. Рублеўскай, Н. Мацяш і інш.). Жанрава-стылёвая сістэма «жаночай» паэзіі эвалюцыяніравала ў бок разнастайнасці і постмадэрнісцкага кірунку (з’яўленне паэзіі ў прозе А. Хатэнкі, вершаў-малюнкаў, «самаробных кніг» Л. Сільновай і інш.).

Праведзены аналіз пытанняў фарміравання і развіцця жаночай паэзіі ў беларускай літаратуры XX ст. паказаў, што лірыка беларускіх паэтэс займае адметнае месца ў літаратурным працэсе. Амаль адначасовае «ўваходжанне» ў літаратуру вялікай колькасці паэтэс (В. Вярбы, Я. Янішчыц, Н. Мацяш, Т. Бондар, Р. Баравіковай, Г. Каржанеўскай, Н. Шкляравай і інш.) дае падставы сцвярджаць, што ў айчыннай літаратуры другой паловы XX ст. узнікла плеяда жанчын-паэтэс.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Адамовіч, Г. Я.* Сусветная літаратурная класіка ў беларускім кантэксце (заканамернасці, тыпалогія, характар узаемасувязей) : аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук : 10.01.08 / Г. Я. Адамовіч; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя Максіма Танка. – Мінск, 2005. – 42 с.
2. *Багдановіч, М.* Інтымны дзённік : выбр. тв. / М. Багдановіч. – Мінск : Радыёла-плюс, 2006. – 528 с.
3. *Бліскавіцы : анталогія беларускай жаночай паэзіі міжваеннага перыяду / Уклад., камент. А. Данільчык, В. Жыбуля. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 448 с.*
4. *Буйло, К.* Выбраныя творы: у 2-х т. Т. 1. Вершы. Паэма. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 302 с.
5. *Буйло, К.* ...Коціцца рэха : вершы, паэма, лісты / К. Буйло. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 286 с.
6. *Вярба, В.* Апошні верасень. Выбранае: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 270 с.
7. *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4-х т. Т. 3 : 1941–1965 гг. / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Янкі Купалы ; рэдкал. : У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 952 с.*
8. *Каржанеўская, Г.* Асенні мёд : вершы розных гадоў / Г. Каржанеўская. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 159 с.

9. *Каржанеўская, Г.* «Нас было многа... Дзённікавы запіс ад 6 мая 2011 года. Пятніца» / Г. Кажанеўская // Літаратурная Беларусь. – 2012. – 30 сак. – С. 3.
10. *Коллонтай, А.* Дорогу крылатому эросу! [Электронны ресурс] – Режим доступа : https://www.marxists.org/russkij/kollontai/winged_eros.htm. – Дата доступа : 08.03.2022.
11. *Лось, Е.* І каласуе даўгалецце / Е. Лось. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 367 с.
12. *Лось, Е.* Лірыка ліпеня : вершы і паэмы / Е. Лось. – Мінск, 1977. – 174 с. // БДМГБЛ. – Фонд «Кнігі з аўтаграфамі». КП 024260. – С. 1.
13. *Мацяш, Н.* Паміж усмешкай і слязоў : вершы і паэмы (1962–1992) / Н. Мацяш. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 301 с.
14. Нетутэйшая паэзія «тутэйшай» : з Л. Сільновай гутарыла І. Шматкова // ЛіМ. – 2017. – 21 крас. – № 16. – С. 7.
15. Пра час і пра сябе. Аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў. – Мінск : Беларусь, 1996. – 392 с.
16. Скрыжалі памяці : 3 творчай спадчыны пісьменнікаў Беларусі, якія загінулі ў гады Другой сусветнай вайны : у 3-х кн. / Уклад., уступ. слова, біягр. давед. пра аўт. і камент. А. Бельскага. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2005. – Кн. 1. 606 с.; Кн. 2. 654 с.; Кн. 3. 670 с.
17. *Тычына, М.* Несвоечасовы рамантызм / М. Тычына // Роднае слова. – 2003. – № 4. – С. 10.
18. *Шклярава, Н.* Міг і вечнасць : вершы / Н. Шклярава. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 72 с.
19. *Шматкова, І.* Наталіцца роднасці святлом... : Агульнае і адметнае ў творчасці Е. Лось, Н. Мацяш, Г. Каржанеўскай / І. Шматкова ; навук. рэд. А. І. Бельскі. – Мінск : Ковчег, 2011. – 148 с.

Р. Р. Авзалов

УДК 159.99

Учреждение здравоохранения «Минский городской клинический центр детской психиатрии и психотерапии», Минск, Республика Беларусь

Кафедра организационной психологии, факультет психологии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ВЛИЯНИЕ АМБИВАЛЕНТНОГО СЕКСИЗМА НА ДИСПОЗИЦИОННЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

В статье представлены результаты теоретического исследования влияния амбивалентного сексизма на диспозиционные сексуальные мотивы в период ранней взрослости. Проанализированы особенности проявления амбивалентного сексизма и разновидности диспозиционных мотивов у лиц периода ранней взрослости.

Ключевые слова: амбивалентный сексизм; диспозиционные сексуальные мотивы; ранняя взрослость; сексуальные установки; сексуальная мотивация.

Образец цитирования: Авзалов Р. Р. Влияние амбивалентного сексизма на диспозиционные сексуальные мотивы в период ранней взрослости / Р. Р. Авзалов // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 50–57.

R. Avzalov

Psychology Laboratory Psychologist Health Care Institution “Minsk City Clinical Center of Child Psychiatry and Psychotherapy”, Minsk, Republic of Belarus

Department of Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

IMPACT OF AMBIVALENT SEXISM ON DISPOSITIONAL SEXUAL MOTIVES IN EARLY ADULT

The article presents the results of a theoretical study of the influence of ambivalent sexism on dispositional sexual motives in early adulthood. The features of the manifestation of ambivalent sexism and varieties of dispositional motives in persons of the period of early adulthood are analyzed.

Keywords: ambivalent sexism; dispositional sexual motives; early adulthood; sexual attitudes; sexual motivation.

For citation: Avzalov R. Impact of Ambivalent Sexism on Dispositional Sexual Motives in Early Adult. Sophia. 2023;1:50–57. Russian.

Автор:**Руслан Радикович**

Авзалов – психолог психологической лаборатории УЗ «Минский городской клинический центр детской психиатрии и психотерапии»; магистрант кафедры организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Author:

Ruslan Avzalov – Psychology Laboratory Psychologist Health Care Institution “Minsk City Clinical Center of Child Psychiatry and Psychotherapy”; Undergraduate Student at the Department of Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

<https://orcid.org/0009-0009-8736-0941>
ravzalov1@gmail.com

Традиционно в обществе проявляются стереотипы, основанные на гендерных различиях и предполагающие более сильную и доминирующую роль для мужчины, и более слабую подчиненную роль для женщины. Это оказывает влияние на различные стороны социального взаимодействия. Однако в последнее время общество перестает быть строго патриархальным, что меняет взгляды на «женские» и «мужские» роли в сексуальных отношениях. Это в свою очередь усиливает научный интерес к изучению проблемы сексистских установок и сексуальной мотивации, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Изучение мотивов сексуальных отношений позволяет оценить, каким образом те или иные мотивы и установки могут оказывать влияние на собственное поведение и поведение партнера. Поэтому изучение амбивалентного сексизма способствует распространению среди населения знаний о политике гендерного равенства, повышению уровня гендерной культуры и гендерного образования, формированию установок гендерно-нейтрального поведения и, как следствие, содействует искоренению гендерных стереотипов и недопущению проявлений гендерной дискриминации. Изучение взаимосвязи диспозиционных сексуальных мотивов и амбивалентного сексизма может содействовать становлению гендерного равенства и способствовать преодолению негативных гендерных стереотипов и дискриминации по половому признаку.

В научной литературе последних лет наблюдается значительный интерес к проблемам пола и сексуальности человека. Исследованием сексуального поведения занимались как зарубежные, так и отечественные ученые: Е. Р. Агадуллина, С. С. Балабанов, И. С. Кон, И. А. Фурманов и др. Работы данных авторов послужили теоретической базой при изучении проблем сексуальности. В них описаны особенности сексуального поведения и установок в отношении секса, раскрыты внутренние причины развития сексуального влечения и его удовлетворения на разных этапах становления психосексуальной сферы и, главное, изучены роли установок к сексу в регуляции полового поведения.

Однако в современных отечественных исследованиях недостаточно внимания уделяется изучению влияния амбивалентного сексизма на проявление диспозиционных сексуальных мотивов лиц периода ранней взрослости. В основном исследуются

проявления сексизма, но психологические причины данного явления раскрыты в незначительной степени.

Цель исследования – определить влияние амбивалентного сексизма на диспозиционные сексуальные мотивы в период ранней взрослости.

Задачи исследования:

- охарактеризовать феномен амбивалентного сексизма;
- изучить особенности сексуальной мотивации и ее проявления у индивидов разного пола;
- раскрыть понятие «диспозиционные сексуальные мотивы» и выявить их особенности у мужчин и женщин;
- охарактеризовать психологические факторы формирования амбивалентного сексизма и диспозиционных сексуальных мотивов.

Теоретико-методологическим основанием исследования стали:

- теория амбивалентного сексизма, разработанная исследователями П. Глик и С. Фиск. Согласно этой теории, установки к мужчинам и женщинам являются двухсторонне направленными и могут проявляться как во враждебном, так и в доброжелательном отношении. Проявление враждебного сексизма связано с негативными оценками мужчин и женщин, доброжелательного – с положительными [12];
- подход К. А. Хилл и Л. К. Престон, с позиции которого описывается проявление сексуальной мотивации и ее связь с выражением диспозиционных сексуальных мотивов [13]. Выражение в поведении сексуальных мотивов регулируется диспозиционными сексуальными мотивами в отношении противоположного и своего пола.

Методы исследования: обзорно-аналитический, включающий теоретический анализ психологической литературы по изучаемой теме.

На основании такого анализа было установлено, что феномен амбивалентного сексизма представляет собой один из видов аттитюдов. Если определить понятие «аттитюд» обобщенно, то это – подсознательное психологическое состояние, которое основано на прошлом опыте индивида и позволяет изучить поведение индивида по отношению к некоторой ситуации [1, с. 143].

Феномен амбивалентного сексизма представляет собой аттитюды в отношении мужчин и женщин, проявляющиеся в предубежденном отношении. Причем аттитюды не распространяются только на представителей противоположного пола, а описывают внутриполовые и межполовые установочные отношения. Феномен амбивалентного сексизма определяет и формирование установок в отношении сексуального поведения. Сексуальные установки представляют собой определенную позицию к сексуальным отношениям, точку зрения о допустимых либо неприемлемых нормах в реализации сексуального поведения в отношении себя и других людей [5, с. 90].

Феномен амбивалентного сексизма включают в себя следующие аспекты:

- предубежденное отношение к проявлению фемининных или маскулинных черт в сексуальном поведении;
- допустимость тех или иных форм сексуального поведения со стороны мужчин и женщин;

- консервативность в плане сексуальной морали применительно к мужчинам и женщинам.

Выделяют следующие виды амбивалентного сексизма: враждебный сексизм к мужчинам, враждебный сексизм к женщинам, доброжелательный сексизм к мужчинам, доброжелательный сексизм к женщинам.

Согласно Е. П. Ильину [4], проявление амбивалентного сексизма в отношении мужчин и женщин включает в себя доминирование представлений о типичных мужчинах как об агрессивных, доминантных, эмоционально сдержанных, смелых, независимых, логически мыслящих. Для женщин типичными являются следующие характеристики: зависимость, тревожность, эмоциональная чувствительность, эмпатичность, открытое проявление эмоций. Несоответствие мужчины и женщины этим характеристикам является основой для проявления враждебных аттитюдов. В исследовании М. Х. Бонд [10] получены данные, подтверждающие доминирование в массовом сознании доброжелательных аттитюдов к мужчинам, которые оправдывают проявление агрессии мужчинами. Выявлены также противоречивые аттитюды к женщинам.

Перейдем к рассмотрению второго понятия – сексуальных мотивов. Сексуальные мотивы включены в сексуальную мотивацию. На современном этапе развития науки мотивация как психологический феномен трактуется различно. Например, разнообразные определения термина «мотивация» Е. П. Ильин предлагает отнести к двум различным направлениям. В русле первого направления автор рассматривает мотивацию с позиции структурных компонентов, т. е. как набор факторов или отдельных мотивов. На основании учета данных факторов или мотивов может реализовываться принятие определенного решения либо формироваться некоторое намерение. С позиции второго направления мотивацию можно рассматривать «не как статичный компонент личностной сферы, а как динамическое образование, т. е. с точки зрения процессуального анализа» [4, с. 65].

Однако в обоих случаях мотивация у разных авторов является вторичным в отношении к мотивам образованием. Кроме того, во втором указанном понимании мотивация выступает в качестве средства или определенного механизма, который позволяет реализовать человеку имеющиеся у него мотивы. В частности, возникает ситуация, позволяющая реализовать на практике имеющийся мотив, значит, в этом случае появляется и мотивация, которая побуждает человека к реализации деятельности и поведения в определенном направлении в соответствии с ведущими мотивами. Подобная трактовка и объяснение функциональных особенностей мотивации связаны с тем, что мотив следует понимать в качестве предмета удовлетворения потребности.

Сексуальная мотивация – это «регулирующая основа сексуального поведения человека, а сексуальные мотивы – это сознательные субъективные причины участия в сексуальных действиях» [8, с. 144].

Вместе с тем, большинство исследований показывает, что «среди основных мотивов сексуальных отношений наиболее часто упоминается так называемая “Большая тройка”: любовь, желание получить удовольствие и эротизм (достижение физического наслаждения, секс как развлечение) и надежда на деторождение» [14, с. 25].

Сексуальная мотивация определяет поведение человека в плане секса. Что касается конкретных аспектов проблемы взаимосвязи сексуальных мотивов и образа жизни, то Б. К. Лейг выявил ряд особенностей [15]. Существуют известные связи между местом, которое занимает секс в жизни людей, и их образом жизни: широтой социальных

контактов, социальной активности, особенностей социальных связей, общественной активности. Так, например, чем большее значение придается сексу, тем шире, как правило, и масштабы социальной активности. При этом контакты отнюдь не ограничиваются только партнером другого пола, а распространяются и на друзей и знакомых того же пола. Сексуально активная личность большей частью и вообще социально активна. И напротив, люди, сексуально менее активные, поздно начавшие половую жизнь и редко вступающие в половые контакты, явно меньше склонны к таким контактам. При этом поведение, направленное на партнера, и поведение, направленное на группу, не исключают друг друга. Партнерство «тренирует» формы поведения, которые облегчают завязывание контактов с другими людьми [15].

Сексуальная мотивация представляет собой социально-психологический феномен, который «предопределяет возможные предпочитаемые типы сексуальных партнеров, эротические стимулы, место, время и ситуативные требования к сексуальной близости, ее обоснование и узаконивание. Зная сексуальные сценарии каждого человека, пары или социальной группы, можно с большой точностью предсказать их сексуальное поведение» [11, с. 12].

Психологический аспект сексуальной мотивации имеет тесную связь с социальными отношениями, потому что сексуальность проявляется в обществе и предполагает соблюдение общественных норм, следование установленным запретам и сохранение ценностей [6].

Поведенческий аспект сексуальной мотивации предполагает выражение определенных тенденций в поведении: общение с сексуальным объектом, установление отношений, формы выражения сексуальности, демонстрация собственной сексуальности [6].

Помимо сексуальной мотивации сексуальное поведение определяют диспозиционные сексуальные мотивы. Диспозиционные сексуальные мотивы – это мотивы, которые определяют восприятие, эмоции и поведение вокруг мотивированно значимой цели – секса и сексуального партнера.

По данным отдельных авторов [3; 5], женщины в качестве сексуальных мотивов чаще указывают такие, которые связаны с эмоциональными отношениями между партнерами (проявление любви, желание более тесной эмоциональной связи, установление близких отношений с партнером). Мужчины гораздо реже указывают эти мотивы в качестве ведущих сексуальных мотивов и чаще указывают сексуальные мотивы, которые напрямую связаны с физическим состоянием (получение удовольствия, повышение настроения, желание расслабиться и снять напряжение).

В проявлении диспозиционных сексуальных мотивов у мужчин и женщин существуют отличия. В сравнении с женщинами мужчины имеют более «выраженную ориентировку на установление широких социальных контактов, поскольку это обеспечивает доступ к разным сексуальным партнерам» [6, с. 67].

Отличие поведенческих проявлений сексуальных установок Т. В. Бендас описала в терминах маскулинной и фемининной моделей построения отношений на основании обобщения ряда зарубежных исследований. В частности, «для построения конкурентной модели типичным является значимость фактора сексуальной привлекательности партнера» [2, с. 122]. Однако у мужчин это связано с повышением их статуса и увеличивает их шансы оказаться лидером, а у женщин – наоборот. Следовательно, мужчины-лидеры имеют более высокие показатели сексуальной привлекательности, а женщины-лидеры напротив утрачивают свою сексуальную привлекательность.

Н. И. Чернецкая в проведенном ею исследовании установила, что среди женщин с низким уровнем сексуальности преобладают ригидные взгляды на сексуальное поведение, т. е. такие женщины не приемлют разные нетрадиционные сексуальные проявления [9, с. 60]. Довольно часто эти женщины также отличаются низким уровнем сексуальной чувствительности. Среди личностных особенностей можно выделить ригидность мышления, нормативность поведения, подчиняемость, конформность, подавление эмоций.

Диспозиционные сексуальные мотивы определяют и выбор партнера. На предпочтения в выборе партнера оказывает влияние процесс формирования половозрастных особенностей, при котором закладываются образы привлекательного либо наоборот непривлекательного партнера. На этот процесс влияет сложившаяся социальная ситуация, оказывающая воздействие на формирование половозрастных признаков, она определяет накапливающийся опыт взаимодействия, а также значимые характеристики жизни.

В исследовании Т. В. Рогачевой, проведенном совместно с Н. Н. Маликовой и М. А. Захаровым, было выявлено, что у подростков сформированные сексуальные установки в поведенческом плане могут проявляться в виде рискованного сексуального поведения [7]. Они также могут выражаться в сформировавшейся и уже апробированной практике спонтанных, беспорядочных связей с разными сексуальными партнерами. Отмечается тенденция к тому, что для многих подростков сексуальный контакт не является стимулом для формирования стабильных отношений с партнером. Подобный вывод был подтвержден тем, что опрошенные подростки указали на готовность вступить в сексуальные отношения даже сразу после знакомства с новым партнером. Только меньше половины опрошенных подростков полагают, что это является недопустимым. Только каждый третий может сослаться на сложившиеся обстоятельства, но не отвергает подобной возможности. Установлено, что для 18 % опрошенных подростков подобный факт являлся вполне приемлемым [7].

В исследовании, проведенном Ж. В. Гродь и И. А. Фурмановым, установлены значимые различия в проявлении мотивов к сексу у юношей и девушек, имеющих гетеросексуальную и гомосексуальную ориентацию [3]. Также были установлены половые различия, которые демонстрируют расхождения в установках к сексу, оценена связь установок в отношении секса у девушек и юношей, имеющих разную сексуальную ориентацию. Кроме этого, выделено и охарактеризовано ядро в проявлении установок к сексу [3]. Описанные результаты позволили констатировать, что юноши, которые имеют гетеросексуальную ориентацию, демонстрируют более лояльные взгляды на разнообразие сексуальных отношений по сравнению с девушками, которые имеют гетеросексуальную ориентацию. Подобный факт может быть обусловлен тем, что девушки, проявляющие повышенную сексуальную активность, могут быть подвержены общественному осуждению, поскольку с самого детства женщинам положено демонстрировать целомудренность и скромность. То, что они часто скрывают и не выражают скрытые сексуальные желания, опасаясь общественного осуждения, препятствует получению полноценного эмоционального и психологического удовлетворения от связи с сексуальным партнером [3].

В качестве психологических факторов формирования амбивалентного сексизма выступают в основном социальные. В частности – сексуальные установки индивида, включающие в себя следующие аспекты: фемининные или маскулинные черты

в сексуальном поведении; допустимость внебрачных отношений; отношение к первому сексуальному опыту; консервативность в плане сексуальной морали; значимость эмоциональных переживаний и любви.

Люди с негативными сексистскими установками могут испытывать сложности в процессе формирования зрелой и адекватной половой идентичности. У таких людей оценки в отношении представителей своего и противоположного пола могут быть весьма субъективными, либо чрезмерно эмоциональными. Однако при этом оценки часто имеют противоречивый характер. Подобный тип оценок может быть связан с чрезмерно субъективным процессом восприятия определенных признаков, которые оказываются типичными для определенного пола. При этом человек не ориентируется на стандартные, общепринятые, традиционно мужские либо женские характеристики. В таком случае данные гетеросексуальными мужчинами оценки имеют содержательную наполненность, в них представлен ценностный компонент, что указывает на их стабильность, а также ориентирование на культурно-определяемые показатели и параметры. В результате происходит выраженное разделение признаков на типично мужские и женские [3].

Следует рассмотреть различные факторы формирования диспозиционных сексуальных мотивов. Их большое количество позволяет проанализировать сексуальное поведение.

По мнению отдельных авторов [4; 6], психологические факторы формирования диспозиционных сексуальных мотивов конкретной личности в значительной степени определяются так называемым сексуальным сценарием, мысленной программой поведения, которых, как правило, бывает несколько. Реализация того или иного сценария происходит под влиянием реакций партнера.

Таким образом, амбивалентный сексизм формируется на основе установок, предубеждений, рассудков, и может привести к дискриминации по признаку пола.

На основании проведенного анализа можно сформулировать следующее **закключение**: феномен амбивалентного сексизма является одной из форм негативных установок, основанных на половой принадлежности индивида. Сексуальное поведение регулируют сексуальные мотивы. Диспозиционные сексуальные мотивы – это мотивы, которые определяют восприятие, эмоции и поведение вокруг мотивированно значимой цели – секса и сексуального партнера. В качестве психологических факторов формирования амбивалентного сексизма выступают в основном социальные, в частности, сексуальные установки индивида. Сексуальные установки включают в себя фемининные или маскулинные черты в сексуальном поведении. Психологические факторы формирования диспозиционных сексуальных мотивов конкретной личности в значительной степени определяются так называемым сексуальным сценарием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Асмолов, А. Г. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии / А. Г. Асмолов // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой. – М. : Изд-во Мос. ун-та, 2007. – С. 143–163.
2. Бендас, Т. В. Гендерная психология : Уч. пособ. / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2006. – 431 с.
3. Гродь, Ж. В. Особенности установок к сексу у девушек и юношей с различной сексуальной ориентацией / Ж. В. Гродь, И. А. Фурманов // Психология 21 века : психология как наука, искусство

и признание : сб. науч. тр. участн. междунар. науч. конф. молодых ученых. – СПб. : Изд-во ВВМ, 2018. – С. 108–116.

4. *Ильин, Е. П.* Пол и гендер / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2010. – 250 с.
5. *Комарова, Е. А.* Мета-анализ сексистских установок и их видов / Е. А. Комарова // *Философия и социальные науки.* – 2013. – № 2. – С. 90–95.
6. *Кон, И. С.* Сексология / И. С. Кон. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 384 с.
7. *Рогачева, Т. В.* Сексуальная культура современной российской молодежи [Электронный ресурс] / Т. В. Рогачева, Н. Н. Маликова, М. А. Захаров // *Медицинская психология в России : электрон. науч. журн.* – 2013. – № 1 (18). – Режим доступа: <http://medpsy.ru>. – Дата доступа: 11.02.2023.
8. *Современная сексология : энциклопедия* / Под общ. ред. В. А. Доморацкого. – Минск : Бел. Энцикл. імя П. Броўкі, 2018. – 384 с.
9. *Чернецкая, Н. И.* Личностные особенности женщин с негативными установками в сфере секса / Н. И. Чернецкая // *Российский психологический журнал.* – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 58–72.
10. *Bond, M. H.* Culture-level dimensions of social axioms and their correlations across 41 cultures / M. H. Bond, K. Leung // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* – 2004. – № 5 (35). – P. 548–570.
11. *Copen, C.* Sexual behavior, sexual attraction, and sexual orientation / C. Copen, A. Chandra, I. Febo-Vazquez // *Natl Health Stat Rep.* – 2016. – № 1. – P. 1–14.
12. *Glick, P.* Ambivalent sexism / P. Glick, S. T. Fiske // *Advances in Experimental Social Psychology.* – 2001. – № 33. – P. 115–188.
13. *Hill, C. A.* Individual differences in the experience of sexual motivation: Theory and measurement of dispositional sexual motives / C. A. Hill, L. K. Preston // *The Journal of Sex Research.* – 1996. – № 33. – P. 27–45.
14. *Laqueur, T.* Making sex: Body and gender from the Greeks to Freud. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992. – 336 p.
15. *Leigh, B. C.* Reasons for Having and Avoiding Sex: Gender, Sexual Orientation, and Relationship to Sexual Behavior / B. C. Leigh // *Medical Research Institute of San Francisco.* – 2003. – P. 11–25.

Ван Юйхун

УДК 159.9.07

Кафедра китайского языка как иностранного, факультет китайского языка и литературы, Китайский нефтяной университет, Циндао, Китайская Народная Республика

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА КИТАЙСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Представленное в статье исследование было проведено методом опроса и путем создания факторной шкалы предварительных наблюдаемых переменных для китайских работников за границей после пандемии COVID-19. Было получено 207 опросных листов, 203 из них были признаны действительными. После этого была создана база данных для дальнейшего анализа с помощью SPSS. Были исследованы связи и механизмы между организационной поддержкой, удовлетворенностью заработной платой и характеристиками условий труда за границей, психологическим капиталом и позитивное отношение к работе у китайских работников за границей в эпоху после пандемии.

Ключевые слова: психологический капитал; организационная поддержка; удовлетворенность заработной платой; позитивное отношение к работе; COVID-19; китайские работники за границей.

Образец цитирования: Ван Юйхун. Влияние Covid-19 на китайских работников за границей / Ван Юйхун // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 58–65.

Wang Yuhong

Department of Chinese Language as a Foreign Language at the Faculty of Chinese Linguistics and Literature, China University of Petroleum, Qingdao, People's Republic of China

THE IMPACT OF COVID-19 ON CHINESE OVERSEAS WORKERS

This study was conducted through a survey method by creating a factor scale of preliminary observed variables for Chinese workers abroad, starting from the COVID-19 pandemic. 207 questionnaires were obtained, 203 of which were considered valid, and a database was then created for further analysis using SPSS. The connections and mechanisms between organizational support, salary satisfaction, and other characteristics of working conditions abroad, psychological capital, and a positive sense of job accomplishment among Chinese workers abroad in the post-pandemic era were investigated.

Keywords: psychological capital; organizational support; salary satisfaction; sense of achievement; COVID-19; Chinese workers abroad.

For citation: Wang Yuhong. The Impact of Covid-19 on Chinese Overseas Workers. Sophia. 2023;1:58–65. Russian.

Автор:

Ван Юйхун – преподаватель кафедры китайского языка как иностранного факультета китайского языка и литературы Китайского нефтяного университета.
wangyuhong133@163.com

Author:

Wang Yuhong – Lecturer of the Department of Chinese Language as a Foreign Language at the Faculty of Chinese Linguistics and Literature, China University of Petroleum.

С начала пандемии COVID-19 мобильность населения в мире значительно снизилась, а сама пандемия оказала огромное влияние на количество работников-мигрантов. Значительная часть от общего количества работников-мигрантов во всем мире приходится на работников из Китая. В конце 2020 г. Китай отправил за границу свыше 301 тыс. трудовых мигрантов, а к концу 2021 г. число трудовых мигрантов из Китая за границей составило 592 тыс. человек. Из-за пандемии COVID-19 число китайских трудовых мигрантов за границей в 2021 г. снизилось по сравнению с аналогичным (до пандемии) периодом 2018 г. и составило 997 тыс. человек. В 2021 г. число китайских трудовых мигрантов за границей увеличилось на 22 тыс. человек и составило 323 тыс., что свидетельствует об определенной тенденции роста [18].

Главной причиной массового возвращения китайских работников-мигрантов из-за границы является страх за свою жизнь и здоровье. К людям, которые испытывают психологическое напряжение в связи с этим, можно отнести и тех, кто после начала пандемии COVID-19 остался работать на своем месте, и тех, кто отправился за границу, чтобы продолжить работу в соответствии с политикой безопасного возобновления производства и труда, поддерживаемой Китаем [19]. Огромное влияние на физическое и психическое здоровье мигрантов оказывают условия жизни и окружающая обстановка, так как они должны приспосабливаться к разным национальным обычаям и испытывают языковой барьер [11].

Цель данного исследования – изучить, насколько сильно китайские работники за границей пострадали от эпидемии COVID-19, выяснить роль организационной поддержки, удовлетворенности заработной платой, характеристик условий труда за границей, психологического капитала и удовлетворенности выполненной работой в регулировании трудовой активности работников, а также предоставить рекомендации для понимания и улучшения условий работы и жизни для мигрантов за границей.

В исследовании использован *метод опроса*. Опросный лист представляет четыре переменные: психологический капитал, организационная поддержка, удовлетворенность заработной платой, позитивное отношение к работе.

Практическая значимость исследования заключается в предоставлении рекомендаций для улучшения условий труда и жизни китайских работников-мигрантов.

Новизну и значимость данного исследования можно представить в трех основных аспектах. Во-первых, исследование является одним из первых среди посвященных психологическому здоровью китайских мигрантов, работающих за границей в период пандемии COVID-19. В настоящее время количество научных исследований на эту тему ограничено, большинство подобных исследований фокусируется на медицинских работниках и консультантах-психологах. В то же время, исследований, посвященных психологическому состоянию именно китайских мигрантов за границей, крайне мало, что делает данное исследование особенно актуальным. Во-вторых, путем изучения влияния условий работы, жизни и организационной поддержки китайских работников за границей было выявлено, представлено и описано их психологическое состояние во время пандемии COVID-19. В-третьих, данное исследование о психологическом состоянии китайских работников за границей в период пандемии COVID-19 поможет организациям отслеживать динамику состояния своих сотрудников во время эпидемии и принимать правильные решения для повышения их мотивации и адаптации к работе и жизни за рубежом. Исследование может быть полезным

для различных структур управления персоналом в организациях и предоставляет эмпирические данные для развития международного трудового сотрудничества и обмена кадрами на китайском и мировом рынках труда.

Влияние COVID-19 на физическое и психическое здоровье КИТАЙСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Chan J. F.-W. и др. исследовали распространение COVID-19 в семье и обнаружили, что этот новый коронавирус может передаваться между людьми в семьях или в больницах, а также может распространяться между городами [1]. Это означает, что международные мигранты и работники за границей также сталкиваются с этим. *Liem A.* и *Wang C.* замечают, что одну из групп, которая может легко игнорироваться во время пандемии COVID-19, составляют работники-мигранты [17]. В учебных изданиях называются исследования о психологическом состоянии местных медицинских работников, а также медицинских работников, пользующихся мигрантов (см., например, исследование израильских ученых [2]).

Исследователи из разных стран занимаются изучением влияния COVID-19 на работников-мигрантов и представили результаты своей работы в ряде научных публикаций [5; 4; 7; 9; 13; 16]. Так, например, *Kjøllesdal M.* и др. обнаружили, что люди, выполняющие одну и ту же работу в разных странах, имеют высокий риск заражения [13]. *Alahmad B.* и др. на примере работников-мигрантов из Кувейта указали на влияние на эту группу людей условий работы и жизни, а также культурных и языковых барьеров; при этом ученые обнаружили, что пересечение источников стресса и сферы жизни мигрантов-работников может быть одной из причин массового распространения болезни среди этой категории населения [5]. *Desie Y.* и др. обнаружили, что у эфиопских работников-мигрантов возвращение на родину сопровождается серьезными психологическими проблемами; ученые считают, что скрининг и оказание психологической помощи, а также своевременное направление на лечение могут помочь решить эту проблему [4]. *Birhanu A.* и др., проведя исследование в лечебном центре в Восточной Эфиопии, обнаружили, что религиозные эмоции и стратегии централизованного решения проблем повышают адаптивность работников-мигрантов [7]. *Ralli M.* и др. обнаружили, что условия жизни являются важным фактором, влияющим на заражение работников-мигрантов, поэтому ученые подчеркивают важность обеспечения социальных и государственных услуг для этой категории населения, что поспособствует снижению контактных инфекций [9].

В наши дни заболевания, вызывающие наибольшую озабоченность, – это ВИЧ-инфекция, вирус Эбола и вирус COVID-19, что связано с высокой смертностью среди заболевших и трудностями в контроле за распространением этих заболеваний. Количество проведенных исследований, связанных с влиянием указанных вирусов на китайских трудовых мигрантов за рубежом, не очень велико. Среди ученых, занимающихся исследованиями здоровья китайских мигрантов различных профессий в разных странах, можно назвать следующих: *Jin C.* [10], *English A. S.* [6], *Driessen M.* [3], *Chene Sh.* [21] и некот. др. Так, *Lei Z.* и др. [14] указали, что китайским подрядчикам за рубежом следует внимательно относиться к профессиональному здоровью сотрудников, принимать активные меры по его сбережению и укреплению через различные проекты, имеющие разный масштаб, и с учетом особенностей трудовой деятельности. *Huang H.* и др. [15] в ходе своих исследований опросили иностранных

сотрудников, работающих на зарубежных проектах китайских государственных предприятий, и предложили использовать моделирование домашней обстановки как один из способов адаптации китайских сотрудников к культурному контексту других стран.

В настоящее время исследования, связанные с влиянием пандемии COVID-19 на здоровье и психическое состояние китайских трудовых мигрантов за рубежом, большей частью сосредоточены на аспектах психического здоровья, а исследования факторов, связанных с психологическим капиталом, который может улучшить рабочий энтузиазм китайских трудовых мигрантов, относительно редки. Исследования, изучающие взаимосвязь между удовлетворенностью заработной платой и профессиональной неактивностью китайских трудовых мигрантов за рубежом в период пандемии COVID-19, как и исследования организационной поддержки и психологического капитала, также являются немногочисленными.

В данном исследовании представлены результаты опроса, проведенного среди китайских работников, трудившихся за рубежом в период с 2020 г. по 2022 г. или работавших за рубежом ранее. Всего было распространено 207 опросных листов, 4 из которых удалены, так как были признаны недействительными. Таким образом, было получено 203 действительных опросных листа.

Объектом исследования являются 203 китайских работника, которые с 2020 г. по 2022 г. работали или продолжают работать за границей. Для сбора данных был создан онлайн-опрос с использованием веб-платформы, на который было получено 207 ответов, но после удаления недействительных опросных листов в исследование были включены 203 работника.

Для проведения исследования была разработана анкета, которая включает в себя данные об основных условиях, личных взглядах и поведении, субъективных впечатлениях от местных мер по борьбе с COVID-19 и уровне знаний о новом коронавирусе. Кроме этого, был использован широко известный международный опросник общего состояния здоровья (*12-item general health questionnaire, GHQ-12*). Научная основа исследования обеспечена используемыми инструментами измерения, которые основаны на опроснике «Психологический капитал сотрудников», разработанном Luthans и др. [12], а также на опросниках «Психологическая усталость у шахтеров» и «Организационная поддержка шахтеров», разработанных Wang J. [20]), опроснике «Удовлетворенность заработной платой сотрудников» (*pay satisfaction questionnaire, PSQ*), разработанном Heneman III H. G. и др. [8]. Использовалась пятиуровневая шкала Лайкерта, включающая оценки от «совершенно не согласен» до «совершенно согласен». Кроме того, были учтены результаты предыдущих исследований, проведены консультации со специалистами, а также предварительное исследование с учетом реальных случаев, отбора и преобразования языковых конструкций измерения, в результате чего была сформирована система из четырех потенциальных переменных и 21 наблюдаемой переменной (см. табл.).

Четыре потенциальные переменные: 1) организационная поддержка, 2) удовлетворенность заработной платой, 3) психологический капитал 4) позитивное отношение к работе. При этом переменные 1–3 являются независимыми, а переменная 4 – зависимой.

После вычисления суммы четырех измерений каждого вопроса в таблице приведена описательная статистика каждой переменной после вычисления среднего значения. Оценки шкалы имеют пять уровней (1–5).

Таблица

Переменные и описание пунктов

Переменные	Описание пунктов	Среднее значение / Коэффициент асимметрии / эксцесс	Среднее значение	Факторная нагрузка	Ссылки
Организационная поддержка	Организация предоставляет сотрудникам возможности для обучения и продвижения по службе	22,09 (5,13) / -0,488 / -0,088	22,09 (5,13)	0,81	Wang J. (2016)
	Организация стимулирует интерес сотрудников к работе			0,71	
	Организация помогает сотрудникам реализовывать свой трудовой потенциал			0,78	
	Организация придает большое значение мнению сотрудников			0,77	
	Организация гордится сотрудниками			0,79	
	Организация вознаграждает сотрудников за дополнительную работу			0,69	
Удовлетворенность зарплатой	Организация использует разные формы стимулирования	22,55 (5,81) / -0,577 / 0,007	22,55 (5,81)	0,72	Heneman III H. G., Schwab D. P. (1985)
	Зарплата сотрудников увеличивается в течении длительного времени			0,77	
	Организация учитывает интересы сотрудников при принятии решений о предотвращении эпидемии			0,76	
	Удовлетворены ли вы своей зарплатой и доходом с учетом вашей квалификации?			0,73	
	Считаете ли вы, что существующая оплата труда в организации является обоснованной			0,75	
	Считаете ли вы, что существующая оплата труда в организации мотивирует сотрудников?			0,74	
	Считаете ли вы, что существующая оплата труда в организации справедлива?			0,75	

Психологический капитал	Я могу проанализировать коэффициент заражения коронавирусом и принять нужное решение	19,58 (4,05) / -1,141 / 2,317	19,58 (4,05)	0,64	Luthans (2007)
	Я осознаю свое ежедневное психологическое состояние в период пандемии коронавируса			0,86	
	Во время пандемии коронавируса можно стабильно работать			0,82	
	В своей работе я всегда вижу возможности избежать заражения коронавирусом			0,88	
	Если я заболею, то могу обратиться за медицинской помощью			0,77	
Позитивное отношение к работе	Я могу эффективно решить конфликт между работой и профилактикой эпидемии	10,94 (2,60) / -0,328 / -0,321	10,94 (2,60)	0,61	Wang J. (2016)
	Я считаю, что вношу вклад в профилактику эпидемии на работе			0,85	
	Я уверен, что могу эффективно выполнять работу и заниматься профилактикой эпидемии			0,80	

Значение стандартного отклонения > 3 означает, что участники опроса имеют хороший уровень психологического капитала в целом по восприятию коронавирусной инфекции.

Среднее значение и стандартное отклонение психологического капитала составляют 19,58 (4,05), что означает, что осведомленность китайских работников за рубежом о коронавирусе очень высока.

Среднее значение и стандартное отклонение организационной поддержки рабочих за рубежом во время эпидемии равны 22,09 (5,13), что указывает на то, что организации, поддерживающие работников за рубежом, получают признание со стороны самих работников.

Среднее значение и стандартное отклонение удовлетворенности зарплатой работников за рубежом составляют 22,55 (5,81), а среднее значение и стандартное отклонение чувства усталости и достижений работников равны 10,94 (2,60), что означает, что чувство достижений работников за рубежом также очень высокое.

Коэффициент асимметрии и коэффициент эксцесса при проверке нормальности данных показывают, что данные приближенно распределены нормально.

Вывод

В данном исследовании был проведен анализ психологического капитала китайских работников за рубежом в период пандемии COVID-19. Путем описательной статистики и анализа показателей по четырем измерениям, мы обнаружили, что китайские работники за рубежом имеют высокий уровень знаний о COVID-19, организация получает поддержку со стороны сотрудников, а уровень удовлетворенности заработной платой и позитивное отношение к работе сотрудников также высокие. Кроме того, данные приближены к нормальному распределению, что говорит о высокой достоверности. Поэтому мы считаем, что китайские работники за рубежом в период пандемии COVID-19 проявили высокую психологическую устойчивость и адаптивность, что обеспечивает базовую поддержку для дальнейшего повышения эффективности их труда и производительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. A familial cluster of pneumonia associated with the 2019 novel coronavirus indicating person-to-person transmission: a study of a family cluster [Electronic resource] / Jasper Fuk-Woo Chan [et al.] // *Lancet*. – 2020. – Vol. 395. – P. 514–523. – Mode of access : [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)30154-9/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)30154-9/fulltext). – Date of access : 01.03.2023.
2. A rapid assessment of migrant careworkers' psychosocial status during Israel's COVID-19 lockdown [Electronic resource] / J. H. Attal, I. Lurie, Y. Neumark // *Israel J. of Health Policy Research*. – 2020. – 9(61). – Mode of access : <https://ijhpr.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13584-020-00422-0>. – Date of access : 01.03.2023.
3. Chinese Workers in Ethiopia Caught between Remaining and Returning [Electronic resource] / M. Driessen // *Pacific Affairs*. – 2021. – Vol. 94, № 2. – P. 329–346. – Mode of access : <https://pacificaffairs.ubc.ca/announcements/chinese-workers-in-ethiopia-caught-between-remaining-and-returning/>. – Date of access : 01.03.2023.
4. Coping strategies among Ethiopian migrant returnees who were in quarantine in the time of COVID-19: a center-based cross-sectional study [Electronic resource] / Y. Desie [et al.] // *BMC Psychology*. – 2021. – 9(1). – Mode of access : <https://bmcp psychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-021-00699-z>. – Date of access : 01.03.2023.
5. COVID-19 stressors on migrant workers in Kuwait: cumulative risk considerations [Electronic resource] / B. Alahmad [et al.] // *BMJ Glob Health*. – 2020. – 5(7). – Mode of access : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32641292/>. – Date of access : 01.03.2023.
6. Ethnic Stereotype Formation and Its Impact on Sojourner Adaptation: A Case of “Belt and Road” Chinese Migrant Workers in Montenegro [Electronic resource] / A. English [et al.] // *Int. J. Environ Res. Public Health*. – 2021. – 18(18). – Mode of access : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34574489/>. – Date of access : 01.03.2023.
7. Factors associated with prolonged length of hospital stay among COVID-19 cases admitted to the largest treatment center in Eastern Ethiopia [Electronic resource] / A. Birhanu [et al.] // *SAGE Open Med*. – 2022. – Mode of access : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35070311/>. – Date of access : 01.03.2023.
8. Heneman III, H. G. Pay satisfaction: Its multidimensional nature and measurement / H. G. Heneman III, D. P. Schwab // *Intern. J. of Psychology*. – 1985. – Vol. 20(1). – P. 129–141. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1080/00207598508247727>. – Date of access : 01.03.2023.
9. Homeless persons and migrants in precarious housing conditions and COVID-19 pandemic: peculiarities and prevention strategies [Electronic resource] / M. Ralli [et al.] // *Eur. Rev. Med. Pharmacol Sci*. – 2020. – 24(18). – Mode of access : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33015824/>. – Date of access : 01.03.2023.

10. Identifying the Non-Traditional Safety Risk Paths of Employees from Chinese International Construction Companies in Africa [Electronic resource] / Chi Jin [et al.] // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. – 2021. – 18(4). – Mode of access : <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/4/1990#>. – Date of access : 01.03.2023.
11. Identifying the Non-Traditional Safety Risk Paths of Employees from Chinese International Construction Companies in Africa [Electronic resource] / C. Jin [et al.] // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. – 2021. – 18(4). – Mode of access : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7922553/>. – Date of access : 01.03.2023.
12. Luthans, F. Psychological capital: Developing the human competitive edge / F. Luthans, C. M. Youssef, B. J. Avolio. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 256 p.
13. Occupational risk of COVID-19 by country of birth. A register-based study [Electronic resource] / M. Kjøllestad, K. Magnusson // *J. of Public Health (Oxf)*. – 2021. – Vol. 45, № 1. – P. 6–12. – Mode of access : <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34617101/>. – Date of access : 01.03.2023.
14. Qualitative Analysis of the Occupational Health and Safety Performance of Chinese International Construction Projects [Electronic resource] / Z. Lei [et al.]. // *MDPI. Sustainability*. – 2018. – 10(12). – Mode of access : <https://www.mdpi.com/2071-1050/10/12/4344>. – Date of access : 01.03.2023.
15. Simulated home: an effective cross-cultural adjustment model for Chinese expatriates [Electronic resource] / H. Huang [et al.] // *Employee Relations*. – Vol. 42, № 4. – P. 1017–1042. – Mode of access : <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/ER-09-2019-0378/full/html>. – Date of access : 01.03.2023.
16. Stressors and coping strategies of migrant workers diagnosed with COVID-19 in Singapore: a qualitative study [Electronic resource] / K. Yee [et al.] // *BMJ Open*. – 2021. – 11(3). – Mode of access : <https://bmjopen.bmj.com/content/11/3/e045949>. – Date of access : 01.03.2023.
17. The neglected health of international migrant workers in the COVID-19 epidemic [Electronic resource] / A. Liem [et al.] // *Lancet. Psychiatry*. – 2020. – Vol. 7(4). – Mode of access : [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30076-6/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30076-6/fulltext). – Date of access : 01.03.2023.
18. 2021年我国对外劳务合作业务简明统计 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hzs.mofcom.gov.cn/article/date/202201/20220103238999.shtml>. – Дата доступа : 01.03.2023.
19. 国务院办公厅关于进一步精简审批优化服务 精准稳妥推进企业复工复产的通知 国办发明电〔2020〕6号 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-03/04/content_5486767.htm. – Дата доступа : 01.03.2023.
20. 王璟. 矿工安全心理资本与不安全行为的关系研究[D]. 西安科技大学, 2016. 142–144. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10704-1017858499.htm>. – Дата доступа : 01.03.2023.
21. 陈朔, 庞明樊, 戚晓鹏, 王立立, 王晓春. 埃塞俄比亚中资企业员工心理健康状况及影响因素分析[J]. 中国公共卫生管理, 2021. 37(04). 543–548.

И. В. Ткачѐв

УДК 159.9.072

Кафедра социальной и организационной психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ПРОВЕРКА ИНВАРИАНТНОСТИ ИЗМЕРЕНИЙ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ ОПРОСНИКА «МОТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ» НА ВЫБОРКЕ СТУДЕНТОВ

В статье представлены результаты проверки инвариантности измерения мотивов использования электронных социальных сетей в зависимости от пола, возраста и профиля специальности студентов. Подтверждены конфигурационная, метрическая и скалярная инвариантности для оцениваемых групп. По результатам стандартизации методики приведены нормативные показатели по шкалам для мужской и женской выборок.

Ключевые слова: электронные социальные сети; мотивы; студенты; инвариантность; стандартизация.

Образец цитирования: Ткачѐв И. В. Проверка инвариантности измерений и стандартизация опросника «Мотивы использования электронных социальных сетей» на выборке студентов / И. В. Ткачѐв // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 66–57.

I. Tkachov

Department of Social and Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

TESTING MEASUREMENT INVARIANCE AND STANDARDIZATION OF THE “MOTIVES FOR USING ELECTRONIC SOCIAL NETWORKS” QUESTIONNAIRE ON A SAMPLE OF STUDENTS

The article presents the results of testing the measurement invariance of motives for using electronic social networks depending on the sex, age and specialty profile of students. Confirmed configurational, metric and scalar invariance for the assessed groups. Based on the results of the standardization of the questionnaire, the normative values of the scales for male and female samples are given.

Keywords: electronic social networks; motives; students; invariance; standardization

For citation: Tkachov I. Testing measurement invariance and standardization of the “Motives for using electronic social networks” questionnaire on a sample of students. Sophia. 2023;1:66–57. Russian.

Автор:

Иван Валентинович Ткачѳв – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0002-0332-193X>
tkachovivan13@gmail.com

Author:

Ivan Tkachov – PhD at the Department of Social and Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

С развитием информационно-коммуникационных технологий широкое распространение приобрели электронные социальные сети (далее – ЭСС). Данные виртуальные платформы предоставляют множество возможностей для удобного и быстрого удовлетворения разнообразных потребностей, что и делает их такими популярными. Особенно ЭСС востребованы среди молодежи, так как доступ к Интернету она получила с раннего возраста. На данный момент ЭСС являются значимым фактором социализации молодых людей, что актуализирует проблему изучения мотивов использования данных сервисов.

Одним из вопросов, связанных с изучением мотивов использования ЭСС, является вопрос измерения данного феномена. На данный момент одним из наиболее распространенных методов его диагностики является опрос (анкетирование). В предыдущем эмпирическом исследовании мы провели процедуру адаптации опросника «Мотивы использования электронных социальных сетей» на выборке белорусских студентов [1]. В данной работе будут представлены результаты проверки инвариантности измерений, а также стандартизации методики, проведенной на более объемной выборке студентов. Опросник состоит из 24 утверждений и 8 шкал, которые соответствуют следующим мотивам использования ЭСС: «новые дружеские отношения», «академические цели», «социальная связность», «фолловинг и наблюдение за другими», «развлечение», «социальное признание», «самовыражение» и «информация».

Выборку данного исследования составили 488 студентов, обучающихся в четырех учреждениях высшего образования Беларуси. Из них 51,02 % – мужчины; 52,87 % – студенты, обучающиеся на социально-гуманитарных специальностях и 47,13 % – на специальностях математико-технического и естественнонаучного профилей; возрастной диапазон 17–25 ($M=19,03\pm 1,37$) лет; первокурсников – 21,11 %, второкурсников – 21,72 %, третьекурсников – 23,56 %, четверокурсников – 33,61 %. Для обработки данных использовался статистический пакет *Stata 17*.

Проверка инвариантности. Инвариантность измерения отвечает на вопрос о том, одинаково ли функционируют индикторы какого-либо феномена при различных условиях наблюдения и изучения этого феномена [5]? Наличие инвариантности позволяет сравнивать группы друг с другом. Отсутствие инвариантности делает интерпретации о различиях между группами некорректными.

Для проверки инвариантности используется мультигрупповой конфирматорный факторный анализ (КФА), который запускает одну и ту же модель в разных группах, накладывая ограничения равенства на параметры модели (например, факторные нагрузки, интерцепты). Далее происходит сравнение более ограниченных моделей с менее

ограниченными. Существует несколько иерархически упорядоченных видов инвариантности. Более высокие ее уровни требуют более строгих ограничений на равенство параметров между группами. Конфигурационная инвариантность – первый и базовый уровень. Она достигается, когда факторная структура воспроизводится одинаково в разных группах, и модель показывает приемлимые индексы согласия при свободной оценке параметров. Следующий уровень – это метрическая инвариантность, которая требует, чтобы факторные нагрузки между наблюдаемыми переменными и латентной переменной были одинаковыми в сравниваемых группах. При этом необходимо отсутствие значимого ухудшения модели по сравнению с конфигурационной. Третий уровень – скалярная инвариантность, которая проверяется путем ограничения не только факторных нагрузок, но и интерцептов явных переменных, которые должны быть одинаковыми в разных группах. При этом также анализируется, происходит ли ухудшение индексов согласия модели [4]. Для оценки значимости изменений соответствия модели высчитывается разница значений CFI. Если изменения в CFI превышают порог в 0,01, то это говорит о значительных различиях моделей [3].

Изначально модель запускалась на общей выборке. Она полностью соответствовала первоначальному исследованию, за исключением пары связей ошибок измерения индикаторных переменных. В данной модели были добавлены следующие связи между ошибками измерений явных переменных, входящих в одни и те же латентные переменные: п. 8 и п. 16, п. 6 и п. 14, п. 2 и п. 19, п. 1 и п. 9, п. 3. и п. 11, п. 15 и п. 22, п. 4 и п. 21. КФА проводился с поправкой Саттора-Бентлера [6]. Индексы согласия модели практически не изменились по сравнению с результатами первоначального исследования и также указывают на приемлимое соответствие модели эмпирическим данным: $\chi^2 / df = 2,54$, CFI = 0,94, TLI = 0,92, SRMR = 0,05, RMSEA = 0,056.

Анализ инвариантности производился в зависимости от пола, возраста и профиля специальности студентов. При проверке на группах разного возраста первую выборку составили студенты 17–19 лет ($M=18,08 \pm 0,77$; $n=288$), вторую – 20–25 лет ($M=20,38 \pm 0,75$; $n=200$). При проверке инвариантности в зависимости от профиля получаемой специальности в первую выборку вошли студенты социально-гуманитарного профиля обучения ($n=258$), во вторую – студенты математико-технического и естественнонаучного профилей ($n=230$). Результаты анализа представлены в *табл. 1*. Отметим, что мультигрупповой КФА проводился без поправки Саттора-Бентлера.

Таблица 1

**Инвариантность модели в зависимости от пола, возраста
и специальности студентов**

Модель инвариантности		χ^2/df	CFI	ΔCFI	TLI	SRMR	RMSEA
Половая инвариантность	Конфигурационная	2,069	0,924	–	0,904	0,054	0,047
	Метрическая	2,104	0,919	0,005	0,901	0,055	0,048
	Скалярная	2,128	0,914	0,005	0,898	0,055	0,048
Возрастная инвариантность	Конфигурационная	2,052	0,927	–	0,907	0,060	0,047
	Метрическая	1,998	0,928	0,001	0,912	0,062	0,045
	Скалярная	1,965	0,928	0	0,915	0,062	0,045

Профиль специальности	Конфигурационная	2,085	0,924	–	0,904	0,057	0,047
	Метрическая	2,041	0,925	0,001	0,908	0,056	0,046
	Скалярная	2,015	0,924	0,001	0,910	0,057	0,046

Таким образом, результаты свидетельствуют о конфигурационной, метрической и скалярной инвариантности измерения мотивов использования ЭСС в группах разного пола, возраста и профиля получаемой специальности.

Стандартизация. Учитывая то, что гипотеза о нормальном распределении данных по большинству шкал была отклонена, стандартизация проводилась путем высчитывания процентильных баллов для каждого наблюдения и деления выборки на квантили – 25-процентные границы, разбивающие выборку на четыре части [2]. Для всех шкал, кроме шкалы «Академические цели», подсчеты проводились отдельно для мужской и женской выборок, поскольку между ними были обнаружены статистически значимые различия средних. Значения квантилей в мужской и женской выборках для каждой из шкал представлены в *табл. 2*.

Таблица 2

Значения квантилей по шкалам для мужчин и женщин

Шкалы	Мужчины			Женщины		
	Q1	Q2	Q3	Q1	Q2	Q3
Новые дружеские отношения	4	9	13	6	10	15
Социальная связность	6	10	13	10	14	17
Фолловинг и наблюдение за другими	8	13	16	12	16	18
Развлечения	13	17	19	15	18	21
Социальное признание	3	4	8	4	7	10
Самовыражение	5	9	13	8	11	15
Информация	14	17	19	16	18	20

Примечание. Q1 – первый квантиль (25%), Q2 – второй квантиль (50%), Q3 – третий квантиль (75%).

Распределение сырых баллов по уровням в соответствии с полученными границами для мужской выборки (n=249) представлено в *табл. 3*.

Таблица 3

Распределение сырых баллов для мужской выборки

Уровни	Низкий	Ниже среднего	Выше среднего	Высокий
<i>Шкала «Новые дружеские отношения»</i>				
Количество чел.	58 (23,29 %)	66 (26,51 %)	49 (19,68 %)	76 (30,52 %)
Сырые баллы	< 4	4–8	9–12	> 12
<i>Шкала «Социальная связность»</i>				
Количество чел.	49 (19,68 %)	58 (23,29 %)	64 (25,70 %)	78 (31,33 %)
Сырые баллы	< 6	6–9	10–12	> 12

<i>Шкала «Фолловинг и наблюдение за другими»</i>				
Количество чел.	54 (21,69 %)	69 (27,71 %)	56 (22,49 %)	70 (28,11 %)
Сырые баллы	< 8	8–12	13–15	> 15
<i>Шкала «Развлечения»</i>				
Количество чел.	49 (19,68 %)	69 (27,71 %)	61 (24,50 %)	70 (28,11 %)
Сырые баллы	< 13	13–16	17–18	> 18
<i>Шкала «Социальное признание»</i>				
Количество чел.	0 (0 %)	105 (42,17 %)	80 (32,13 %)	64 (25,70 %)
Сырые баллы	–	< 4	4–7	> 7
<i>Шкала «Самовыражение»</i>				
Количество чел.	53 (21,29 %)	55 (22,09 %)	71 (28,51 %)	70 (28,11 %)
Сырые баллы	< 5	5–8	9–12	> 12
<i>Шкала «Информация»</i>				
Количество чел.	62 (24,90 %)	42 (16,87 %)	66 (26,51 %)	79 (31,73 %)
Сырые баллы	< 14	14–16	17–18	> 18

В табл. 4 представлены нормы для женской выборки (n=239).

Таблица 4

Распределение сырых баллов для женской выборки

Уровни	Низкий	Ниже среднего	Выше среднего	Высокий
<i>Шкала «Новые дружеские отношения»</i>				
Количество чел.	51 (21,34 %)	62 (25,94 %)	60 (25,10 %)	66 (27,62 %)
Сырые баллы	< 6	6–9	10–14	> 14
<i>Шкала «Социальная связность»</i>				
Количество чел.	50 (20,92 %)	64 (26,78 %)	59 (24,69 %)	66 (27,62 %)
Сырые баллы	< 10	10–13	14–16	> 16
<i>Шкала «Фолловинг и наблюдение за другими»</i>				
Количество чел.	52 (21,76 %)	60 (25,10 %)	49 (20,50 %)	78 (32,64 %)
Сырые баллы	< 12	12–15	16–17	> 17
<i>Шкала «Развлечения»</i>				
Количество чел.	48 (20,08 %)	52 (21,76 %)	73 (30,54 %)	66 (27,62 %)
Сырые баллы	< 15	15–17	18–20	> 20
<i>Шкала «Социальное признание»</i>				
Количество чел.	56 (23,43 %)	60 (25,10 %)	49 (20,50 %)	74 (30,96 %)
Сырые баллы	< 4	4–6	7–9	> 9
<i>Шкала «Самовыражение»</i>				
Количество чел.	59 (24,69 %)	53 (22,17 %)	66 (27,62 %)	61 (25,52 %)
Сырые баллы	< 8	8–10	11–14	> 14

<i>Шкала «Информация»</i>				
Количество чел.	58 (24,27 %)	47 (19,67 %)	61 (25,52 %)	73 (30,54 %)
Сырые баллы	< 16	16–17	18–19	> 19

Подсчеты данных по шкале «Академические цели» производились для всех респондентов (n=488). В результате выявлены следующие значения квартилей: Q1=12, Q2=15, Q3=18. В соответствии с этим распределение сырых баллов по данной шкале представлено в табл. 5.

Таблица 5

Распределение сырых баллов по шкале «Академические цели»

Уровни	Низкий	Ниже среднего	Выше среднего	Высокий
<i>Шкала «Академические цели»</i>				
Количество чел.	110 (22,54 %)	89 (18,24 %)	144 (29,51 %)	145 (29,71 %)
Сырые баллы	< 12	12–14	15–17	> 17

Таким образом, в результате исследования установлена конфигурационная, метрическая и скалярная инвариантности по полу, возрасту и профилю получаемой специальности, что позволяет проводить сравнения соответствующих групп студентов. В результате стандартизации выявлены нормативные показатели по шкалам для мужской и женской выборок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ткачёв, И. В. Адаптация опросника «мотивы использования электронных социальных сетей» на выборке белорусских студентов / И. В. Ткачёв, Г. А. Фофанова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2023. – № 1. – С. 82–94.
2. Шмелев, А. Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом / А. Г. Шмелев. – М. : ООО «ИПЦ “Маска”», 2013. – 688 с.
3. Cheung, G. Evaluating Goodness-of-Fit Indexes for Testing Measurement Invariance / G. Cheung, R. Rensvold // Structural Equation Modeling. – 2002. – Vol. 9. – № 2. – P. 233–255.
4. Davidov, E. Measurement equivalence in cross-national research / E. Davidov et al. // Annual review of sociology. – 2014. – Vol. 40. – P. 55–75.
5. Horn, J. L. A practical and theoretical guide to measurement invariance in aging research / J. L. Horn, J. J. McArdle // Experimental aging research. – 1992. – Vol. 18. – № 3. – P. 117–144.
6. Satorra, A. Corrections to test statistics and standard errors in covariance structure analysis / A. Satorra, P. M. Bentler // Latent variables analysis: Applications for developmental research; A. von Eye, C. C. Clogg, editors. – Thousand Oaks, CA : Sage, 1994. – P. 399–419.

Г. А. Фофанова¹, М. В. Бунчикова²

УДК 159.9

¹ Кафедра социальной и организационной психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

² ООО «Издательский дом “Толока”», Минск, Республика Беларусь

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье представлен обзор подходов к феномену эмоционального интеллекта и его структуре. Анализируются результаты эмпирических исследований эмоционального интеллекта мужчин и женщин в период взрослости. Констатируется противоречивость полученных различными авторами результатов. Постулируется необходимость проведения масштабных эмпирических исследований эмоционального интеллекта у разных половозрастных групп для выявления общих закономерностей и разработки последующих практических рекомендаций.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; взрослость; управление эмоциями; понимание эмоций; эмпатия.

Образец цитирования: Фофанова Г. А. Эмоциональный интеллект в период взрослости: обзор исследований / Г. А. Фофанова, М. В. Бунчикова // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1 – С. 72–80.

G. Fofanova¹, M. Bunchikova²

¹ Department of Social and Organisational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

² LLC “Publishing house «Toloka»”, Minsk, Republic of Belarus

EMOTIONAL INTELLIGENCE IN ADULT: REVIEW OF RESEARCH

An overview of approaches to the phenomenon of emotional intelligence and its structure is presented in this article. The results of empirical studies of the emotional intelligence of men and women during adulthood are analyzed. The inconsistency of the results obtained by different authors is stated. The necessity of conducting large-scale empirical studies of emotional intelligence in different gender and age groups in order to establish general patterns and develop subsequent practical recommendations is substantiated.

Keywords: emotional intelligence; adulthood; emotion management; understanding emotions; empathy.

For citation: Fofanova G. & Bunchikova M. Emotional Intelligence in Adult: Review of Research. Sophia. 2023;1;72–80. Russian.

Авторы:

¹ Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0003-4177-8399>
gfofanova@gmail.com

² Мария Викторовна

Бунчикова – специалист по рекламе, ООО «Издательский дом “Толока”».

m.bunchikova@icloud.com

Authors:

¹ Galina Fofanova – PhD of Psychology, Docent, Associate Professor at the Department of Social and Organisational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

² Maria Bunchikova –

advertising specialist, LLC “Publishing house «Toloka»”.

В последнее десятилетие в научной литературе стало появляться все больше работ, посвященных способностям человека в социальной и эмоциональной областях в целом и в особенности – феномену эмоционального интеллекта [13, с. 178].

Эмоциональный интеллект представляет собой способность человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей для решения практических задач.

В настоящее время принято выделять два основных вектора исследования данного феномена. Первый – на основе модели эмоционального интеллекта как способностей, авторами которой выступают Дж. Мэйер, П. Саловей, Д. Карузо, второй – на основе смешанных моделей (эмоциональный интеллект как способность и личностная черта) – например, модели Д. Гоулмана, Р. Бар-Она. Модели эмоционального интеллекта, которые разрабатываются на территории постсоветского пространства, испытывают на себе влияние зарубежных подходов. Наиболее известными являются модели эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, М. А. Манойловой и Э. Л. Носенко, Н. В. Ковриги. Концепция эмоционального интеллекта Д. В. Люсина близка к моделям способностей; подходы Э. Л. Носенко и М. А. Манойловой – к «смешанным» моделям эмоционального интеллекта.

Анализируя основные теории эмоционального интеллекта, существующие на данный момент, можно попытаться выделить его критерии. Эмоциональный интеллект имеет двойственную природу: когнитивные способности (распознавание, идентификация эмоций – скорость переработки эмоциональной информации) и личностные характеристики, которые, в свою очередь разделяются на поведенческий (эмоциональная

саморегуляция) и эмоциональный (эмоциональная выразительность, эмоциональная чувствительность, эмпатия, доминирующее настроение) компоненты. Эмоциональный интеллект развивается, он не представляет собой исключительно личностную черту.

Различение областей применения эмоционального интеллекта на интериндивидуальном и интраиндивидуальном уровне личности позволяет выдвинуть предположение о двух его видах – межличностном и внутриличностном. Данное предположение соответствует представлениям Г. Гарднера относительно видов общего интеллекта. В рамках его модели множественного интеллекта межличностный интеллект включает способность наблюдать чувства других и использовать эти знания для прогнозирования их поведения и сотрудничества с ними, в то время как внутриличностный интеллект позволяет понять себя и сотрудничать с собой [16, с. 48]. Две «ипостаси» эмоционального интеллекта подчеркиваются рядом ученых (Д. В. Люсин, М. А. Манойлова, Э. Л. Носенко, Р. Бар-Он и др.), при этом зачастую наполняют его различным содержанием, которое отражает преобладание в представлениях авторов об эмоциональном интеллекте и его когнитивной или некогнитивной составляющих.

По мнению Дж. Мэйер и П. Саловей, рассматривающих указанный феномен как вид интеллекта, внутриличностный эмоциональный интеллект предполагает способность человека устанавливать взаимосвязи между мыслями, поступками и чувствами, в то время как межличностный помогает приспособиться к другим людям, научиться сопереживать им, вдохновлять и стимулировать их к тем или иным действиям, разобратся во взаимоотношениях и упростить общение с окружающими [17, с. 192].

При рассмотрении эмоционального интеллекта преимущественно как совокупности некогнитивных свойств личности в характеристике его межличностного и внутриличностного аспектов отмечается преобладание личностных свойств. В частности, согласно М. А. Манойловой, межличностный (социальный) «аспект» эмоционального интеллекта характеризуется как способность управлять другими, в его состав входят: коммуникативность, открытость, эмпатия, способность учитывать и развивать интересы другого человека, уважение к людям, способность адекватно оценивать и прогнозировать межличностные отношения, умение работать в команде [10, с. 7]. Внутриличностный «аспект» эмоционального интеллекта представляет собой способность управлять собой и включает: осознание своих чувств, самооценку, уверенность в себе, ответственность, терпимость, самоконтроль, активность, гибкость, заинтересованность, открытость новому опыту, мотивацию достижения, оптимизм [10, с. 9].

Под внутриличностным эмоциональным интеллектом Э. Л. Носенко и Н. В. Коврига понимают способность самоорганизовываться на деятельность, достигая определенного «экологического мастерства», умения упорядочивать, изменять окружающую среду для достижения собственной пользы; под межличностным – способность человека взаимодействовать с окружающими, устанавливать благоприятные взаимоотношения с ними. По мнению Э. Л. Носенко, к признакам эмоционального интеллекта относятся составляющие «Большой Пятерки», первоначально она причислила к внутриличностному эмоциональному интеллекту добросовестность, открытость новому опыту и эмоциональную устойчивость, к межличностному – дружелюбность и экстраверсию. В результате проведенного эмпирического исследования [12, с. 17] сделаны следующие уточнения: добросовестность является фактором внутриличностного эмоционального интеллекта; доброжелательность – фактором межличностного эмоционального интеллекта; эмоциональная устойчивость и открытость новому опыту

способствуют формированию и выявлению как межличностного, так и внутриличностного эмоционального интеллекта.

Рассматривая эмоциональный интеллект как когнитивно-личностное образование, Д. В. Люсин относит к области межличностного эмоционального интеллекта способности к пониманию чужих эмоций и управлению ими, к сфере межличностного эмоционального интеллекта – способности к пониманию собственных эмоций и управлению ими. При этом автор отмечает, что, хотя внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект и предполагают актуализацию различных когнитивных процессов, они должны быть взаимосвязаны [9, с. 32].

Анализ эмоционального интеллекта как феномена позволил выделить и охарактеризовать функции эмоционального интеллекта. Н. В. Коврига Е. Л. Носенко, А. И. Савенков выделяют *стрессозащитную*, С. П. Деревянко, Н. В. Коврига, Э. Л. Носенко, В. С. Юр-кевич выделяют *адаптивную*; А. А. Панкратова выделяет такие функции, как *повышение эффективности коммуникации, оптимизация межличностных отношений и социально-психологическая адаптация* [14, с. 55]; Ю. В. Давыдова выделяет *обеспечение успешности деятельности, оптимизацию и гармонизацию процессов внутриличностного и межличностного взаимодействия* [3, с. 12]. Кроме этого, в литературе имеются косвенные указания на *фасилитирующую функцию* эмоционального интеллекта.

Л. Д. Демина эмпирически выявила пять функций эмоционального интеллекта в структуре психологической культуры личности, соответствующие основным профессиональным функциям:

- 1) **оценочно-прогностическая функция** связана с оценкой эмоциональных переживаний как собственных, так и других людей через речь, звуки, внешний вид и поведение, т. е. формированием адекватного отношения к действительности, к конкретным ситуациям, поведению своему и окружающих. Данная функция способствует развитию социально направленных форм поведения, мотивации успеха, поскольку конструктивное взаимодействие возможно на основе познания и понимания;
- 2) **коммуникативная функция** определяется потребностью понимать эмоции, выступающие как коммуникативные действия. Понимание эмоций сопровождается декодированием как вербального, так и невербального аспекта коммуникации. Внутриличностное понимание эмоций образует корреляционные отношения с чувствительностью к речевой экспрессии и эмпатийностью личности;
- 3) **регулятивно-контролирующая функция** обусловливается ролью эмоционального интеллекта в управлении эмоциями. Способность вызывать и контролировать эмоцию определенной модальности, препятствовать избеганию негативных переживаний, контроль за интенсивностью негативных эмоций и эмоциональных состояний, снижением уровня эмоционального выгорания личности;
- 4) **мотивирующая функция** реализуется благодаря умению управлять эмоциями, что является одним из факторов, определяющих развитие внутренней мотивации и мотивации успеха профессиональной деятельности;
- 5) **рефлексивно-коррекционная функция** определяется способностью познания в области эмоциональных переживаний, как собственных, так и партнеров

по взаимодействию, а также уменьшением внутреннего конфликта благодаря умению контролировать эмоции и потребности. Коррекционный аспект функции заключается в соучастии эмоционального интеллекта в снижении рассогласованности в ценностно-смысловой сфере и агрессивного мироощущения [5, с. 58].

Таким образом, каждый из видов эмоционального интеллекта выполняет функции, которые имеют отношение к чужим или собственным эмоциям: оценочно-прогностическая (восприятие, идентификация и понимание эмоций); экспрессивно-коммуникативная (выражение эмоций), регулятивная (управление эмоциями), мотивирующая (создание позитивной мотивации посредством стимулирования определенных эмоций), фасилитирующая (продуцирование эмоций, способствующих решению определенных задач), рефлексивно-коррекционная (участие когнитивно-аффективных процессов в снижении рассогласованности в ценностно-смысловой сфере, разрешении внутренних конфликтов, коррекции агрессивного поведения), адаптивная (возможности эмоционального интеллекта приспосабливаться к изменениям во внутреннем мире и внешней среде). Важнейшей из приведенных функций, на наш взгляд, является адаптивная функция эмоционального интеллекта, поскольку все остальные прямо или косвенно способствуют ее реализации.

Эмоциональный интеллект имеет особое значение в период взрослости, которая рассматривается как время непрерывного изменения и роста. Развитие человека в период взрослости зависит от разрешения проблем предшествующих периодов – обретения доверия и автономии, инициативы и трудолюбия. Период взрослости – это наиболее длительный период жизни человека, в котором, как правило, выделяют три стадии или субпериода. В соответствии с подходом А. А. Реан, это период ранней взрослости (от 20 до 40 лет), средней взрослости (от 40 до 60 лет) и поздней взрослости (от 60 лет и старше) [15]. Каждый из вышеперечисленных возрастных периодов обладает своими особенностями и характеристиками.

В рамках нашего обзора фокус внимания направлен на особенности эмоционального интеллекта в период взрослости. Однако в научной психологической литературе преобладают данные в основном об особенностях возрастной динамики эмоциональной сферы в целом, а не собственно эмоционального интеллекта. В частности, отмечается, что эмпатия достигает своего максимума как у женщин, так и мужчин именно в период взрослости (с 40 до 50 лет) [6, с. 278]. Е. П. Ильин и А. Н. Липина исследовали сентиментальность и установили, что с возрастом она неуклонно возрастает, достигая максимума у женщин и мужчин в возрасте 50–60 лет. В свою очередь, эмоциональная возбудимость женщин сначала держится на одном уровне в возрастных группах 15–20 и 21–30 лет, а затем начинает постепенно снижаться [7, с. 43].

В исследовании О. В. Грибковой, посвященном возрастным особенностям уровня развития эмоционального интеллекта, установлено, что в возрасте от 17 до 25 лет корреляции между возрастом и показателями развития эмоционального интеллекта и его компонентов не выявлено. В группе более взрослых людей (26–43 лет) выявлена слабая взаимосвязь между возрастом респондентов и показателями шкалы «Эмоциональная осведомленность». С другими компонентами эмоционального интеллекта и уровнем интегрального эмоционального интеллекта возраст респондентов не коррелирует [2]. На основании полученных данных исследователь делает вывод о том, что в группе взрослых эмоциональная осведомленность незначительно нарастает с увеличением

возраста. С точки зрения автора, это может быть связано с приобретенным во взаимодействии с другими людьми жизненным опытом, в ходе которого диапазон испытываемых ими эмоций и чувств расширяется [2]. Мы можем также объяснить, что жизненный опыт («житейская психология») способствует приданию большей значимости, в том числе в профессиональной сфере, различным аспектам межличностного общения, «человеческому фактору», существенная роль в распознавании и управлении которым играет именно эмоциональный интеллект.

В исследовании А. Ф. Минуллиной и Э. И. Муртазиной, показано, что в период зрелости мужчины имеют более высокий уровень эмоционального интеллекта, чем женщины. При этом у мужчин выше характеристики эмоционального интеллекта, связанные с процессом управления эмоциями и их контроля. В то же время в группе женщин выше уровень тех показателей эмоционального интеллекта, которые связаны с процессом понимания эмоций [11, с. 127].

И. Н. Андреевой же приводятся противоположные данные, согласно которым, у женщин по сравнению с мужчинами эмоциональный интеллект развит лучше; преобладает понимание эмоций, а также шире объем словаря эмоций и возможности их вербализации. Точность распознавания эмоций более выражена у взрослых женщин по сравнению с мужчинами. В отдельных исследованиях обнаруживается, что мужчины превосходят женщин в выраженности способностей к управлению своими эмоциями. На развитие этой характеристики могут влиять культура, особенности воспитания и гендерные стереотипы. В исследовании установлено, что у женской части выборки на достоверном статистическом уровне преобладают все показатели инструментального эмоционального интеллекта, т. е. опытного и стратегического интеллекта, а также интегральный показатель эмоционального интеллекта. Среди показателей индивидуально-личностного эмоционального интеллекта у мужчин по сравнению с женщинами более выражены способности к пониманию собственных эмоций и управлению ими, контроль экспрессии, внутриличностный эмоциональный интеллект и управление эмоциями в целом, а у женщин – способности к пониманию эмоций других людей. Поскольку речь идет о самооценке эмоционального интеллекта, полученные результаты можно в определенной мере объяснить влиянием стереотипных представлений о гендерных ролях, согласно которым мужчина должен стремиться к успеху в предметной и широкой социальной сфере, контролировать свои социальные проявления (в том числе эмоциональные), поэтому для него особенно важно понимать собственные эмоции и управлять ими, для женщины же «главной всего погода в доме», т. е. для того чтобы создавать в семье и в трудовом коллективе благоприятный социально-психологический климат, представительницам женского пола важно понимать эмоции окружающих [1, с. 29].

В целом, установленные различия носят скорее качественный, нежели количественный характер. Мужчины и женщины в равной мере переживают те или иные события, демонстрируют относительно идентичные реакции. Однако они по-разному объясняют причины своих эмоций. Выражение тех или иных эмоций у представителей женского или мужского пола, как и их регуляция, во многом обусловлены влиянием гендерных норм, которые формируются путем воспитания и более широких инструментов социализации [1, с. 30].

Н. Б. Карабущенко и Н. Н. Зорина в своем исследовании рассматривают особенности эмоционального интеллекта женщин разных возрастов, указывая при этом, что

отсутствует достаточное количество исследований на тему содержательных характеристик эмоционального интеллекта как у женщин, так и у мужчин в период взрослости [8, с. 112]. Анализ результатов исследования показал, что у женщин 40–45 лет по сравнению с женщинами 25–30 лет в большей степени выражен такой показатель эмоционального интеллекта, как «управление своими эмоциями», что отражает большую способность женщин средней взрослости к эмоциональному самоконтролю. Этот результат согласуется с данными, полученными по «тесту Холла» о более высокой самомотивации женщин 40–45 лет. Умение управлять своими эмоциями помогает женщине в период средней взрослости справляться со свойственной этому возрасту эмоциональной неустойчивостью, переживаниями по поводу взросления и скорого ухода детей в «свою» жизнь, появлением первых признаков старения. У женщин 40–45 лет по сравнению с женщинами 25–30 лет наиболее выражен такой показатель эмоционального интеллекта как «контроль экспрессии», что отражает большую способность женщин средней взрослости к контролю внешних проявлений своих эмоций. Можно предположить, что такой навык управления внешним проявлением эмоций в значительной степени формируется в результате жизненного опыта [8, с. 114].

У женщин 40–45 лет по сравнению с женщинами 25–30 лет в большей степени выражен показатель «внутриличностный эмоциональный интеллект», что отражает большую способность женщин средней взрослости к пониманию и управлению собственными эмоциями. Возможно, это связано с тем, что в период средней взрослости женщина, как правило, выполнила основные задачи – создала семью, родила детей, реализовала себя в профессии, обустроила быт. И в этот момент появляются мысли о новом смысле жизни (период переживания «кризиса среднего возраста»). У женщин в период ранней взрослости большую роль играет межличностный интеллект. Это связано с решением социальных задач, стоящих перед женщиной 25–30 лет – профессиональной реализацией, поиском партнера для создания семьи, рождение ребенка. У женщин 40–45 лет по сравнению с женщинами 25–30 лет в большей степени выражен такой показатель эмоционального интеллекта как «управление эмоциями», что отражает большую способность женщин средней взрослости к управлению своими и чужими эмоциями. Также у женщин 40–45 лет по сравнению с женщинами 25–30 лет в большей степени выражен общий показатель эмоционального интеллекта. Важно, что в контексте возрастной динамики способности к управлению эмоциями у женщин выражены в большей степени, чем способности к пониманию эмоций. Это можно объяснить важной практической ролью эмоциональной сферы в жизни женщины, для которой эмоции – ключевой элемент взаимодействия со своим Я и другими людьми, и в этой связи особую роль приобретают навыки управления эмоциональными состояниями [8, с. 116].

Обобщая результаты сравнительного анализа показателей эмоционального интеллекта у женщин разного возраста, авторы отмечают, что у женщин средней взрослости параметры эмоционального интеллекта выше, чем у женщин ранней взрослости. По мнению исследователей, ключевым фактором выявленных различий выступает именно жизненный опыт, который при любых личностных особенностях женщин выступает обязательным атрибутом возраста.

С. С. Даренских проведено исследование особенностей развития эмоционального интеллекта у мужчин в период ранней и средней взрослости. В результате исследования было выявлено, что мужчины в возрасте от 21 до 40 лет лучше, чем мужчины

в возрасте от 41 до 60 лет осознают свои чувства и идентифицируют причины их возникновения. Это умение позволяет молодым мужчинам определять и выражать чувства от момента к моменту и понимать связь между чувствами и действиями. Также мужчины в период ранней зрелости лучше понимают чувства других и сопереживают им. Вероятно, это связано с эмоциональной ригидностью, появляющейся с возрастом, и с отсутствием мотивации отслеживать свои действия, эмоции в силу достигнутого положения и реализации ранее поставленных целей [4, с. 53].

Мужчины в период ранней зрелости легче, чем мужчины в период средней зрелости адаптируются к новым обстоятельствам, управляют своими эмоциями, склонны к произвольному управлению собственными эмоциями. Вероятно, это обусловлено стремлением молодых людей к успешной реализации поставленных целей, а также с укоренившимися у мужчин от 41 до 60 лет привычками, в том числе и эмоциональными, и с выработанным алгоритмом действий [45, с. 54]. У мужчин в возрасте от 21 до 40 лет ярче, чем у мужчин от 41 до 60 лет, выражена способность на чувственном уровне сопереживать окружающим. Вероятно, утрата способности к эмпатии у мужчин старшей возрастной группы связана со снижением интереса к мыслям и чувствам других людей и большей сосредоточенностью на своем внутреннем мире и физиологических и физических изменениях. Все это свидетельствует о более высоком развитии эмоционального интеллекта у мужчин в период ранней зрелости.

Таким образом, как показал анализ психологической литературы, данные о возрастных особенностях развития эмоционального интеллекта единичны и носят противоречивый характер. В одних исследованиях отмечается, что в период зрелости эмоциональный интеллект более развит у мужчин, в других – у женщин. Существуют данные о том, что у мужчин эмоциональный интеллект более развит в период ранней зрелости в отличие от мужчин периода средней зрелости. У женщин ситуация складывается по-другому. У женщин средней зрелости эмоциональный интеллект развит лучше, более развито понимание своих эмоций, управление ими приобретают большую значимость. Это говорит о том, что с возрастом эмоциональный интеллект развивается, женщина научается лучше понимать свои эмоции и эмоции других людей, управлять ими, сопереживать другим людям. Вместе с тем, анализ литературы показал необходимость проведения масштабных эмпирических исследований данной сферы, результаты которых могли бы показать реальную динамику развития эмоционального интеллекта, факторов, которые способствуют или препятствуют его развитию, а также лечь в основу разработки психокоррекционных мероприятий и тренингов, направленных на развитие эмоционального интеллекта с учетом возрастных и половых особенностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие / И. Н. Андреева. – Новополюк : Полупольский гос. ун-т, 2020. – 356 с.
2. Грибукова, О. В. Возрастные особенности уровня развития эмоционального интеллекта студентов и работающих взрослых / О. В. Грибукова // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2014. – № 1. – С. 27–36.
3. Давыдова, Ю. В. Эмоциональный интеллект: сущностные признаки, структура и особенности проявления в подростковом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Ю. В. Давыдова. – М., 2011. – 26 с.

4. *Даренских, С. С.* Эмоциональный интеллект у мужчин разного возраста / С. С. Даренских // Вестник психологии и педагогики АлтГУ. – 2020. – № 2. – С. 57–65.
5. *Демина, Л. Д.* Эмоциональный интеллект как системообразующий компонент психологической структуры личности / Л. Д. Демина, Т. В. Манянина // Известия АлтГУ. – 2010. – № 2–1. – С. 57–60.
6. *Ильин, Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2006. – 544 с.
7. *Ильин, Е. П.* Динамика характеристик эмоциональной сферы и агрессивности на протяжении периода от юности до старости / Е. П. Ильин, А. Н. Липина // Вестник практической психологии образования. – 2007. – № 4. – С. 42–46.
8. *Карабущенко, Н. Б.* Возрастные особенности эмоционального интеллекта у женщин разного возраста / Н. Б. Карабущенко, Н. Н. Зорина // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2018. – №. 4. – С. 108–117.
9. *Люсин, Д. В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования ; под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2004. – С. 29–36.
10. *Манойлова, М. А.* Акмеологическое развитие эмоционального интеллекта учителей и студентов педагогических учебных заведений : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / М. А. Манойлова. – СПб., 2004. – 18 с.
11. *Мишулина, А. Ф.* Исследование характеристик эмоционального интеллекта и показателей толерантности к неопределенности у мужчин и женщин / А. Ф. Мишулина, Э. И. Муртазина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 125–130.
12. *Носенко, Е. Л.* Емоційний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції / Е. Л. Носенко, Н. В. Коврига. – К. : Вища школа, 2003. – 127 с.
13. *Овчинникова, Н. Ф.* Эмоциональный интеллект молодежи / Н. Ф. Овчинникова // Человеческий фактор. Социальный психолог. – 2016. – № 1. – С. 178–181.
14. *Панкратова, А. А.* Эмоциональный интеллект: о возможности усовершенствования модели и теста Мэйера – Сэловея – Карузо / А. А. Панкратова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2014. – № 3. – С. 52–64.
15. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. – М. : АСТ, 2015. – 656 с.
16. *Gardner, H.* Multiple intelligences: the theory in practice / H. Gardner. – New York : Basic Books, 1993. – 304 p.
17. *Salovey, P.* Emotional intelligence / P. Salovey, J. D. Mayer // Imagination. Cognition. Personality. – 1990. – № 3. – P. 185–211.

Г. А. Фофанова¹, Куан Циньжоу²

УДК 159.9

¹ Кафедра организационной психологии, факультет психологии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

² Кафедра организационной психологии, факультет психологии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ДИСПОЗИЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ: СУЩНОСТЬ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье представлен анализ теоретических подходов к понятию диспозиционного материализма. Проанализированы и обобщены исследования, направленные на определение факторов развития диспозиционного материализма. К основным факторам можно отнести следующие: родительские стили и методы общения с детьми; национально-экономические показатели общества; тенденции принимать окружающие культурные ценности и правила поведения социума; массовая культура и средства массовой информации.

Ключевые слова: диспозиционный материализм; жадность; зависть; собственничество; родительские стили и методы общения с детьми; национально-экономические показатели общества; интернализация; массовая культура; средства массовой информации.

Образец цитирования: Фофанова Г. А. Диспозиционный материализм: сущность и факторы формирования / Г. А. Фофанова, Куан Циньжоу // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1 – С. 81–87.

G. Fofanova¹, Kuang Qinrou²

¹ Department of Social and Organisational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

² Department of Social and Organisational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

DISPOSITIONAL MATERIALISM: ESSENCE AND FACTORS OF FORMATION

The analysis of theoretical approaches to the concept of dispositional materialism is presented in the article. Studies aimed at determining the factors of development of dispositional materialism are analyzed and summarized. Key factors include: parenting styles and methods of communicating with children; national economic indicators of the society; tendencies to accept the surrounding cultural values and rules of behavior of society; mass culture and mass media.

Keywords: dispositional materialism; envy; possessiveness; nongenerosity; parenting styles and methods of communication with children; national economic indicators of the society; internalization; Mass culture; mass media.

For citation: Fofanova G. & Kuang Qinrou. Emotional Intelligence in Adult: Review of Research. Sophia. 2023;1;81–87. Russian.

Авторы:

¹ Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0003-4177-8399>
gfofanova@gmail.com

² Куан Циньжоу – магистрант кафедры организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

keita.kqr@gmail.com

Authors:

¹ Galina Fofanova – PhD of Psychology, Docent, Associate Professor at the Department of Social and Organisational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

² Kuang Qinrou – Undergraduate Student at the Department of Organizational Psychology, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

В современной психологии существует ряд концепций, по-разному определяющих психологическую сущность материализма, а также его влияние на поведение человека. Их ключевые теоретические различия обусловлены выбором «единиц» психологического анализа материализма как личностного проявления [1, с. 105]. В качестве психологического «субстрата» материализма чаще всего фигурируют потребности, ценности, цели и диспозиции, в соответствии с чем среди многообразия теоретических подходов можно выделить потребностные, ценностные, целевые и диспозиционные концепции.

Наиболее известная потребностная концепция материализма сформулирована американским социологом и политологом Р. Инглхартом [5]. Прежде чем описывать теорию материалистической социализации Р. Инглхарта, необходимо уточнить, чем его определение материализма отличается от представленного в работе, проделанной Р. Белком в области потребительской психологии. В диспозиционной концепции материализма Р. Белк под данным свойством понимает устойчивую предрасположенность личности наделять высшей значимостью материальную сторону своей жизни (имущество, деньги и т. д.) и действовать соответствующим образом в различных обстоятельствах. Материализм рассматривается как общая черта (центральная, или суперординантная диспозиция) личности, которая проявляется в широком круге социальных ситуаций и, в свою очередь, конкретизируется в частных чертах (вторичных, или субординантных диспозициях) – зависти, скупости (жадности) и собственничестве [2, с. 269].

В понятии материалистичности Р. Белк выделяет три личностные черты, являющиеся ее основными составляющими: 1) зависть (определяется как состояние не-

удовлетворенности в случае наличия у другого превосходства в счастье, успехе, репутации или владении чем-либо желаемым); 2) собственничество предполагает желание большего монопольного контроля над собственностью (в противовес меньшему контролю арендатора или заимствующего), а также склонность накапливать и сохранять имущество (причем не только вещи, но и материализованные впечатления или людей); 3) скупость (определяется как «нежелание отдавать собственность или делиться ею с другими»). Позже добавлена еще одна черта – накопительство, выражающая поведенческую тенденцию к сохранению и накоплению материальных благ, а также материализации (овеществлению) приобретенного опыта (впечатлений, воспоминаний и т. п.). В качестве психодиагностического приложения к собственной концепции Р. Белком сконструирована одноименная шкала (Belk's Materialism Scale), которая существует в трехфакторном и четырехфакторном формате [3, с. 295–297].

В работе М. Ричинса и С. Доусона «Материалистичность как набор ценностей» материалистичность рассматривается как ценность, которая управляет жизненными выборами и поведением человека в различных ситуациях, включая потребительскую сферу, но не ограничиваясь ею. Инструмент измерения материалистичности как набора ценностей также состоит из трех компонентов: центральность приобретения, поиск счастья через приобретения и определение успеха через собственность [10, с. 219]. Согласно данному подходу, материалисты делают собственность и ее приобретение центром своей жизни. Материалистичность, соответственно, придает жизни смысл и определяет повседневные стремления. Материалисты боготворят вещи, и стремление приобретать становится особой религией, структурируя жизнь и ориентируя поведение; а потребление ради потребления становится лихорадкой, которая отнимает всю имеющуюся энергию и ресурсы. Также характерным является поиск счастья через приобретения. Собственность занимает центральное место в жизни материалистичных потребителей, поскольку представляется для них неотъемлемой частью полноценной, успешной жизни. Многие люди стремятся к счастью через приобретения, а не через другие способы (например, профессиональную самореализацию, личные отношения, личностный рост и т. д.). Материалисты также склонны судить о своем успехе и успехе других людей по набору и качеству аккумулированных предметов собственности. Ценность обеспеченности собственностью не только в ее способности присваивать определенный статус, но и в возможности через нее проектировать желаемые имидж и уровень жизни. Материалисты рассматривают себя как успешных в той степени, в которой они могут приобретать продукты, способствующие созданию желаемого имиджа [10].

Ключевым аспектом материалистичности, соответственно, является использование собственности и потребительских благ для передачи индивидуальной или социальной идентичности. Поскольку «абстрактная» идентификация индивида не заметна при отсутствии конкретных подтверждений, а в межличностных взаимодействиях люди зачастую ориентируются и на внешние проявления, важнейшими свидетельствами того, кто мы есть, являются дела, которые мы делаем, и вещи, которые мы имеем. В этой связи в исследованиях рассматриваются две связанные темы: материалистическая идентичность и использование вещей в целях социальной коммуникации [10].

Р. Инглхарт – политический социолог, и поэтому он определяет материализм шире, чем это принято в потребительской психологии. Р. Инглхарт рассматривает материализм как хроническую сосредоточенность на низших потребностях в материальном

комфорте, физическую безопасность – выше потребностей более высокого порядка, таких как самовыражение, принадлежность, эстетическое удовлетворение и качество жизни. Это определение согласуется с традиционным представлением о том, что материалисты ставят мирские амбиции выше духовных, но секуляризует это определение, заменяя духовность самоактуализацией. В терминологии Р. Инглхарта противоположностью материалисту является постматериалист – тот, кто придает большее значение удовлетворению потребностей более высокого порядка, даже за счет отказа от финансового вознаграждения. Прототипом постматериалиста был бы художник, который отказывается от финансового вознаграждения, стремясь к удовлетворению своих высших потребностей в личной свободе, эстетическом самовыражении и самореализации. Постматериализм – это не аскетизм: постматериалисты не отвергают богатство, но принижают его, им важнее нематериальные удовольствия. Развивая свое понимание материализма и постматериализма, Р. Инглхарт начал с иерархии А. Маслоу, а затем разработал элементы для измерения социальных ценностей, отражающихся в концепции потребностей А. Маслоу [5].

В основе теории Р. Инглхарта классификация пирамидальных потребностей человека и их постулирование, включающее законы их структурно-функциональной иерархии. Р. Инглхарт утверждает, что материалист характеризуется доминированием низших потребностей (физиологических и безопасности), тогда как постматериалист – преобладанием потребностей принадлежности, признания, самоуважения и самоактуализации. Основным способом диагностики материализма в рамках обсуждаемой концепции служит «Шкала постматериализма», при этом респондент должен проранжировать по важности четыре общественно-политические цели: «поддержание общественного порядка», «борьба с ростом цен», «обеспечение участия людей в принятии государственных решений», «защита свободы слова» [5].

Т. Кассер описал «ядро материалистичности» как состоящее из трех убеждений: счастье можно купить; работать, чтобы потреблять – это очень важно; жизнь осмысленна, а люди успешны в той мере, в какой они обеспечены деньгами, вещами и имеют «правильный внешний образ» [8, с. 26]. В целевой концепции материализма Т. Кассера и Р. Райана психологическая сущность материализма увязывается с содержанием устойчивых стремлений и долгосрочных целей личности. Материалиста отличает озабоченность накоплением богатства, завоеванием славы и социального признания, созданием привлекательного имиджа. Все эти цели являются экстринсивными, поскольку их достижение не обеспечивает подлинного удовлетворения базовых человеческих потребностей. Противоположностью материализма является направленность личности на интринсивные цели, преследование которых самым непосредственным образом ведет к удовлетворению базовых потребностей. Это цели, выражающие стремление к личностному росту, близким взаимоотношениям, сопричастности к проблемам и интересам социальной общности [8, с. 28].

Таким образом, под *диспозиционным материализмом* понимается индивидуально-психологическое свойство личности, проявляющееся в устойчивой предрасположенности личности наделять высшей значимостью материальную сторону своей жизни и действовать соответствующим образом в различных обстоятельствах.

Исследования предлагают два основных пути развития диспозиционного материализма: во-первых, переживания, которые подрывают удовлетворение психологических потребностей, могут заставить людей ориентироваться на материализм как на один

из видов компенсаторной стратегии, предназначенной для противодействия неприятным последствиям чувств и неуверенности; во-вторых, материалистические модели и ценности оказывают непосредственное влияние на развитие диспозиционного материализма через процессы социализации, интернализации и моделирования. Далее рассмотрим оба варианта подробнее.

Диспозиционный материализм является одним из способов компенсации психологического благополучия личности. Например, высокий материальный доход и владение материальными благами представляют собой попытку получить выгоду, одобрение и принятие от окружающих. Диспозиционный материализм может также развиваться в ситуациях, когда люди чувствуют, что богатство, имущество, имидж и статус повышают их вероятность удовлетворения основных потребностей в безопасности и средствах к существованию (т. е. когда они рассматриваются как необходимые для дальнейшего выживания). Анализ соответствующей литературы показывает, что одним из основных источников неуверенности является подверженность влиянию окружения и переживаниям, которые расстраивают или блокируют реализацию человеческих желаний, базовые психологические потребности, такие как потребность в автономии, компетентности, а также безопасности.

В нескольких исследованиях изучалось влияние семейного окружения, показавшее, что родительские стили и методы, которые плохо удовлетворяют потребности детей, неэффективны, и это связано с повышенным диспозиционным материализмом у детей. Например, Т. Кассер и Р. Райан, выявили, что подростки, сосредоточенные на стремлении к финансовому успеху (по сравнению с самопринятием, принадлежностью или стремлением к определенному сообществу), с большей вероятностью имели матерей, которые проявляли по отношению к ним больше негативных и меньше позитивных эмоциональных выражений и которые описывали свои собственные стили воспитания как менее теплые и демократичные, наряду с усилением контроля над детьми [6, с. 285].

Другие исследования показали, что дети склонны быть более материалистичными, когда они реже общаются со своими родителями [9, с. 48], когда их родители чрезмерно вовлечены в дела детей, склонны к наказанию детей или, напротив, когда родители имеют слабую позицию в семье, которую обеспечивают [4, с. 156], и когда дети считают, что их родители меньше поддерживают их стремление к самостоятельности [13, с. 1758]. Каждая из этих родительских характеристик, вероятно, вызывает чувство неуверенности, которое может быть компенсировано развитием сильного диспозиционного материализма.

Развод – еще один семейный опыт, который может прервать удовлетворение психологических потребностей детей, потому что часто приводит к снижению стабильности, усилению враждебности и беспокойства о том, чтобы быть любимым. Материалистичные молодые люди чаще имеют разведенных родителей [11, с. 320].

Р. Инглхарт сделал вывод из обзора ряда исследований о том, что национальные экономические показатели также могут влиять на материализм. Например, в более бедных странах, как правило, более материалистичные граждане, чем в более богатых. В более богатых странах поколения, выросшие в плохие экономические времена, более материалистичны, чем те, кто вырос в благополучные времена, а спады национальных экономик обычно усиливают материализм людей [5]. Р. Инглхарт предположил, что плохие экономические условия вызывают чувство обездоленности или

незащищенности и что люди могут компенсировать это чувство сосредоточением на материалистических целях. Бедность сама по себе не может привести к установлению материалистических целей, как это видно в случае с религиозными послушниками, которые отказываются от имущества; однако, как описано ниже, бедность может сочетаться с социальным моделированием при создании сильного диспозиционного материализма.

Таким образом, исследования ученых приводят к выводу: когда люди переживают ситуации, которые не способствуют удовлетворению их основных психологических потребностей, возникающее в результате чувство незащищенности может привести к тому, что они примут более материалистический взгляд на жизнь как способ компенсации этих чувств.

Второй путь к развитию материализма подразумевает знакомство с материалистическими моделями и ценностями. С момента рождения люди получают неявные и явные сообщения, поддерживающие представления о важности денег и владения ими. Эти одобрения выражаются через родительские ценности, материалистический образ жизни членов семьи и сверстников, а также материалистические сообщения, часто встречающиеся в популярной культуре, например, в средствах массовой информации. Люди часто принимают такие сообщения, ставят перед собой материалистические цели и стремятся к их достижению.

У людей существует фундаментальная тенденция принимать окружающие культурные и семейные ценности и правила поведения. Этот процесс называется интернализацией [12, с. 756]. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что дети действительно перенимают материалистические ценности тех, кто находится в их социальном окружении. Исследование матерей и их детей-подростков, проведенное Т. Кассер и соавторами показало, что, когда матери думали, что очень важно добиваться финансового успеха, то и их дети, как правило, выражали то же мнение [7, с. 910].

Еще одним чрезвычайно распространенным источником материалистических сообщений является массовая культура и средства массовой информации, воплощение которых можно видеть в коммерческом телевидении. Кроме ситкомов, драм и игровых шоу с подтекстом, явно восхваляющих материализм, рекламодатели имеют в своем распоряжении множество приемов, предназначенных для того, чтобы убедить людей покупать их товары. Например, они показывают продукты, которые используются известными или очень привлекательными (часто и то, и другое) людьми, или же кем-то, кто получает какое-то социальное вознаграждение за использование продукта. Реклама показывает продвигаемые продукты на фоне богатства, недостижимого для среднего потребителя, или же используя идеализированные версии жизни. Такая тактика создает ассоциации между продуктом и желаемыми результатами, а также учит потребительскому поведению посредством моделирования.

Учитывая назначение этих методов и их повсеместное распространение, неудивительно, что исследования постоянно показывают положительную корреляцию между просмотром телепередач и материализмом [14, с. 67]. Хотя вполне вероятно, что просмотр телевизора может увеличить диспозиционный материализм, также возможно, что телевидение может быть более привлекательным для тех, у кого высокий диспозиционный материализм, потому что это может подтвердить их мировоззрение, представить новые способы преследовать материалистические цели и помочь им избавиться от беспокойства, связанного с неуверенностью. Последующие исследования

с проверкой данных идей могут помочь распутать отношения между телевидением и формированием диспозиционного материализма.

Таким образом, к основным факторам формирования диспозиционного материализма относятся: семейное окружение, а именно родительские стили и методы общения с детьми; национально-экономические показатели общества; тенденции принимать окружающие культурные ценности и правила поведения социума; массовая культура и средства массовой информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карпинский, К. В. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка / К. В. Карпинский, Н. В. Кисельникова (Волкова) // Психологический журнал. – 2019. – № 40(1). – С. 104–117.
2. Belk, R. W. Materialism: Trait aspects of living in the material world / R. W. Belk // Journal of Consumer Research. – 1985. – № 12. – P. 265–280.
3. Belk, R. W. Three Scales to Measure Constructs Related to Materialism: Reliability, Validity, and Relationships to Measures of Happiness / R. W. Belk // Advances in Consumer Research. V. 11. Eds. T. C. Kinnear. – Provo. – 1984. – P. 291–297.
4. Cohen, J. Power primer / J. Cohen // Psychological Gazette. – 1992. – № 112(1). – P. 155–159.
5. Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society / R. Inglehart // NJ : Princeton University Press. – 1990. – 484 p.
6. Kasser, T. Further examining the American dream: Differential correlates of intrinsic and extrinsic goals / T. Kasser, R. M. Ryan // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1996. – № 22. – P. 280–287.
7. Kasser, T. The relations of maternal and social environments to late adolescents' materialistic and prosocial values / T. Kasser, R. M. Ryan, M. Zax, A. J. Sameroff // Developmental Psychology. – 1995. – № 1(6). – P. 907–914.
8. Kasser, T. Materialistic values: Their causes and consequences / T. Kasser, R. M. Ryan, C. E. Couchman, K. M. Sheldon // Psychology and Consumer Culture : The struggle for a Good Life in a Materialistic World. – Washington, DC : American Psychological Association, 2004. – P. 11–28.
9. Moore, R. L. The effects of family communication and mass media use on adolescent consumer learning / R. L. Moore, G. R. Moschis // Journal of Communication. – 1981. – № 31. – P. 42–51.
10. Richins, M. L. The Material Values Scale: Measurement Properties and Development of a Short Form / M. L. Richins // Journal of Consumer Research. – 2004. – № 31(1). – P. 209–219.
11. Rindfleisch, A. Family structure, materialism, and compulsive consumption / A. Rindfleisch, J. E. Burroughs, F. Denton // Journal of Consumer Research. – 1997. – № 23. – P. 312–325.
12. Ryan, R. M. Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains / R. M. Ryan, J. P. Connell // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – № 57. – P. 749–761.
13. Williams, G. C. Extrinsic life goals and health risk behaviors in adolescents / G. C. Williams, E. M. Cox, V. A. Hedberg, E. L. Deci // Journal of Applied Social Psychology. – 2000. – № 30. – P. 1756–1771.
14. Zeng, Xinhong. Research and study of compulsive online shopping among college students / Zeng Xinhong, Chen Fei // Journal of Fujian Normal University. Fuqing Branch [J]. – 2015. – № 01. – P. 66–73.

Э. Р. Маллеева¹, О. В. Лагодич²

УДК 632.938; 581.2

¹ Кафедра генетики, биологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

² Кафедра генетики, биологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ОЦЕНКА БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ *CUCUMIS SATIVUS L.* ПРИ ОБРАБОТКЕ СЕМЯН БИОЭЛИСИТОРАМИ

В статье представлено исследование, в результате которого установлено, что обработка семян *Cucumis sativus L.* биоэлизиторами ризосферных бактерий *P. putida* КМБУ 4308 и *P. chlororaphis subsp. aurantiaca B-162* улучшает всхожесть семян, а также оказывает ростостимулирующий эффект и защищает растения от грибного фитопатогена лучше, чем регуляторы роста на основе янтарной кислоты (препарат «Янтарин») и эпинболида (препарат «Эпин»). Показано, что у растений, обработанных культуральной жидкостью ризобактерий, показатели прибавки длины стебля, корня и веса были больше, чем у растений, обработанных препаратами «Янтарин» и «Эпин», а также у растений контрольной группы.

Ключевые слова: ризосферные бактерии; PGPR; *Pseudomonas*; биоэлизиторы; индуцированная системная устойчивость; огурец.

Образец цитирования: Маллеева Э. Р. Оценка биометрических показателей *Cucumis sativus L.* при обработке семян биоэлизиторами / Э. Р. Маллеева, О. В. Лагодич // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1 – С. 88–93.

E. Malleyeva¹, A. Lahodzich²

¹ Department of Genetics, Faculty of Biology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

² Department of Genetics, Faculty of Biology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

EVALUATION OF BIOMETRIC INDICATORS OF *CUCUMIS SATIVUS L.* WHEN PROCESSING SEEDS WITH BIOELICITERS

The article presents a study, as a result of which it was established that the processing of seeds of *Cucumis sativus L.* with bioelicitors of the rhizospheric bacteria *P. putida* KMBU 4308 and *P. chlororaphis subsp. aurantiaca B-162* improves seed germination, and also has a growth-stimulating effect and protects plants from a fungal phytopathogen better than growth regulators based on succinic acid (“Yantarin”) and epibrassinolide (“Epin”). It was shown that in plants treated with rhizobacteria culture fluid, the indicators of the increase in stem length, root and weight were greater than in plants treated with “Yantarin” and “Epin”, as well as in plants of the control group.

Keywords: rhizospheric bacteria; PGPR; *Pseudomonas*; bioelicitors; induced systemic resistance; cucumber.

For citation: Malleyeva E. & Lahodzich A. Evaluation of Biometric Indicators of *Cucumis sativus L.* when Processing Seeds with Bioelicitors. Sophia. 2023;1;88–93. Russian.

Авторы:

¹ Элеонора Руслановна Маллеева – студентка 4 курса кафедры генетики биологического факультета Белорусского государственного университета.
bio.malleeva@bsu.by

Authors:

¹ Eleanora Malleyeva – 4th year Student of the Department of Genetics, Faculty of Biology, Belarusian State University.

² Оксана Владимировна Лагодич – старший преподаватель кафедры генетики биологического факультета Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0009-0006-7147-0765>
lagodichov@bsu.by

² Aksana Lahodzich – Senior Lecturer, Department of Genetics, Faculty of Biology, Belarusian State University.

Огурец (*Cucumis sativus* L.) – одна из наиболее распространённых овощных культур, которая возделывается во многих странах мира. По отведенным под его выращивание площадям огурец является безусловным лидером: на его долю приходится около 70 % площадей при выращивании в защищенном грунте, а при выращивании в открытом грунте он занимает третье место после капусты и томата. В Беларуси ежегодно в открытом и защищенном грунте производится около 250 тыс. тонн огурцов, посадочная площадь при этом занимает 6 тыс. га. Однако около 20–25 % потенциального урожая теряется из-за подверженности огурцов как бактериальным, так и вирусным заболеваниям.

Снижение урожайности из-за восприимчивости растений к патогенам – была и остается одной из основных проблем сельского хозяйства [3; 5]. В настоящее время борьба с вредителями состоит в основном из агротехнических, химических и биологических приемов. Одними только агротехническими приемами часто не удастся подавить массовое размножение вредителей или вспышки болезней. Использование химических средств защиты (пестициды, фунгициды, инсектициды) может отрицательно сказываться как на самих растениях, так и на здоровье человека. Пестициды могут накапливаться в обрабатываемых растениях и почве, а также оказывать губительное влияние на птиц, насекомых-опылителей и человека. Экологически безопасным методом защиты растений является создание болезнестойчивых сортов, однако невозможно создать сорт, устойчивый по отношению ко всем фитопатогенам.

В сложившейся ситуации может помочь использование биологических средств защиты, которые повышают устойчивость растений к негативным факторам биотической и абиотической природы путем активации естественных защитных механизмов. Для активации системной устойчивости растения обрабатывают индуцирующими агентами – элиситорами, которые вызывают образование физических и химических барьеров на пути проникновения и развития патогена. В качестве элиситоров могут выступать метаболиты ризосферных бактерий (феназиновые антибиотики, гибберелины, полисахариды, сидерофоры и др.), относящихся к группе PGPR-бактерий, а также органические соединения различного происхождения (янтарная кислота, этилен, АБК, жасмоновая и салициловая кислоты и др.) [2; 7; 10; 11].

Применение элиситоров для защиты растений может стать одной из эффективных наукоемких технологий растениеводства, так как элиситоры отличаются низкой токсичностью и являются безопасными для человека [9].

В связи с этим является актуальным изучение влияния биоэлиситоров различного происхождения на растения *Cucumis sativus* L.

Для проведения экспериментов были использованы штаммы PGPR-бактерий: *Pseudomonas chlororaphis* subsp. *aurantiaca* B-162, синтезирующий феназиновые антибиотики [8] и *Pseudomonas putida* КМБУ 4308, синтезирующий сидерофоры [1].

Объектом исследования послужили огурцы сорта «Верасень» белорусской селекции. Данный сорт чувствителен к таким заболеваниям, как фитофтороз, серая гниль, вершинная гниль и др., что дает возможность использовать его в качестве модельного объекта для изучения роли биоэлиситоров в развитии защитных свойств растений.

Культивирование ризобактерий *P. chlororaphis* subsp. *aurantiaca* и *P. putida* осуществляли в жидкой питательной среде King B при температуре 28°C в течение 48 часов. Затем получали комплекс внеклеточных метаболитов путем освобождения культуральной жидкости от клеток бактерий, для чего 48-часовую культуру центрифугировали при 10 тыс. об/мин в течение 30 мин трижды. Осадок удаляли, а культуральную жидкость использовали для дальнейшей работы.

Семена проращивали в культуре *in vitro* на агаризованной безгормональной среде Мурасиге-Скуга (МС), содержащей стандартный набор солей [4]. Растения культивировали в климатической камере при 16-часовом освещении и температуре 18°C (ночь) – 24°C (день). Спустя 5 недель для моделирования системы заражения на листья наносили суспензию спор *Botrytis cinerea* в концентрации 10⁵ спор/мл, полученных путем смыва с чашки со спороносящим мицелием [6].

На первом этапе работы оценивалась всхожесть семян огурца, обработанных различными элиситорами. Для этого простерилизованные семена огурца помещались в эппендорфы с культуральной жидкостью ризосферных бактерий и регуляторов роста на 30 мин, после чего их переносили на чашки Петри с питательной средой МС.

Эксперименты проводили в трех повторностях. В каждом эксперименте использовалось по 20 семян на каждую экспериментальную группу (обработанных *P. chlororaphis* subsp. *aurantiaca*, *P. putida*, препаратами «Янтарин», «Эпин» 1X, «Эпин» 0,5X (разведенный с водой 1:1) и контроль, обработанный водой). На 3-и, 5-е и 10-е сутки проводили подсчет проросших семян огурца (табл. 1).

Таблица 1

Оценка всхожести семян огурца, обработанных различными элиситорами

Элиситор	Процентный показатель (%) на		
	3-й день	5-й день	10-й день
Контроль	30	57	74
«Эпин»	23	30	79
«Янтарин»	13	33	84
«Эпин» 0,5X	27	30	85
<i>P. putida</i>	37	50	94
<i>P. chlororaphis subsp. aurantiaca</i>	30	43	92

Как видно из полученных данных, представленных в Табл. 1, наилучшая всхожесть семян огурца наблюдалась после обработки культуральными жидкостями бактерий рода *Pseudomonas* и составила 93 % и 90 % на 10-е сутки, у семян, обработанных «Эпином» и «Янтарин», показатели были несколько хуже. Наименьший процент всхожести наблюдался у семян из контрольной группы (обработанных водой) и составил 74 % спустя 10 суток после начала эксперимента.

Следующий этап работы – анализ морфометрических показателей ростков огурца: длины стебля, длины корня и массы – был проведен на 10-е сутки после прорастания (табл. 2).

Таблица 2

Оценка биометрических показателей растений огурца, обработанных различными элиситорами

Вариант обработки	Показатель		
	Длина стебля, см	Длина корня, см	Масса растений, г
Контроль	2,96 ± 0,18	2,34 ± 0,25	0,12 ± 0,010
«Эпин»	3,37 ± 0,17	2,88 ± 0,26	0,15 ± 0,011
«Янтарин»	3,28 ± 0,16	3,69 ± 0,22	0,16 ± 0,012
«Эпин» 0,5X	3,56 ± 0,15	4,32 ± 0,29	0,17 ± 0,013
<i>P. putida</i>	4,23 ± 0,20	5,75 ± 0,33	0,27 ± 0,019
<i>P. chlororaphis subsp. aurantiaca</i>	4,35 ± 0,21	5,54 ± 0,32	0,28 ± 0,023

Как видно из данных, представленных в табл. 2, показатели длины стебля и корня были лучше у растений, обработанных культуральной жидкостью ризобактерий, немного хуже – у растений, обработанных регуляторами роста, контроль показал минимальный эффект.

Анализ данных по массе проростков показал, что наибольшая прибавка была у растений, обработанных культуральной жидкостью *P. putida* и *P. chlororaphis subsp. aurantiaca* и составила 0,27 г и 0,28 г соответственно, в то время как у растений, обработанных регуляторами роста, и контрольной группы масса составила от 0,12 до 0,17 г.

Рис. Растения огурца на 10-й день после заражения *B. cinerea*

Вариант обработки семян *Cucumis sativus* L.: 1 – Контроль (без обработки); 2 – «Янтарин»; 3 – «Эпин» 0,5X; 4 – «Эпин»; 5 – *P. chlororaphis* subsp. *aurantiaca* B 162; 6 – *P. putida* КМБУ 4308.

Для изучения защитного эффекта различных биоэлизиторов растения огурца заражали спорами фитопатогенного гриба рода *B. cinerea* Pers (см. рис.).

Спустя 10 дней после заражения на растениях, обработанных внеклеточными метаболитами ризобактерий *P. putida* и *P. chlororaphis* subsp. *aurantiaca*, отмечались незначительные участки поражения *B. cinerea* или таковые отсутствовали вовсе. В то же время на контрольных растениях и растениях, обработанных «Янтарин» и «Эпином», поражения серой гнилью охватывали значительные участки.

В результате исследований было установлено, что обработка семян биоэлизиторами бактерий рода *Pseudomonas* оказывает положительное влияние на всхожесть и рост растений огурца сорта «Верасень». Всхожесть семян огурца была в 1,2–1,3 раза выше по сравнению с контрольными не обработанными образцами, применение «Янтарина» и «Эпина» улучшало всхожесть в 1,06–1,14 раза. Морфометрические показатели увеличились в среднем в 1,4–2,3 раза при использовании культуральной жидкости PGPR и в 1,2–1,5 раза при обработке регуляторами роста.

Проведенное исследование подтвердило наличие защитного эффекта при обработке семян огурца внеклеточными метаболитами PGPR рода *Pseudomonas* при последующем заражении *B. cinerea*.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что биоэлизиторы на основе ризобактерий благоприятно влияют на прорастание, рост и фитоиммунитет растений *Cucumis sativus* L.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Биологическая активность сидерофора пиовердина, синтезируемого непатогенными ризосферными бактериями *Pseudomonas putida* КМБУ 4308 / Ю. М. Кулешова [и др.] // Труды БГУ. – 2011. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 224–230.
2. Боронин, А. М. Ризосферные бактерии рода *Pseudomonas* / А. М. Боронин // Соросовский образовательный журнал. – 1998. – № 10. – С. 25–31.
3. Кныш, В. Кобринский корнишон: технологии от «А» до «Я» [Электронный ресурс] / В. Кныш, Н. Сидюк // Кобринскі веснік. Районная газета. – Режим доступа : <http://www.vkobrine.by/?p=5355>. – Дата доступа : 20.02.2023.
4. Малый практикум по физиологии растений / Под ред. А. Т. Мокроносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 183 с.
5. Поликсенова, В. Д. Индуцированная устойчивость растений к патогенам и абиотическим стрессовым факторам (на примере томата) / В. Д. Поликсенова // Вестник БГУ. Серия 2. – 2009. – № 1. – С. 48–60.
6. Среды для выращивания грибов // Методы фитопатологии / З. Кирай [и др.] ; под ред. М. В. Горленко ; пер. с англ.: С. В. Васильева [и др.]. – М. : Колос. – 1974. – Гл. 25. – С. 186–191.
7. Тютюрев, С. Л. Экологически безопасные индукторы устойчивости растений к болезням и физиологическим стрессам / С. Л. Тютюрев // Вестник защиты растений. – 2015. – № 1(83). – С. 3–13.
8. Феклистова, И. Н. Синтез феназиновых соединений бактериями *Pseudomonas aurantiaca* B-162 / И. Н. Феклистова, Н. П. Максимова // Вестник БГУ. Серия 2. – 2005. – № 2. – С. 66–69.
9. Joseph, K. Concepts and direction of induced systemic resistance in plants and its application / K. Joseph // European Journal of Plant Pathology. – 2001. – № 107. – P. 7–12.
10. Significance of leaf infection by *Botrytis cinerea* in stem rotting of tomatoes grown in non-heated greenhouses / D. Shtienberg [et al.] // Europ. J. of Plant Pathology. – 1998. – Vol. 104. – № 8. – P. 753–763.
11. Thakur, M. Role of Elicitors in Inducing Resistance in Plants against Pathogen Infection: A Review / M. Thakur, B. S. Sohal // ISRN Biochemistry. – 2013. – Vol. 2013. – P. 1–10.

А. В. Шевель

УДК 338.48-52

Кафедра физического воспитания и спорта, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВИЛ СОРЕВНОВАНИЙ ПО СПОРТИВНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ «ТУРИСТСКО-ПРИКЛАДНОЕ МНОГОБОРЬЕ. ТЕХНИКА ПЕШЕХОДНОГО ТУРИЗМА. ТЕХНИКА ГОРНОГО ТУРИЗМА»

За последнее десятилетие правила проведения соревнований по туристско-прикладному многоборью менялись несколько раз (в 2014, 2016 и 2021 гг.), что требовало от тренеров и участников соревнований перехода от привычных им способов работы к новым. В данной статье рассмотрены основные изменения в правилах, возможные причины этих изменений, а также их положительные и негативные последствия.

Ключевые слова: туристско-прикладное многоборье; техника пешеходного туризма; техника горного туризма; соревнования.

Образец цитирования: Шевель А. В. Сравнительный анализ правил соревнований по спортивной дисциплине «Туристско-прикладное многоборье. Техника пешеходного туризма. Техника горного туризма» / А. В. Шевель // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 94–98.

A. Shevel

Department of Physical Education and Sports, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

COMPARATIVE ANALYSIS OF COMPETITION RULES IN THE SPORTS DISCIPLINE “TOURIST-APPLIED ALL-AROUND. TECHNIQUE OF PEDESTRIAN TOURISM. TECHNIQUE OF MOUNTAIN TOURISM”

Over the past decade the rules for holding competitions in tourist-applied all-around events have changed several times (2014, 2016 and 2021), which required coaches and participants to switch from their usual methods of working with a rope to new ones. This article discusses the main changes in the rules, the possible reasons for these changes and their positive and negative consequences.

Keywords: tourist-applied all-around; hiking technique; mountain tourism technique; competitions.

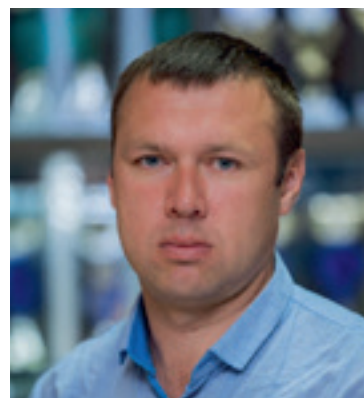
For citation: Shevel A. Comparative Analysis of Competition Rules in the Sports Discipline “Tourist-Applied All-around. Technique of Pedestrian Tourism. Technique of Mountain Tourism”. Sophia. 2023;1: 94–98. Russian.

Автор:

Алексей Владимирович Шевель – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Белорусского государственного университета.
shevel668@gmail.com

Author:

Aleksei Shevel – Senior Lecturer of the Department of Physical Education and Sports, Belarusian State University.

«Туристско-прикладное многоборье» и «Спортивные туристские походы» – две спортивные дисциплины, соревнования по которым составляют основу такого вида спорта, как спортивный туризм.

Туристско-прикладное многоборье представляет собой соревнования, заключающиеся в преодолении дистанций, проложенных в природной среде и/или на искусственном рельефе, в определенных видах туризма – техниках вида туризма. К таким техникам относятся: техника автомобильного, мотоциклетного, велосипедного, водного, горного, комбинированного, конного, лыжного, парусного, пешеходного туризма, спелеотуризма, а также поисково-спасательных работ.

Соревнования по каждой из перечисленных техник имеют свои особенности. Так, соревнования по технике пешеходного и горного туризма могут проходить как в специально оборудованных залах, так и на улице, в т. ч. в лесу. Каждое соревнование имеет свой предстартовый протокол, в котором расписывается дистанция и основные правила данных соревнований. Однако существуют и общие правила, которые утверждаются общественным объединением «Республиканский туристско-спортивный союз».

За последние десять лет данное объединение поменяло правила проведения соревнований трижды: в 2014, 2016 и 2021 гг. Это могло быть вызвано как стремлением уменьшить время прохождения дистанций участниками соревнований, так и стремлением снизить вероятность «обхода» участниками правил проведения соревнований.

Первое заметное изменение – это изменение состава дисциплин соревнований. С 2014 г. дисциплиной соревнований является «Туристско-прикладное многоборье. Техника горно-пешеходного туризма». Однако уже с 2016 г. техника пешеходного туризма объединяется с техникой лыжного туризма, а техника горного туризма обособляется. Данное разделение наблюдается и в правилах проведения соревнований, принятых в 2021 г. [1–5].

В 2016 г. в правилах проведения соревнований по технике горного туризма появляется раздел «Требования к участникам соревнований», который с 2021 г. присутствует и дополняется также и в правилах проведения соревнований по технике пешеходного туризма и технике лыжного туризма. В данном разделе описывается возраст и разряд участников соревнований, необходимые для прохождения той или иной дистанции.

Основные, внесенные в правила проведения соревнований, изменения касаются разделов «Требования к снаряжению», «Этапы и технические приемы». Далее рассмотрим их подробнее.

ИЗМЕНЕНИЯ РАЗДЕЛА «ТРЕБОВАНИЯ К СНАРЯЖЕНИЮ»

С 2021 г. в технике пешеходного туризма приняты следующие требования: «3.2.1. Для изготовления полиспаста, опорных петель, для организации страховки, перил и сопровождения, а также для снятия перил применяются только основные веревки диаметром не менее 10 мм с гарантийной выдерживаемой нагрузкой не менее 18 кН» [5, с. 23–24]. А также: «3.2.6. На веревках, предъявленных на предстартовой проверке (в т. ч. на опорных петлях; на веревке, используемой для блокировки ИСС; на усах самостраховки; <...> и т. д.), не должно быть изоленды, пластыря и любых других посторонних материалов. Разрешаются метки шириной не более 4 см на концах веревок. После прохождения предстартовой проверки на всех веревках, используемых участниками соревнований, разрешается дополнительно наносить метки (в т. ч. при помощи изоленды, пластыря и других материалов, которые не могут нарушить целостность веревки) шириной не более 2 см на каждую веревку (в т. ч. для фиксации устройств на веревках)» [5, с. 24]. Данные метки используются для быстрого нахождения центра веревки, измерения длины веревки (например, метку можно ставить через каждые 5 м).

В 2014 г. использование рукавиц или перчаток на определенных этапах было обязательно [1, с. 42], но начиная с 2016 г. список этапов с обязательным использованием перчаток или рукавиц в технике горного туризма уменьшается [2, с. 12; 3, с. 45]. Вместе с тем с 2021 г. использование перчаток или рукавиц в технике пешеходного туризма становится «обязательным при выполнении технических приемов, если иное не оговаривается в правилах» [5, с. 27].

ИЗМЕНЕНИЯ РАЗДЕЛА «ЭТАПЫ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ»

Прохождение этапа «спуск». Спуск осуществляется с помощью функционально-спускового устройства. С 2014 до 2021 г. в технике как пешеходного, так и горного туризма кроме спускового устройства в качестве дополнительной страховки использовались фиксаторы, зажимы открытого или закрытого типа [1–4]. Однако начиная с 2021 г. в технике пешеходного туризма использование фиксаторов при спуске стало необязательно [5, с. 138]. В технике горного туризма этот пункт остается без изменения.

Организация переправы по бревну методом «горизонтальный маятник». При организации переправы по бревну методом «горизонтальный маятник» в технике пешеходного и горного туризма с 2014 и до 2021 г. необходимо было использование фиксатора в качестве дополнительной страховки [1–4]. В правилах соревнований по технике горного туризма начиная с 2021 г. раздел «Личная дистанция», в котором было прописано это требование, отсутствует, однако метод «горизонтальный маятник» в командной технике представлен и в соответствии с правилами предусматривает дополнительную командную страховку [5, с. 139]. В правилах проведения соревнований по технике пешеходного туризма 2021 г. про необходимость дополнительной страховки при организации переправы по бревну методом «горизонтальный маятник» ничего не указано.

Следует заметить, что при оценивании прохождения этапов соревнований возможно применение двух систем оценки нарушений: бесштрафовая и штрафная. Штрафная система оценки нарушений подразумевает наложение временного штрафа (штрафных секунд). При бесштрафовой системе в случае нарушения правил участник вынужден заново проходить этап.

В последнее время в соревнованиях по технике пешеходного туризма чаще используется бесштрафовая система оценки, что, с одной стороны, ухудшает результат участников по времени, но, с другой, – создает достаточно эффективную систему отсеивания тех, кто хуже владеет данной техникой. Таким образом, чтобы быстро пройти дистанцию, нужно не только быть физически сильным, но и знать правила техники пешеходного туризма [5, с. 123–124].

Выводы

Рассмотренные выше изменения являются примерами изменений в правилах соревнований по спортивной дисциплине «Туристско-прикладное многоборье. Техника пешеходного туризма». Данные изменения показывают тенденцию к обособлению техники пешеходного туризма от техники горного туризма, а также к улучшению результатов по скорости за счет упрощения страховки участников соревнований.

В 2014 г. были актуальны отдельные правила по виду спорта «Туризм спортивный»: спортивная дисциплина «Туристско-прикладное многоборье. Техника горно-пешеходного туризма». Начиная с 2016 г. отдельно выделены правила соревнований по технике горного туризма, правила соревнований по технике пешеходного туризма объединены с правилами соревнований по технике лыжного туризма. Однако в 2021 г. правила соревнований по технике пешеходного туризма представлены уже совсем отдельно. Одним словом, на данный момент техника пешеходного туризма может рассматриваться как отдельный вид дисциплины «Туристско-прикладное многоборье».

Если говорить непосредственно о правилах техники пешеходного и горного туризма, то последние существенно не изменились, а вот правила техники пешеходного туризма были пересмотрены. Внесенные изменения касаются возможности улучшения результатов по времени за счет неиспользования страховки. Так, применение фиксаторов на таких этапах как «спуск» и «организация переправы по бревну методом “горизонтального маятника”» с 2021 г. не является обязательным, что, конечно же, в целом ускоряет прохождение дистанции: если использовать для фиксации схваточный узел, то на его завязывание нужно потратить 5–10 с, а поскольку в актуальных правилах использование фиксаторов не обязательно, то и время на завязывание схваточного узла можно не тратить.

Иначе говоря, данные изменения способствуют ускорению прохождения отдельных блоков этапов и всей дистанции в целом, но при этом пренебрегают безопасностью участников соревнований. Однако техника пешеходного туризма стала, в сущности, отдельной дисциплиной, имеющей собственные правила, отличные от правил техники горного туризма. Поскольку она заинтересована в достижении именно соревновательных целей, то обосновано и ее стремление улучшить результат участников соревнования по времени. Стоит отметить, что об этом же свидетельствует и частое использование бесштрафовой системы оценки, являющейся эффективным способом отсеивания тех, кто хуже знаком с правилами техники пешеходного туризма.

В случае же техники горного туризма данные изменения не целесообразны, т. к. техника горного туризма подразумевает подготовку к походам в соответствующей местности, где дополнительная страховка не будет лишней. Поэтому в технике горного туризма затраты времени на организацию дополнительной страховки ради собственной безопасности совершенно обоснованы.

Таким образом, осуществленные на протяжении последних десяти лет изменения в правилах соревнований по спортивной дисциплине «Туристско-прикладное

многоборье» зафиксировали разделение техники горно-пешеходного туризма на технику горного туризма и технику пешеходного туризма. В правилах соревнований по технике горного туризма существенных изменений не произошло, т. к. соревнования по технике горного туризма сосредоточены больше на безопасности участников, чем на собственно соревновательном моменте. Являясь отдельным видом туристско-прикладного многоборья, техника пешеходного туризма претерпевает дальнейшие изменения, направленные на улучшение результативности по времени и отсеивание менее подготовленных участников соревнований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Правила соревнований по виду спорта «Туризм спортивный» спортивная дисциплина «Туристско-прикладное многоборье», техника горно-пешеходного туризма. Принято на заседании Исполкома ОО «РТСС». Утверждено Председателем ОО «РТСС» Н. Н. Дубовиком. Протокол № 1 от 17.03.2014 г.
2. Правила соревнований. Вид спорта «Туризм спортивный», спортивная дисциплина «Туристско-прикладное многоборье. Техника горного туризма». Принято на заседании Исполкома ОО «РТСС». Утверждено Председателем ОО «РТСС» Н. Н. Дубовиком. Протокол № 10 от 14.11.2016 г.
3. Правила соревнований. Вид спорта «Туризм спортивный», спортивная дисциплина «Туристско-прикладное многоборье», техника пешеходного туризма, техника лыжного туризма. Принято на заседании Исполкома ОО «РТСС». Утверждено Председателем ОО «РТСС» Н. Н. Дубовиком. Протокол № 10 от 14.11.2016 г.
4. Правила соревнований «Туристско-прикладное многоборье. Техника горного туризма». Утверждено решением Исполкома ОО «РТСС». Протокол № 11 от 19.01.2021 г.
5. Правила соревнований. Вид спорта «Туризм спортивный», спортивная дисциплина «Туристско-прикладное многоборье. Техника пешеходного туризма». Утверждено решением Исполкома ОО «РТСС». Протокол № 13 от 06.05.2021 г.

Сунь Ин

УДК 746.3(=581)

Харбинский Кембриджский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китайская Народная Республика

ТРАДИЦИОННОЕ РЕМЕСЛО МАНЬЧЖУРСКОЙ ВЫШИВКИ НИНГУТА В КОНТЕКСТЕ «НОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ»

В данной статье описывается традиционное ремесло маньчжурской вышивки Нингута, раскрывается происхождение и специфика данного вида народного искусства. С позиции «нового национального течения» исследуется преемственность, новаторство, развитие и иные вопросы, касающиеся традиционного искусства маньчжурской вышивки Нингута. Наряду с преемственностью традиционного искусства вышивки изучаются креативные подходы к ее дизайну в условиях современной рыночной обстановки, ярко выделяющие традиционную культуру на пути к новой эпохе, новому состоянию.

Ключевые слова: маньчжурская вышивка Нингута; традиционное ремесло; креативный дизайн; «новое национальное течение».

Образец цитирования: Сунь Ин. Традиционное ремесло маньчжурской вышивки Нингута в контексте «нового национального течения» / Сунь Ин // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 99–106.

Sun Ying

Harbin University of Cambridge, Harbin, People's Republic of China

TRADITIONAL MANCHURAN EMBROIDERY CRAFTS NINGUTA IN THE CONTEXT OF THE “NEW NATIONAL TREND”

The traditional craft of Manchu embroidery Ninguta is described in this article; the origin and specificity of this kind of folk art is revealed. Continuity, innovation, development and other issues related to the traditional art of Manchu embroidery Ninguta is studied from the perspective of the “new national trend”. Creative approaches to its design in the conditions of the modern market environment, clearly highlighting the traditional culture on the way to a new era, a new state, are studied along with the continuity of the traditional art of embroidery.

Keywords: Manchu embroidery Ninguta; traditional craft; creative design; “new national trend”.

For citation: Sun Ying. Traditional Manchuran Embroidery Crafts Ninguta in the Context of the “New National Trend”. Sophia. 2023;1:99–106. Russian.

Автор:

Сунь Ин – магистр искусствоведческих наук, профессор искусствоведческих наук, профессор Харбинского Кембриджского университета.

11634503@gg.com

Author:

Sun Ying – Master of Arts, Professor of Arts, Professor of Harbin University of Cambridge.

1. «НОВОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ» В ДИЗАЙНЕ: ИНТЕГРАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Векания «нового национального течения» (*kit.* 新国潮) несут с собой переосмысленную концепцию культуры, философию и идеологию, эстетические ценности китайской нации, обновленное национальное содержание, а также стремление к интеграции и слиянию культур разных этнических групп Китая. «Новое национальное течение» демонстрирует осведомленность молодого поколения в китайской культуре, пробуждает признание традиционных ценностей и возвращение к духовности, вызывает эмоциональный резонанс. Под «течением» следует понимать тенденции развития общества, соответствующие актуальным направлениям и современным рыночным условиям. Определение «новое» означает трансграничное новаторство и следование в ногу со временем, «национальное» – выражение и распространение китайской культуры в условиях глобализации. «Новое национальное течение» представляет собой стремление к обновлению и переосмыслению основных элементов китайской традиционной культуры в современном обществе, культурному расцвету Китая на основе укрепления духовности и просвещения молодежи в новую эпоху через удовлетворение ее потребностей в культурной самобытности и идентичности. «Новое национальное течение» использует богатые национальные традиции, вызывает широкий культурный и глубокий эмоциональный резонанс, и вместе с тем оно способствует развитию и укреплению местного производства.

Для «нового национального течения» характерно сочетание традиционной китайской символики с духом времени, восточной эстетики с интернациональным стилем. Это является внешним проявлением и эволюцией китайского менталитета, который воплощается в разных областях дизайна, стимулируя таким образом распространение и воспроизводство китайской культуры. Соответствие визуальных образов «нового национального течения» и современных духовных потребностей может быть представлено следующими аспектами:

Во-первых, материальное культурное наследие: элементы китайской культуры извлекаются из достопримечательностей, традиционных построек, произведений литературы, каллиграфии, живописи и гравировки и наполняются современной эстетической спецификой, создавая новый образ в духе «нового национального течения».

Во-вторых, нематериальное культурное наследие: традиционные философия, праздники, традиции и обычаи, фольклор, легенды и предания, драматическая литература являются источниками вдохновения и точками соприкосновения народного искусства и современности.

В-третьих, проверенные временем китайские бренды: например, «Лаодинфэн» (*kit.* 老鼎丰牌) – производитель популярной кондитерской продукции, которая характеризуется большим объемом продаж. Дизайн упаковки продуктов бренда за последние несколько лет инновационно изменился – он приобрел богатое смысловое содержание, в то же время визуальные образы сохраняют графику проверенной и знакомой марки, все это очень приветствуется потребителями.

В-четвертых, специфическая фирменная символика известных брендов: например, «Чай Хуо Даюань» (*kit.* 柴火大院) – марка северо-восточного риса, в оформлении которой соединяются местный имидж бренда и классическая северо-восточная эстетика, что позволяет китайской символике войти в повседневную жизнь.

«Новое национальное течение» использует местные культурные традиции и посредством стилизации символики соединяет их с современными направлениями развития общества. При использовании традиционных образов в оформлении продуктов широкого потребления столкновение старины и модных тенденций порождает оригинальные новшества, создавая тем самым синергию стиля «нового национального течения» и в целом улучшая качество и культурное содержание продуктов [2].

2. Истоки и специфика маньчжурской вышивки Нингута

Маньчжурская вышивка Нингута (*кит.* 宁古塔满绣) возникла на родине маньчжурского этноса в городе Нинъань, который сегодня находится в бассейне реки Муданьцзян. В древности город назывался Нингута, «Нингу» означает ‘шесть’, а «та» – ‘человек’. Согласно легенде, ранее здесь жили шестеро сыновей Фу Маня, прадеда Нурхацы – основателя и первого императора династии Цзинь. Полное древнее название города – Нингута Бэйлэ – означает ‘шестеро князей’, в упрощенном варианте – Нингута. Эта земля, глубоко напитанная историей и культурой, обладает богатыми местными особенностями и ценным культурным наследием.

Маньчжурская вышивка Нингута берет свое начало во времена государства Бохай династии Тан (более 1300 лет назад) и представляет собой традиционное маньчжурское ремесло. В период династии Цин техника маньчжурской вышивки достигла вершин искусства. От императора и чиновников до простых людей – все с уважением относились к искусству вышивки. Мастерство вышивания лучше всего демонстрировало сноровку маньчжурских девушек и являлось обязательным умением для замужества.

Вышивка Нингута характеризуется богатством форм выражения, совершенством техники, в обиходе ее называют «чжэньсю» (*кит.* 针绣), «чжахуа» (*кит.* 扎花), «сюхуа» (*кит.* 绣花). Помимо отражения народной деревенской культуры маньчжуров в ней также присутствует и воплощение длительной традиции дворцовой культуры. Стиль данного искусства сильно отличается от четырех других знаменитых школ китайской вышивки: сучжоуской (*кит.* 苏绣), гуандунской (*кит.* 粤绣), хунаньской (*кит.* 湘绣) и сычуаньской (*кит.* 蜀绣). Ему свойственны яркие краски, незамысловатая форма, утрированное художественное отображение и дерзкий стиль, в нем также во всем величии проявляются самые смелые идеи. Визуализация напоминает западную живопись маслом: создается эффект трехмерного изображения. В вышивке особенно выделяются местная специфика и богатое культурное содержание.

Специфическая техника вышивания крупными стежками соединяется с техникой прямой и обратной строчки, вышивкой длинной иглой, крестом, техникой ши, парной строчкой, техникой «куриная лапка» и др. Стежки располагаются от большого к маленькому, длина у всех разная, 3–9 слоев накладываются крестообразно, сами слои достаточно большие. При выборе шелковых нитей предпочтение отдается северо-восточному шелку туссор, этот вид шелка-сырца толще тутового, а его цвет более насыщенный. Тематика вышивки Нингута представлена пейзажами, цветами и птицами, травами и насекомыми, зверями, людьми, письменами и т. д., а также историческими сюжетами.

Существует множество видов вышивки, например, вышивка на атласе (*кит.* 缎绣), вышивка на ткани (*кит.* 布绣), вышивка «на ша» (*кит.* 纳纱), вышивка сплетенными нитями (*кит.* 编纱), «резная» вышивка (*кит.* 割绣), вышивка крестом (*кит.* 十字绣),

вышивка на сумках (*кит.* 包绣), вышивка нашивок (*кит.* 补绣) и т. д. Вышивку можно встретить на повседневных товарах, к примеру, на подушках, кошельках, туфлях и др.

Маньчжурская вышивка Нингута сохранила свои особенности спустя тысячелетия наследования и развития. В 2013 г. народное правительство провинции Хэйлунцзян внесло ее в перечень нематериального культурного наследия провинции четвертого уровня, в 2021 г. по решению Государственного совета и Министерства культуры она внесена в список нематериального культурного наследия Китая [3].

3. МАНЬЧЖУРСКАЯ ВЫШИВКА НИНГУТА

В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «НОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ»

В современности, когда новые предметы и продукты появляются непрерывно, многие традиционные ремесла столкнулось с проблемами развития и даже оказались под угрозой полного исчезновения. В июле 2008 г. вышивальщица из Нинъяня в четвертом поколении Цзя Сюлань (*кит.* 贾秀兰) создала мастерскую маньчжурской вышивки Нингута. После серии разработок и внедрения инноваций древнее искусство вышивки Нингута вновь раскрыло свою историческую ценность и предстало перед современным обществом по-новому.

Организация обучающих курсов. Для обеспечения преемственности мастерства маньчжурской вышивки Нингута Цзя Сюлань в 2008 г. организовала учебные курсы по обучению вышивке, создавая тем самым возможность освоения этого искусства и позволяя большему количеству людей узнать о нем и извлечь из этого практическую пользу. В разное время несколько тысяч безработных женщин прошли обучение на таких курсах и были трудоустроены. Это увеличило их доходы и оказало помощь в возрождении деревень. Преодолев путь от вышивания предметов одежды для себя и до создания новой продукции совместно с дизайнерами, вышивальщицы постепенно превратились в полноценных мастеров маньчжурской вышивки, принимающих заказы.

Сотрудничество с учебными заведениями. Маньчжурская вышивка Нингута – это отличительное ремесло китайской традиционной культуры, содержащее богатство национальной духовности и мудрости. Изучение данного искусства – важный способ эстетического и культурного воспитания и развития молодого поколения новой эпохи. Мастерская маньчжурской вышивки Нингута была создана совместно с разными образовательными учреждениями: начальной и средней школой, профессиональными училищами, университетами и др. Проект нематериального культурного наследия государственного уровня «Маньчжурская вышивка Нингута» официально стал частью программ учебных заведений, был глубоко интегрирован в школьное образование. Помимо этого, совместно с общественными союзами, высшими учебными заведениями и другими организациями устраиваются соревнования по искусству маньчжурской вышивки Нингута, дизайнерские показы национальной одежды и другие крупные мероприятия, создавая таким образом эффективную платформу для демонстрации и взаимодействия с нематериальным культурным наследием. Это также стимулирует культурное творчество молодежных групп, обеспечивает движущую силу для развития «нового национального течения».

Ускорение развития с помощью различных площадок. Популярность маньчжурской вышивки Нингута увеличилась благодаря Олимпийским играм, Харбинской международной торгово-экономической ярмарке, Экспо и другим площадкам. Для Зимней Олимпиады в Пекине Цзя Сюлань специально разработала дизайны «Ледяное озеро

Цзинбо», «Полет со льдом и снегом», «Сказочная снежная страна», «Ледяной покров на тысячи ли», а также двадцать других товаров с маньчжурской вышивкой, использующих тему льда и снега. При помощи площадки Зимних Олимпийских игр стало возможным продемонстрировать маньчжурскую вышивку – это древнее искусство государства Бохай, передававшееся из поколения в поколения на протяжении более чем тысячи лет, на международной арене. Это позволило маньчжурской вышивке Нингута продолжить развитие и распространение, выйти на более масштабную сцену мировой культуры.

Связь с культурным туризмом. Маньчжурская вышивка Нингута стала важной частью местной туристической индустрии благодаря ее использованию в исторических местах и достопримечательностях, созданию сувениров, а также благодаря популяризации самой вышивки и организации связанных с ней туристических объектов. Так, например, в городе Шэньчжэнь находится музей маньчжурской вышивки [5]. На разнообразных праздничных мероприятиях происходит содействие развитию и использованию специфической культурной продукции маньчжурской вышивки, создается бренд-имидж культурного наследия. Так, вышивка на товарах повседневного потребления, канцелярских принадлежностях, сувенирах, шелковом домашнем текстиле и другой продукции, проникая в оформление товаров, генерирует культурный потребительский спрос. Как результат – в контексте «лихорадки популярных отечественных товаров» и «лихорадки нематериального культурного наследия» возникло китайское мастерство новой эпохи.

4. КРЕАТИВНЫЙ ДИЗАЙН МАНЬЧЖУРСКОЙ ВЫШИВКИ НИНГУТА В КОНТЕКСТЕ «НОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ»

«Маньчжурская вышивка Нингута» отличается изысканным мастерством и богатым скрытым смыслом. Уникальная техника вышивания и ее красочность предоставляют современным дизайнерам неиссякаемый источник для творчества. Изучив данный вид искусства и создав на его основе собственные творческие работы, дизайнеры популяризовали отечественные товары с вышивкой, которые завоевали благосклонность потребителей нового поколения. В сочетании традиционных китайских ремесел и современных тенденций визуального дизайна проявляется национальный менталитет и вековая народная мудрость, глубинная духовность. В маньчжурскую вышивку Нингута вдохнули жизнь новой эпохи.

Выявление культурного содержания и история продукции. Уникальная народная маньчжурская вышивка Нингута может быть описана и упорядочена на основе изучения исторического контекста, религиозных верований, сезонных праздников, традиционных занятий и видов деятельности, бытовых обычаев и под. в районе современного Нинъяня (культура изгнанников, шаманская культура, культура охоты и др.).

В древности маньчжуры поклонялись множеству богов и силам природы, принимали анимизм, что проявлялось в тотемизме, а также исповедовали культ шаманизма. В маньчжурской вышивке Нингута в качестве главной темы часто используются элементы, связанные с шаманской культурой. Современные элементы, техники и материалы маньчжурской вышивки заново объединяются с формами шаманской культуры и через символизм раскрывают свою культурную и духовную коннотацию. Скрытый смысл передают новые созданные изображения на изделиях, например, вышитые детские куклы-обереги, куклы-охотники, куклы для изгнания болезней, куклы духа оленя,

духа птицы, духа медведя, духа земли, духа дерева и других оригинальных изделиях. Эти куклы, вышитые на одежде, обуви, сумках и украшениях, сегодня, как и в древности, выражают стремление людей к благополучной жизни [4].

Выражение этих культурных особенностей в стиле «нового национального течения» тесно связывает традиционное философское мышление Китая с современными дизайнерскими концепциями и эстетическими взглядами.

Обновление методов производства и расширение функций продукции. На основе понимания бытовых привычек, психологии потребления, ценностей современных потребителей создаются и используются новые способы и средства производства и происходит адаптация традиционного ремесла к современному социальному развитию и рыночной обстановке. На базе традиционных дизайнерских приемов и технологий производства маньчжурской вышивки Нингута внедряются современные процессы и методы дизайна, используется машинная вышивка, 3D-печать и другие современные технологии и оборудование. Повышается эффективность производства, упрощается процесс изготовления и снижаются затраты, что в полной мере демонстрирует преимущества применения новых технологий. Смелое внедрение новых приемов, материалов, создание новых форм рассматривает средства разработки и функции товаров с точки зрения нового мышления и перспектив.

Инновационность методов производства маньчжурской вышивки Нингута и расширение функциональности изделий с ней в основном объясняются тремя причинами: *первая* – это разработанные мастерами вышивки и дизайнерами высококлассные изделия, распространяющие эстетику культурного наследия; *вторая* – это инновационные товары с элементами традиционной вышивки, интегрированной в современный дизайн товаров с глубоким культурным подтекстом; *третья* – это создание производной культурной продукции: традиционные орнаменты и узоры, представляющие маньчжурскую культуру, после дизайнерской переработки используются в печати на самых разных предметах, и хотя это не ручная вышивка, но изделия несут в себе богатое содержание маньчжурской культуры и яркие местные особенности.

Целевые потребительские группы маньчжурской вышивки Нингута существенно изменились, обновился и диапазон продуктов с этой вышивкой – от высококлассных товаров ручной работы до массовых изделий. Доля технологий ручной вышивки постепенно сократилась, что привело к снижению стоимости производства и себестоимости продукции.

Объединение цифровых технологий и разработки серийной продукции. На некоторых онлайн-платформах можно не только изучить историю маньчжурской вышивки Нингута, но и наделить продукцию определенными характеристиками, а также поспособствовать развитию положительных отношений между потребителями и продуктами, сформировать эмоциональную связь между покупателями и товарами. Благодаря этому интерактивному методу можно последовательно наблюдать изменения в запросах потребителей, а дизайн продукции с маньчжурской вышивкой Нингута своевременно обновлять. Это также обеспечивает новые возможности для эффективного маркетинга.

AR-технологии могут быть использованы для соединения реальной продукции с вышивкой и трехмерных анимированных образов, виртуальной реальности и других новейших цифровых технологий. Например, можно разработать дизайн IP-изображений с элементами охотничьей культуры, культуры снежных регионов, культуры изгнанников

(в эпоху Цин Нингута был местом высылки преступников) и т. д. Или же можно создавать анимацию. В итоге получается нечто среднее между культурой народной маньчжурской вышивки Нингута и кино- и телеискусством, AR-технологией. Такое сочетание позволяет пользователям не только прочувствовать культурный подтекст, передаваемый традиционными изделиями ручной работы, но и насладиться визуальной красотой и ощущениями, создаваемыми при помощи современных цифровых технологий. Таким образом традиционной вышивке дается новая жизнь, и она больше соответствует требованиям современного общества.

Кобрендинг отечественных марок и запуск трансграничной культурно-творческой продукции. Эксперты считают, что для реализации истинного «нового национального течения» важно заниматься возрождением и новаторством традиционной культуры, что может послужить и в современной жизни. Организации, занимающиеся исследованиями и разработкой технологий маньчжурской вышивки Нингута, могут сотрудничать с известными брендами для обновления проверенных временем марок национальных товаров и разработки трансграничной культурной и креативной продукции, позволяя тем самым культуре традиционной маньчжурской вышивки войти в общественную жизнь и стать частью «нового национального течения». Произведенная совместно с проверенными временем национальными брендами продукция поможет еще больше наполнить рынок культурных и креативных товаров. При объединении объектов культурного наследия и знакомых брендов следует уделять внимание соответствию имиджа бренда и духовного содержания объектов, которое не должно приноситься дешевыми продуктами. Так называемое трансграничное совместное производство должно строиться по схеме «1+1>2»: после соединения объекта культурного наследия и бренда происходит еще и независимый процесс их гармонизации, в результате чего традиционное мастерство возрождается и превращается в современный продукт с практическими функциями.

«Новое национальное течение» – это воплощение творческого духа этноса, это миссия, возложенная временем на современность. Оно изменило эстетические взгляды и образ жизни китайцев, стало своего рода исследованием и новаторским способом современного Китая демонстрировать свой культурный имидж [1].

5. РАЗВИТИЕ МАНЬЧЖУРСКОЙ ВЫШИВКИ НИНГУТА

В СООТВЕТСТВИИ С КОНЦЕПЦИЕЙ «НОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ»

Новое поколение целевой аудитории. В последние годы вместе со стремительным развитием в Китае политической, культурной, экономической и других отраслей традиционная китайская культура глубоко проникла в сердца людей и постепенно укоренилась в народных массах. «Новое национальное течение» перенимает китайскую традиционную эстетику при помощи модных тенденций, привлекает внимание все большего и большего количества молодых людей, становится «модным любимцем» современной молодежи при выражении личных чувств и взглядов. Маньчжурской вышивке Нингута как типичному представителю традиционного китайского искусства присущ высокий уровень мастерства. Она ярко выделяется на фоне «нового национального течения», адаптируется к развитию современного рынка, используя новые возможности для передачи особенностей национальной культуры.

Художественная форма выражения. Инновационный дизайн маньчжурской вышивки Нингута в соответствии с концепцией «нового национального течения»

представляет собой связующее звено между мастерством традиционной вышивки и современной эстетикой, позволяя этому ремеслу соответствовать развитию времени и современной жизни, создавая возможность интеграции традиционного мастерства и современных способов выражения, демонстрирует новаторские формы искусства в соответствии с актуальными эстетическими ценностями и модными тенденциями. Все те новые веяния, которые привнесла маньчжурская вышивка Нингута в «новое национальное течение», глубоко проникли в сокровищницу традиционной культуры и стали неиссякаемой движущей силой для ее непрерывного обновления. В то же время «новое национальное течение» также стало символом эстетики и качества, а его появление интегрировало маньчжурскую вышивку Нингута в эстетику современной жизни, позволяя людям сохранить наследие народной культуры.

Интернационализация площадок для демонстрации. Культурное наследие обновлялось и создавалось в соответствии с изменениями времени, и его содержание также эволюционировало вместе с историческим развитием и социальными потребностями. Эти древние виды искусства, наполненные народной философией и мудростью, идут в ногу со временем и отвечают требованиям современности, накапливаются и непрерывно развиваются. Много раз тема маньчжурской вышивки Нингута появлялась при международном культурном обмене: она представляла Китай на Экспо в Японии и Казахстане, товары с вышивкой продаются далеко за пределы страны (в Россию, США, Канаду, Казахстан, Японию, страны Юго-Восточной Азии и др.). Более 30 работ, созданных Цзя Сюань и ее учениками, получили множество наград в Китае. То, что называют национальным, в действительности является мировым культурным достоянием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Маньчжурская вышивка Нингута – это квинтэссенция культуры маньчжурского народа, обладающая уникальным очарованием китайской культуры. После многих сотен лет изменений это искусство приобрело особенную национальную окраску. В современном научно и технически развитом обществе преемственность и инновации традиционного ремесла маньчжурской вышивки Нингута не только являются памятью об этнической группе, но и побуждают современных людей следовать внутренним законам развития культуры, знакомиться и наслаждаться традиционной культурой, познавать историю народного искусства маньчжуров и черпать вдохновение в современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 刘金莹.纺织类非物质文化遗产研究及文创产品设计.大连工业大学,2020. – Цзинь Ин Лю. Исследование текстильных объектов нематериального культурного наследия и культурно-креативный дизайн продукции / Цзинь Ин Лю; Даляньский технологический университет. – 2020.
2. 章莉莉,李姣姣.新时代国潮热视域下的刺绣传统工艺创新设计.美术观察,2021(02):18–20. – Лили Чжан. Креативный дизайн традиционного ремесла вышивания в контексте «нового национального течения» / Чжан Лили, Цзяоцзяо Ли // Художественный обозреватель. – 2021. – № 2. – С. 18–20.
3. 张靑.满族民间刺绣的传承与发展.沈阳师范大学,2020. – Цзин Чжан. Наследование и развитие народной маньчжурской вышивки / Цзин Чжан; Шэньянский педагогический университет. – 2020.
4. 张和潇.基于满族传统刺绣的文创产品设计.沈阳航空航天大学,2019. – Хэсяо Чжан. Культурно-креативный дизайн товаров на основе традиционной маньчжурской вышивки / Хэсяо Чжан; Шэньянский аэрокосмический университет. – 2019.
5. 杨雪松.宁安市文化旅游产业发展研究.哈尔滨师范大学,2015. – Сюэсун Ян. Исследование развития индустрии культурного туризма г. Нинъань / Ян Сюэсун. – Харбин : Харбинский педагогический университет, 2015.

Т. А. Савицкая¹, И. М. Кимленко²

УДК 004: 372.854

¹ Кафедра физической химии, химический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

² Кафедра радиационной химии и химико-фармацевтических технологий, химический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕДМЕТНОГО САЙТА «ЗЕЛЕНАЯ ХИМИЯ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье обсуждаются основные задачи «зеленой» химии в современном обществе, структурные разделы специализированного сайта и его роль в преподавании дисциплины «Зеленая химия».

Ключевые слова: «зеленая» химия; сайт; видеоконтент; технологии обучения.

Образец цитирования: Савицкая Т. А. , Кимленко И. М. Использование предметного сайта «Зеленая химия» в образовательном процессе / Т. А. Савицкая, И. М. Кимленко // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1 – С. 107–115.

T. Savitskaya¹, I. Kimlenka²

¹ Department, Chemical Faculty, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

² Radiation Chemistry and Chemical and Pharmaceutical Technologies Department, Chemical Faculty, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

SUBJECT WEBSITE “GREEN CHEMISTRY” IN EDUCATION

The article discusses the main objectives of “green” chemistry in modern society, the structural sections of a specialized site and its role in teaching the discipline “Green chemistry”.

Keywords: green chemistry; website; video content; teaching technologies.

For citation: Savitskaya T. & Kimlenka I. Subject Website “Green Chemistry” in Education. Sophia. 2023;1;107–115. Russian.

Авторы:

¹ **Татьяна Александровна Савицкая** – доктор химических наук, профессор кафедры физической химии химического факультета Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0003-4151-3614>
savitskayata@bsu.by

Authors:

¹ **Tatsiana Savitskaya** – Dr. Sc. in Chemistry, Professor at the Physical Chemistry Department, Chemical Faculty, Belarusian State University.

² **Ирина Михайловна Кимленко** – кандидат химических наук, доцент кафедры радиационной химии и химико-фармацевтических технологий химического факультета Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0001-5035-2993>
kimlenka@bsu.by

² **Iryna Kimlenka** – PhD in Chemistry, Associate Professor at the Radiation Chemistry and Chemical and Pharmaceutical Technologies Department, Chemical Faculty, Belarusian State University.

В современном обществе существуют два мнения о химии: с одной стороны, неопределима польза продуктов, которые производят с помощью химии, а с другой – громаден ущерб, который наносит химия окружающей среде и здоровью человека. К настоящему времени для решения возникающих экологических проблем предложены две стратегии: «конца трубы» (*end of pipe strategy*), когда проблемы решаются после их возникновения, т. е. в конце технологического цикла (например, очистка сточных вод, газовоздушных выбросов, захоронение твердых отходов), и предотвращения загрязнения (*pollution prevention*), когда устанавливаются и устраняются сами причины возникновения загрязнения. Именно такой путь решения экологических проблем предлагает «зеленая» химия. По определению Международного союза чистой и прикладной химии (ИЮПАК) «Зеленая химия – это изобретение, разработка и применение химических продуктов и процессов, уменьшающих или исключаяющих использование и образование опасных веществ» [7].

В Национальном сообщении «Устойчивое развитие Республики Беларусь на принципах “зеленой” экономики» [4] указаны направления перехода страны к «зеленой» экономике как важному инструменту обеспечения устойчивого развития и экологической безопасности. Такая трансформация предполагает создание «зеленых» технологий и «зеленой» продукции, а это в нашей республике невозможно без развития «зеленой» химии, поскольку химическая отрасль является важнейшей отраслью промышленности. Таким образом, стратегия «зеленой» химии – это создание и использование новых технологических схем, которые безопасны для окружающей среды и человека.

С точки зрения химического образования роль «зеленой» химии среди множества химических дисциплин, составляющих базисную основу профессиональных знаний химиков, можно рассматривать как этико-философскую надстройку, без которой невозможно сформировать мировоззрение будущего специалиста, готового к деятельности в рамках достижения целей устойчивого развития. Особенность «зеленой» химии в том, что она вооружает химиков не только революционной философией, направленной на предотвращение загрязнения окружающей среды, но и указывает новые способы синтеза, включающие новые методы активации и конструкцию реакторов, новые безопасные «зеленые» растворители и предлагает перейти к использованию сырья, полученного из биомассы, а не из нефти.

Прошло уже более тридцати лет с тех пор, как сформированное в конце 90-х годов XX в. направление «“зеленая” химия» стало одной из ведущих научных парадигм, лежащих в основе развития современных промышленных производств. Соответствующие

технологии, процессы и продукты внедряются не только в химической, но и в других отраслях, использующих химикаты, например, в легкой и пищевой промышленности. Поэтому неудивительно, что сегодня «зеленая» химия как учебная дисциплина преподается во многих университетах мира, выступая главным компонентом образования для устойчивого развития [5].

Белорусский государственный университет стал первым университетом в Республике Беларусь, в котором с 2009 г. «зеленая» химия включена в учебные планы подготовки студентов химического факультета и в настоящее время преподается на двух ступенях высшего образования. Задачи учебной дисциплины «Введение в “зеленую” химию» для студентов первой ступени образования – показать большое значение «зеленой» химии для развития не только химии, но и других естественных наук: биологии, экологии, геологии и др., а также социальной сферы; продемонстрировать, что зеленая химия сегодня – это не просто имиджевый фактор и научное направление в химии, направленное на усовершенствование химических процессов, положительно влияющих на состояние окружающей среды, но и важный элемент корпоративной культуры крупных химических компаний, демонстрирующих свою ответственность за обеспечение экологической безопасности нашей планеты. Дисциплины «“Зеленые” технологии в химической промышленности» и «“Зеленые” технологии в интересах устойчивого развития» дают студентам магистратуры уже не базовые знания по «зеленой» химии, а углубленное представление о соотношении понятий «зеленая» экономика и «зеленая» промышленность, современных тенденциях использования принципов «зеленой» химии в промышленности на конкретных примерах инновационных разработок в области «зеленых» технологий в мире и Республике Беларусь.

Следует отметить, что преподавание «зеленой» химии в университетах нашей страны осложняется недостаточной разработанностью учебно-методических комплексов по данной учебной дисциплине. Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что общество сегодня становится все более зависимым от такого социального феномена, которое в научной литературе определяется как «цифровое поколение» (сетевое поколение, iGen) [3]. Социологи так называют поколение детей и молодежи, рожденное после 1996 г., которое сегодня составляет основную часть студенчества. Организация образования молодежи «цифрового поколения» является вызовом для системы образования. Ранее нами была показана высокая эффективность использования в современной образовательной среде технологий лекционного подкастинга и видео лабораторных работ [2]. В дополнение к имеющимся разработкам нами предложена концепция и создан специализированный сайт «Зеленая химия», баннер которого размещен на сайте химического факультета БГУ (<https://chemistry.bsu.by/index.php/ru/zelenaya-khimiya>). Основопологающей целью сайта является позиционирование в сети Интернет дисциплины «Зеленая химия», преподаваемой на химическом факультете, как уникальной в своем роде, обладающей выраженным креативным компонентом в виде разнообразных творческих заданий, а также как дисциплины, имеющей мировоззренческую значимость для студентов-химиков, в которой в полной мере воплотился принцип междисциплинарной коммуникации. Последний важен для подготовки специалистов, способных интегрировать идеи из различных областей науки, оперировать междисциплинарными категориями, комплексно воспринимать инновационные процессы.

Отличительной особенностью преподавания «зеленой» химии в БГУ является ее билингвальность. Поэтому в дополнение к версии сайта на русском языке функционирует и англоязычная версия (рис. 1). В перспективе – создание версии на китайском языке, что актуально с учетом того, что программа по «зеленой» химии была апробирована в Чжецзяньском Шужен университете (г. Ханчжоу, КНР), а также того, что в 2021 г. нами в сотрудничестве с китайскими (и некоторыми другими) коллегами было издано учебное пособие на английском и китайском языках «Green Chemistry: Process Technology and Sustainable Development» [6] (рис. 2).

Рис. 1. Главные страницы сайта на русском и английском языках.

Рис. 2. Учебное пособие на английском и китайском языках
«Green Chemistry: Process Technology and Sustainable Development» (2021),
внедренное в образовательный процесс в Чжецзяньском Шужен университете.

На главной странице сайта дано описание «зеленой» химии и ее основных направлений, демонстрируется видеофильм о разработанной в Научно-исследовательском институте физико-химических проблем БГУ «зеленой» технологии получения гидрат-целлюлозных волокон.

Структура сайта включает в себя шесть рубрик, среди которых:

- «Описание курса», где размещены учебные программы для специальностей «Химия» и «Фундаментальная химия», персональные страницы преподавателей, основные публикации авторов курса;
- «Учебные материалы», включающие презентацию обзорной лекции, вопросы к экзамену, правила написания эссе, экскурс в гендерную историю концепции устойчивого развития;
- «Международное сотрудничество»;
- «Работы студентов».

Последний раздел заслуживает особого внимания, так как в нем находит отражение концепция «учения с вовлечением», которая предполагает вовлечение учащихся в интерактивное обучение, в творческие практические занятия. Такая система обучения, внедренная в БГУ в практику преподавания, позволяет повысить эффективность образовательного процесса, в котором реализуется принцип диалога и сотрудничества «студент – преподаватель» [1].

Например, одно из заданий, которое предлагается выполнить студентам при изучении дисциплины, включает в себя написание эссе на тему «“Зеленая” химия – это...», лучшие из которых размещаются на сайте (рис. 3). Отметим, что, несмотря на разное эмоциональное видение и восприятие «зеленой» химии, студенты едины во мнении:

«зеленая» химия – это новая философия химии, новый язык, помогающий взглянуть на химическую отрасль не только с позиции получения прибыли и производства продуктов, но и с гуманитарных позиций.

Рис. 3. Страница сайта с лучшими эссе студентов на тему «“Зеленая” химия – это...».

Еще одним творческим заданием является создание собственного мнемонического символа 12-ти принципов «зеленой» химии. Мнемоника – это искусство запоминания через создание ассоциаций или связей между запоминаемыми фактами. Классический мнемонический вариант «зеленой» химии выражается термином **PRODUCTIVELY**:

- P** – *Prevent wastes* (предотвращать отходы);
- R** – *Renewable materials* (возобновляемые материалы);
- O** – *Omit derivatization steps* (исключать промежуточные стадии);
- D** – *Degradable chemical products* (деструктируемые химические продукты);
- U** – *Use safe synthetic methods* (использовать безопасные методы синтеза);
- C** – *Catalytic reagents* (каталитические реагенты);
- T** – *Temperature, pressure ambient* (температура и давление окружающей среды);
- I** – *In-Process Monitoring* (мониторинг в процессе производства);
- V** – *Very few auxiliary substances* (мало побочных веществ);
- E** – *E-factor, maximize feed in product* (Е-фактор, максимально увеличивать количество целевого продукта);
- L** – *Low toxicity of chemical products* (низкая токсичность химических продуктов);
- Y** – *Yes, it is safe* (да, это безопасно).

Студенты химического факультета уже создали большое количество собственных мнемонических вариантов на разных языках (рис. 4).

Успешно выполняется также задание по поиску ссылок на видеоматериалы о «зеленой» химии и подготовку к ним рекламы, которая могла бы вызвать интерес студентов и побудить их к просмотру. Студенты отмечают, что, к сожалению, сегодня качественные видео по «зеленой» химии сложно найти в Интернете, однако рекомендуют друг другу посмотреть передачу «“Зеленая” химия. Истории из будущего с М. Ковальчуком» в формате диалога ведущего с создателями в России Центра по зеленой химии – первым президентом химического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в 2018–2020 гг. академиком Российской академии наук В. В. Луниным и доктором химических наук Е. С. Локтевой. На сайте также представлена

лекция профессора Томаса Махмейера на английском языке, но при желании на платформе можно включить субтитры. Интерес вызывает и лекция о Йельском университете и отцах-основателях «зеленой» химии – Поле Анастасе и Джоне Уорнере, а также, конечно, лекция самого Пола Анастаса.

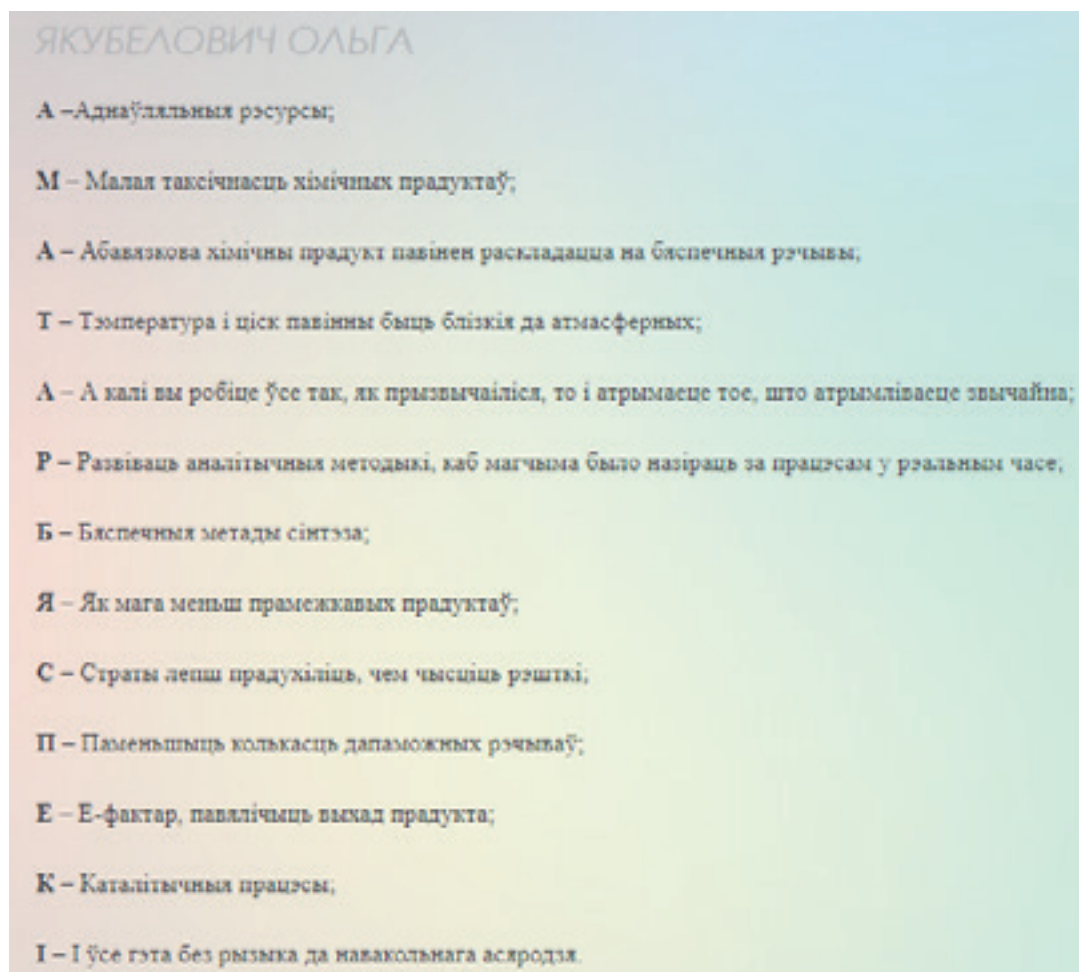

Рис. 4. Пример мнемонического варианта принципов «зеленой» химии на белорусском языке.

Особого внимания заслуживают и отличающиеся новизной методические видеоматериалы – 9 видеофильмов на тему «“Зеленые” метрики». Каждый из видеофильмов дает объяснение одной из «зеленых» метрик (количественных критериев эффективности химических реакций и процессов). Во всех видеофильмах сняты магистранты химического факультета, для которых такое задание являлось новым и интересным опытом (рис. 5).

Фильмы прошли успешную апробацию на занятиях со студентами, которые отметили высокую степень усвоения материала, что во многом связано с тем, что обучение проводилось лидером из сверстников, т. е. магистрантом – таким образом в процессе преподавания дисциплины «“Зеленая” химия» реализуется образовательная технология «Обучение лидером из сверстников» (*Peer-led team learning*).

Отметим, что к созданию видеофильмов привлекались профессиональные операторы из Центра корпоративных коммуникаций БГУ, что позволило создать качественный

образовательный продукт, который можно ориентировать не только на студентов БГУ, но и на зарубежный образовательный рынок.

Рис. 5. Примеры видеофильмов о «зеленых» метриках, созданных магистрантами.

Наряду с сайтом при преподавании учебной дисциплины «“Зеленая” химия» используется образовательный портал химического факультета (Educhem.bsu.by), на котором размещено презентационное сопровождение лекций, вопросы и задания, оригинальные статьи для подготовки к семинарским и практическим занятиям. Возможности портала используются для проверки контрольных работ и выполненных студентами письменных заданий, а также при необходимости проведения занятий в режиме онлайн.

Необходимо подчеркнуть, что размещенный на сайте и портале цикл методических материалов может быть использован для преподавания дисциплины «“Зеленая” химия» при обучении не только студентов и магистрантов, но и школьников. В частности, с 2021 г. более 150 школьников, которые проходили обучение по образовательному направлению «“Зеленая” химия» в Учреждении образования «Национальный детский технопарк», смогли таким образом ознакомиться с основами этой дисциплины. Такая направленность образовательного контента создает условия для обеспечения преемственности образования по «зеленой» химии.

В заключении отметим, что созданный предметный сайт «“Зеленая” химия» является уникальным информационным ресурсом, по своему контенту не имеющим аналогов в данной области. Составляющие его компоненты могут быть использованы представителями различных целевых групп, включая преподавателей, студентов, школьников, а также всех интересующихся вопросами «зеленой» химии и устойчивого развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Король, А. Д.* Основы эвристического обучения : учеб. пособ. / А. Д. Король, И. Ф. Китурко. – Минск : БГУ, 2018. – 207 с. (Межвузовская серия «Креативное образование»).

2. *Савицкая, Т. А.* Медиатехнологии в учебном процессе химического факультета как ключевой аспект повышения качества образования и медиаграмотности молодежи [Электронный ресурс] / Т. А. Савицкая, И. М. Кимленко // Как развивать медиаграмотность студента и преподавателя университета : стратегии и техники : сб. ст. – Вып. 10 / Редкол. : Д. И. Губаревич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. В. В. Самохвала. – Минск : БГУ, 2017. – С. 169–179. (Современные технологии университетского образования).

3. *Третьякова, В. С.* Цифровое поколение : потери и приобретения / В. С. Третьякова, Н. Г. Церковникова // Профессиональное образование и рынок труда. – 2021. – № 2. – С. 53–65.
4. Устойчивое развитие Республики Беларусь на принципах «зеленой» экономики : национальное сообщение / НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 53 с.
5. Green chemistry teaching : Belarusian view through world tendencies / T. Savitskaya [et al.] // Journal of the Belarusian State University. Chemistry. – 2022. – № 2. – P. 83–94.
6. Green Chemistry : Process Technology and Sustainable Development / T. Savitskaya [et al.]. – Singapore : Springer jointly published with Zhejiang University Press, 2021. – 149 p.
7. IUPAC Gold Book [Electronic resource]. – Mode of access : <https://goldbook.iupac.org/>. – Date of access : 12.03.2023.

Цюй Тао

УДК 811.581(072)

Факультет международных культурных обменов, Северо-западный педагогический университет, Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская Народная Республика

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ПРОГРАММЫ ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

На основе анализа учебной программы по китайскому языку, используемой в Северо-западном педагогическом университете, описываются содержание и цели обучения на разных этапах преподавания китайского языка для иностранных учащихся.

Ключевые слова: китайский язык как иностранный; этапы и цели обучения; Северо-западный педагогический университет.

Образец цитирования: Цюй Тао. Анализ основных этапов программы по китайскому языку для иностранных учащихся северо-западного педагогического университета / Цюй Тао // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1 – С. 116–121.

Qu Tao.

Faculty of International Cultural Exchanges, Northwest Normal University, Lanzhou, Gansu Province, People's Republic of China

ANALYSIS OF THE MAIN STAGES OF THE CHINESE LANGUAGE PROGRAM FOR FOREIGN STUDENTS OF NORTHWEST NORMAL UNIVERSITY

The content and learning objectives at different stages of teaching Chinese to foreign students are described based on the analysis of the Chinese language curriculum used at the Northwestern Normal University.

Keywords: Chinese as a foreign language; stages and learning objectives; Northwest Normal University.

For citation: Qu Tao. Analysis of the main stages of the chinese language program for foreign students of northwest normal university. Sophia. 2023;1;116–121. Russian.

Автор:

Цюй Тао – кандидат педагогических наук, преподаватель факультета международных культурных обменов Северо-западного педагогического университета.

qt@nwnu.edu.cn

Author:

Qu Tao – PhD in Pedagogics, Lecturer of the Faculty of International Cultural Exchange, Northwest Normal University.

Северо-Западный педагогический университет (англ. *Northwest Normal University*) является ключевым университетом, созданным при участии Народного правительства провинции Ганьсу и Министерства образования Китая. Он был основан в 1902 г. на базе Педагогической школы Столичного университета (кит. 京师大学堂) и состоял из двух отделений: «Учреждение служащих и изучающих» (кит. 仕学馆) и «Учреждение обучающихся» (кит. 师范馆). На основе второго отделения позже и возник Северо-Западный педагогический университет.

Современный Северо-Западный педагогический университет стремится готовить специалистов, которые смогут распространять китайский язык и популяризовать китайскую культуру. Ответственность за обучение иностранных учащихся китайскому языку возложена на факультет международных культурных обменов данного университета (англ. *University's Institute of International Cultural Exchanges*).

Для обучения иностранных учащихся китайскому языку разработана специальная учебная программа. Ее главная цель заключается в том, чтобы предоставить учащимся возможность приобрести систематические знания основ и теории китайского языка, освоить базовые гуманитарные дисциплины, познакомиться с традициями китайского общества и культурой, а также сформировать коммуникативные навыки и развить уверенность в использовании китайского языка.

Программа предполагает, что учащиеся должны набрать необходимое количество кредитов и для подтверждения соответствующей степени владения языком должны сдать экзамен HSK (англ. *Hanyu Shuiping Kaoshi* – международный стандартизированный квалификационный экзамен по китайскому языку).

Обучение языковым и культурным знаниям, формирование коммуникативных компетенций дает учащимся возможность стать универсальными специалистами и работать в различных областях, включая преподавание китайского языка и коммерческие проекты, что соответствует потребностям современного международного сообщества.

С учетом уровня сложности преподавания при обучении иностранных учащихся китайскому языку предлагаются следующие предметы, направленные на четыре основных вида речевой деятельности:

- **элементарные предметы** (базовые предметы): элементарное комплексное чтение, элементарное аудирование, элементарное говорение, элементарное письмо, HSK 4.
- **промежуточные предметы**: промежуточное комплексное чтение, промежуточное аудирование, промежуточное говорение, промежуточное чтение, промежуточное письмо, HSK 5.
- **продвинутые предметы**: продвинутое комплексное чтение, продвинутое аудирование, продвинутое говорение, продвинутое чтение, продвинутое письмо, введение в китайскую лингвистику, HSK 6.

Отбор учебных материалов осуществляется из серии обучающих книг «Развивающий китайский язык» (англ. *Developing Chinese*, кит. 发展汉语), выпущенных издательством Пекинского университета языка и культуры (англ. *Beijing Language and Culture University Press*, кит. 北京语言大学出版社).

Начальный уровень направлен на обучение начинающих изучать китайский язык и предполагает 664–740 часов обучения (300–320 часов отводится на комплексное

чтение, 120–140 часов – на аудирование, 184–200 часов – на говорение и 60–80 часов – на письмо) [1–4].

Цель обучения на этом уровне заключается в том, чтобы помочь учащимся всесторонне развивать и совершенствовать свои навыки использования китайского языка как в устной, так и в письменной форме. Это включает в себя развитие коммуникативных компетенций на китайском языке, способности правильно использовать грамматику и лексику, а также умение читать и слушать на китайском языке с пониманием. В результате обучения учащиеся должны быть заинтересованы в дальнейшем изучении китайского языка и обладать способностью продолжать свое обучение самостоятельно.

На *первом* этапе обучения учащиеся получают стандартизированное знание китайского языка и связанное с ним знание китайской культуры, а также научатся систематически развивать навыки аудирования, говорения, чтения и письма. Они смогут различать и определять форму и значение элементов китайского языка, начнут изучать китайские иероглифы, познакомятся с такими уровнями китайского языка, как фонетика, лексика и грамматика. Они также смогут точно получать и выдавать информацию на китайском языке в конкретных контекстах, в разных социальных и культурных статусах. Важным навыком, который они приобретут, будет использование китайского языка для устного и письменного самовыражения в соответствии с контекстом и особенностями дискурса. Кроме того, учащиеся будут постоянно укреплять свою мотивацию к изучению китайского языка и развивать способность к самостоятельному обучению через содержание учебных материалов и их реализацию. Этот этап обучения ориентирован на всестороннее развитие и совершенствование учащихся, а также на формирование их коммуникативных компетенций в китайском языке и поддержание интереса к изучению этого языка.

На *втором* этапе обучения китайскому языку учащиеся должны развивать следующие компетенции:

- 1) овладение фонетикой китайского языка, включая уверенное чтение пиньинь, расширение словарного запаса и углубление знаний грамматических структур китайского языка;
- 2) улучшение навыков аудирования, говорения, чтения и письма на китайском языке, особенно в области аудирования и понимания речи. Учащиеся должны быть в состоянии использовать китайский язык для коммуникации, высказываться по повседневным и учебным темам, а также раскрывать знакомые темы на китайском языке и выражать свои мысли по ним;
- 3) овладение общими стратегиями обучения, коммуникативными стратегиями и ресурсными стратегиями, а также более глубокое понимание китайской культуры в контексте общения на китайском языке;
- 4) повышение осведомленности о межкультурных различиях и разных аспектах межкультурного общения. Важно развивать навыки межкультурного общения и умение учитывать межкультурные аспекты в процессе общения на китайском языке.

В целом на втором этапе учащиеся должны достичь более высокого уровня коммуникативной компетенции на китайском языке и использовать его для различных целей и в разных социокультурных контекстах.

На *промежуточном уровне* обучения учащиеся продолжают развивать свои коммуникативные навыки владения китайским языком на всех его уровнях. Они должны углубить свои знания о китайской грамматике, лексике и культуре, а также улучшить свои навыки в аудировании, говорении, чтении и письме. Общее время обучения на промежуточном уровне составляет от 600 до 700 часов, включая комплексное чтение (180–200 часов), аудирование (120–140 часов), говорение (180–200 часов), чтение (60–80 часов) и письмо (60–80 часов) [5–9]. Этот уровень обучения должен помочь учащимся добиться более продвинутых навыков в изучении китайского языка и углубить их знания о китайской культуре и обществе.

Цели этого этапа обучения включают:

- 1) овладение необходимым количеством слов, языковых структур, функциональных фраз и культурных знаний на среднем уровне;
- 2) развитие умения понимать языковой материал, связанный с социальной жизнью, а также умения выражать свои мысли в общих рассказах, объяснениях и эссе;
- 3) дальнейшее освоение стратегий обучения, коммуникативных стратегий и стратегий использования ресурсов, а также получение базовых знаний по китайской культуре, межкультурной осведомленности и международной перспективе;
- 4) повышение мотивации и способности к самостоятельному обучению в процессе изучения китайского языка.

Основной целью преподавания на *продвинутом уровне* является всестороннее совершенствование комплексной коммуникативной компетенции продвинутых учащихся в аудировании, говорении, чтении и письме на китайском языке и предполагает 540–640 часов обучения (180–200 часов отводится на комплексное чтение, 120–140 часов – на аудирование, 120–140 часов – на говорение, 120–160 часов – на чтение и письмо) [10–14].

Цели данного этапа обучения следующие:

- 1) овладение в устной и письменной форме соответствующим количеством общеупотребительных слов и выражений, которые необходимо знать и понимать на продвинутом уровне;
- 2) умение понимать широкий спектр сложных языковых материалов в различных контекстах и правильно использовать соответствующие коммуникативные стратегии для общения и обсуждения общих тем социальной и профессиональной жизни, а также правильно выражать свое отношение и мнение;
- 3) знакомство с различными стилями письма и умение понимать их структурные и прагматические особенности, основные идеи различных типов письма; умение понимать разные типы и стили языка, особенно те, в которых более выражена письменная форма;
- 4) обогащение знаний и освоение китайского языка на продвинутом уровне, комплексное совершенствование языковых навыков аудирования, говорения, чтения и письма, а также способности адекватно общаться на китайском языке на этом уровне; использование китайского языка для более точного и адекватного выражения своих мыслей и чувств;

- 5) освоение соответствующих стратегий обучения, коммуникативных стратегий и стратегий использования ресурсов; понимание основ китайской культуры, приобретение основных культурных компетенций, обладание хорошими навыками межкультурного общения и открытой международной перспективой.

Учебной программой китайского языка для иностранцев помимо обязательных предметов предусмотрены и факультативные курсы, которые знакомят учащихся с отдельными аспектами языка, а также с историей, географией, культурой и обществом Китая. Например, курсы по современной фонетике, лексике и грамматике китайского языка, введение в изучение китайских иероглифов и многие другие. Кроме того, доступны курсы «Краткая история Китая», «Культура китайского туризма», «Оценка китайских фильмов», «Культура делового этикета», «Чтение китайской поэзии» и «Искусство китайской каллиграфии». Данные учебные предметы нацелены на развитие практических языковых навыков, что позволяет учащимся лучше понять китайские обычаи и традиции, а также китайское общество и культуру. Все это поможет удовлетворить потребности современного международного сообщества и развивать китайско-иностранные обмены.

Кроме использования специальной программы при обучении иностранных учащихся китайскому языку в Северо-Западном педагогическом университете ежегодно проводятся различные международные мероприятия: фестиваль культурного обмена для иностранных учащихся, выставка культур народов мира, конкурс китайского языка для иностранных учащихся, культурные мероприятия «Шелковый путь» и «Праздник Луны».

Хочется надеяться, что заинтересованные в изучении китайского языка в Беларуси с помощью данной статьи смогут лучше понять текущую ситуацию с международными курсами преподавания китайского языка в Западном Китае и внести свой вклад в культурное развитие как Беларуси, так и Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 发展汉语（第二版）初级综合 荣继华 北京语言大学出版社 201107 350 (Жун Цзихуа. Развивающий китайский язык. Элементарное комплексное чтение. 2-е изд. / Жун Цзихуа. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 350 с.)
2. 发展汉语（第二版）初级听力 么书君 北京语言大学出版社 201109 168 (Мэ Шуцзюнь. Развивающий китайский язык. Элементарное аудирование. 2-е изд. / Мэ Шуцзюнь. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 168 с.)
3. 发展汉语（第二版）初级口语 王淑红 北京语言大学出版社 201203 258 (Ван Шухун. Развивающий китайский язык. Элементарное говорение. 2-е изд. / Ван Шухун. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2012. – 258 с.)
4. 发展汉语（第二版）初级读写 李泉 北京语言大学出版社 201109 105 (Ли Цюань. Развивающий китайский язык. Элементарное письмо. 2-е изд. / Ли Цюань. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 105 с.)
5. 发展汉语（第二版）中级综合 徐桂梅 北京语言大学出版社 201108 204 (Сюй Гуймэй. Развивающий китайский язык. Промежуточное комплексное чтение. 2-е изд. / Сюй Гуймэй. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 204 с.)
6. 发展汉语（第二版）中级听力 傅由 北京语言大学出版社 201107 123 (Фу Ю. Развивающий китайский язык. Промежуточное аудирование. 2-е изд. / Фу Ю. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 123 с.)

7. 发展汉语（第二版）中级口语 路志英 北京语言大学出版社 201108 212 (Лу Чжиин. Развивающий китайский язык. Промежуточное говорение. 2-е изд. / Лу Чжиин. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 212 с.)

8. 发展汉语（第二版）中级阅读 徐承伟 北京语言大学出版社 201109 119 (Сюй Чэнвэй. Развивающий китайский язык. Промежуточное чтение. 2-е изд. / Сюй Чэнвэй. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 119 с.)

9. 发展汉语（第二版）中级写作 蔡永强 北京语言大学出版社 201206 153 (Цай Юнцян. Развивающий китайский язык. Промежуточное письмо. 2-е изд. / Цай Юнцян. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2012. – 153 с.)

10. 发展汉语（第二版）高级综合 岑玉珍 北京语言大学出版社 201109 203 (Цэнь Юйчжэнь. Развивающий китайский язык. Продвинутое комплексное чтение. 2-е изд. / Цэнь Юйчжэнь. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 203 с.)

11. 发展汉语（第二版）高级听力 么书君 北京语言大学出版社 201109 144 (Мэ Шуцзюя. Развивающий китайский язык. Продвинутое аудирование. 2-е изд. / Мэ Шуцзюя. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 144 с.)

12. 发展汉语（第二版）高级口语 王淑红 北京语言大学出版社 201111 213 (Ван Шухун. Развивающий китайский язык. Продвинутое говорение. 2-е изд. / Ван Шухун. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 213 с.)

13. 发展汉语（第二版）高级阅读 罗青松 北京语言大学出版社 201108 156 (Ло Цинсун. Развивающий китайский язык. Продвинутое чтение. 2-е изд. / Ло Цинсун. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2011. – 156 с.)

14. 发展汉语（第二版）高级写作 岑玉珍 北京语言大学出版社 201208 114 (Цэнь Юйчжэнь. Развивающий китайский язык. Продвинутое письмо. 2-е изд. / Цэнь Юйчжэнь. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2012. – 114 с.)

С. Г. Долюк

УДК 929+070(091)

Кафедра этнологии, музеологии и истории искусств, исторический факультет,
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Музей истории Белорусского государственного университета, Минск, Респуб-
лика Беларусь

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. Л. БОНДАРЕВОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА АРХИВНОЙ РАБОТЫ, УЧЕТА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

В статье отражены основные этапы развития карьеры и творческий путь первой в Беларуси женщины-профессора в области кинокритики – Ефросиньи Леонидовны Бондаревой. Е. Л. Бондарева родилась в Лиозненском районе на Витебщине. Началом серьезных поисков в журналистике стал 1945 г., когда она поступает на журналистское отделение филологического факультета Белорусского государственного университета. Ефросинья Леонидовна проработала на факультете журналистики более полувека. Она организовала студенческий научный кружок «Критик», ежегодный выпуск альманахов литературно-художественного творчества студентов, выпуск учебных газет по литературе и искусству. Е. Л. Бондарева являлась членом трех творческих союзов: Белорусского Союза журналистов, Белорусского Союза кинематографистов, Белорусского союза литературно-художественных критиков. Ее труд оценен многочисленными наградами. В память о Заслуженном деятеле науки Беларуси, известном кинокритике на факультете журналистики БГУ открыта аудитория и кино клуб, названные в ее честь.

Ключевые слова: Е. Л. Бондарева; биография; кинокритика; Белорусский государственный университет; факультет журналистики.

Образец цитирования: Долюк С. Г. Научно-педагогическая деятельность Е. Л. Бондаревой (по материалам отдела архивной работы, учета и использования документов Белорусского государственного университета) / С. Г. Долюк // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1 – С. 122–130.

S. Daliuk

Department of Ethnology, Museology and History of Art, Faculty of History, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Leading Specialist in Museum Affairs of the Museum of History of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITY OF E. L. BONDAREVA (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE DEPARTMENT OF ARCHIVAL WORK, ACCOUNTING AND USE OF DOCUMENTS OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY)

The article reflects the main stages of career development and the creative path of the first female professor in the field of film criticism in Belarus – Efrosinya Leonidovna Bondareva. E. L. Bondareva was

born was born in the Liozno district in the Vitebsk region. The beginning of a serious search in journalism was 1945, when E. L. Bondareva entered the journalism department of the philological faculty of the Belarusian State University. Efrosinya Leonidovna worked at the Faculty of Journalism for more than half a century. She organized the student scientific circle "Critic", the annual release of almanacs of literary and artistic creativity of students, the publication of educational newspapers on literature and art. E. L. Bondareva was a member of three creative unions – the Belarusian Union of Journalists, the Belarusian Union of Cinematographers, the Belarusian Union of Literary and Art Critics. Numerous awards have recognized her work. In memory of the Honored Scientist of Belarus, a well-known film critic, a classroom and a cinema club named after her have been opened at the Faculty of Journalism of the Belarusian State University.

Keywords: E. L. Bondareva; biography; film criticism; Belarusian State University; faculty of journalism.

For citation: Daliuk S. Scientific and Pedagogical Activity of E. L. Bondareva (According to the Materials of the Department of Archival Work, Accounting and Use of Documents of the Belarusian State University). Sophia. 2023;1;122–130. Russian.

Автор:

Светлана Геннадьевна

Долюк – аспирант кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета; ведущий специалист по музейному делу Музея истории БГУ.

Author:

Sviatlana Daliuk –

Postgraduate Student of the Department of Ethnology, Museology and History of Art, Faculty of History, Belarusian State University; Leading Specialist in Museum Affairs of the Museum of History of the BSU

<https://orcid.org/0009-0009-9614-4589>
sviatlanadoliuk@gmail.com

Ефросинья Леонидовна Бондарева – известный советский и белорусский кинокритик, киновед, профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель наук БССР.

Родилась Ефросинья Леонидовна 25 ноября 1922 г. в д. Гапоново Веляшковского сельсовета Лиозненского района Витебской области в семье крестьян. Она была пятой из шестерых детей в семье. Понимая необходимость образования, родители, сами неграмотные, отправили Ефросинью в школу, когда ей было 8 лет. В неполных 15 лет девушка уехала из родной деревни к тете в районный центр Лиозно, где закончила школу и начала работать. С 1938 по 1940 г., одновременно с учебой в 9 и 10 классах, Ефросинья работала старшей пионервожатой в СШ № 1 п. г. т. Лиозно, была диктором на радио, литературным работником районной газеты «Ленінскі сцяг» [7, л. 3, 121]. Еще в школе, в 1937 г., она вступила в ряды Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи, членом которого являлась по 1953 г. (выбыла по истечении комсомольского возраста) [7, л. 3]. Выполняла разную общественную нагрузку: работала старостой группы, комсоргом, старшей пионервожатой. В 1940 г. с отличием окончила 10 классов средней школы. Осенью того же года Ефросинья отправилась в Ленинград, где в институте киноинженеров учился старший брат Яков, и поступила в Ленинградский государственный университет (ЛГУ). Ее как отличницу без

вступительных экзаменов приняли на исторический факультет. Выбор пал на исторический факультет, потому что только там иногородним предоставляли интернат. После первого семестра, почувствовав тягу к журналистике, девушка отчислилась из университета, чтобы в 1941 г. поступить в Ленинградский государственный институт журналистики имени В. В. Воровского. Болезнь родителей и необходимость ухаживать за ними вынудили ее прервать учебу [7, л. 9–11].

Вернувшись на родину, Ефросинья Леонидовна устроилась литературным работником в редакцию районной газеты «Ленінскі сцяг», где и проработала до начала Великой Отечественной войны. Эвакуироваться ей не удалось, и после неудачной попытки уйти на восток она была вынуждена поселиться у родственников в одной из глухих деревень Лиозненского района. В 1942 г. эта местность стала партизанской зоной. Е. Л. Бондарева была связана с группой комсомольцев-подпольщиков и, несмотря на продолжительную болезнь, выполняла разведывательные задания подпольного райкома комсомола, вела антифашистскую пропаганду среди населения (распространяла листовки, советские газеты и др.), за что преследовалась немецкими властями. Во время войны Ефросинья Леонидовна потеряла не только старшего брата Якова, который погиб во время блокады в Ленинграде, но и младшего Василия – он погиб под Витебском. Третий брат выжил, но остался инвалидом Великой Отечественной войны [7, л. 2, 9–11].

С первых дней освобождения района в октябре 1943 г. Е. Л. Бондарева вела работы по восстановлению районной комсомольской организации. Затем была направлена на работу в редакцию газеты «Ленінскі сцяг» на должность ответственного секретаря редакции. Работать приходилось в тяжелых условиях разрухи, при отсутствии материальной базы, транспорта. Не раз доводилось проходить по 20–25 км за материалами для газеты, а потом обрабатывать их при свете керосиновой лампы из патронной гильзы. Газету выпускали всего три работника. Ефросинья Леонидовна была и ответственным секретарем, и корректором, и литературным работником. Одновременно с работой в газете Ефросинья Леонидовна была художественным руководителем районного Дома культуры [7, л. 11, 121]. В апреле 1945 г. направлена районной газетой на продолжение учебы в Белорусский государственный университет (далее – БГУ). Из документов на руках у абитуриентки Е. Л. Бондаревой, кроме характеристики и «отпускной» из газеты, были сильно потрепанный студенческий билет истфака ЛГУ и книжка читателя библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Зачетка вместе с аттестатом осталась в Ленинграде. Но ей зачли ее единственный довоенный семестр и приняли на уже набранный курс [5, с. 336]. И таким образом в 1945 г. Ефросинья Леонидовна поступила в БГУ на филологический факультет на специальность «Журналистика, русская и белорусская литература и язык» на 1-й курс, который уже учился с 1 ноября 1944 г. Е. Л. Бондарева стала выпускницей первого набора БГУ по этой специальности, и по окончании учебы в 1949 г. ей была присвоена квалификация «Литературный работник газеты, младший научный работник, преподаватель старших классов СШ» [7, л. 12]. После окончания университета Ефросинья Леонидовна была рекомендована для поступления в аспирантуру. Продолжила свое обучение она на кафедре истории философии по специальности «Эстетика», а в 1952 г. защитила диссертацию на тему «А. А. Жданов в борьбе за коммунистическую идейность советской литературы и искусства». Решением Совета БГУ имени В. И. Ленина от 29 июня 1953 г. (протокол № 28/160) Ефросинье Леонидовне Бондаревой была присуждена ученая степень

кандидата философских наук. Диплом выдан 31 марта 1954 г. Высшей аттестационной комиссией СССР (МК-ФС № 000178) [7, л. 13, 32].

Одновременно с учебой в университете, с июня по сентябрь 1945 г., Е. Л. Бондарева была литературным работником в редакции газеты «Сталинская молодежь». Позже, до сентября 1947 г., работала редактором «Последних известий» радиокомитета при Совете народных комиссаров БССР. С октября 1947 по май 1948 г. руководила лекторской группой Минского обкома Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии. С октября 1948 г. она – редактор-консультант сценарного отдела Министерства кинематографии БССР. В работе Ефросинье Леонидовне помогало знание иностранных языков, она хорошо владела немецким и английским, в меньшей степени – французским, украинским, латынью [7, л. 2].

После защиты диссертации в 1952 г. Е. Л. Бондарева стала работать главным редактором по производству фильмов Управления по делам искусства Министерства культуры БССР [7, л. 121]. В это же время она начала работать преподавателем кафедры теории и практики советской печати факультета журналистики БГУ: сначала по совместительству на полставки, а в 1959–1961 гг. на условиях почасовой оплаты [7, л. 7]. Е. Л. Бондарева читала курсы по истории, по искусству и критике в газете, по очерку в газете. С 1954 г. являлась редактором студенческого альманаха «Творчество журналиста» – факультетского периодического издания [7, л. 39].

Ефросинья Леонидовна Бондарева выбрала одно из самых сложных направлений журналистики – литературно-художественную критику. Ее первые отзывы о фильмах стали появляться в прессе еще в 1950-х годах. В альманахе «Творчество журналиста» под ее началом появлялись первые подробные кинокритические рецензии, а в рубрике «Информации» – заметка о встрече студентов с киноработниками, которая содержит не только информационную часть, но и критическую: «Аспірант А. Мажэйка, студэнты А. Мальдзіс, П. Старадворцаў, А. Балаш, Цімафееў і іншыя адзначылі асаблівую арыгінальнасць і прыгажосць афармлення кіножурнала “Піонер Беларусі”, яны высока ацанілі таксама фільмы “Новы Мінск” і “Белавежская пушча”. Адзначаны і недахопы карцін і журналаў. У многіх месцах музыка не адпавядае падзеям, часта бываюць рэзкія, неабгрунтаваны пераходы ад дзеяння да дзеяння, многія месцы ў кіножурналах нагадваюць інсцэніроўкі, што недапусціма для хронікі» [2, с. 280, 283].

Штатным работником БГУ Е. Л. Бондарева стала в 1961 г. – преподавала на кафедре теории и практики партийно-советской печати факультета журналистики. В 1961–62 гг. исполняла обязанности доцента, а с 1962 г. назначена доцентом кафедры теории и практики партийно-советской печати и проработала в этой должности до 1978 г. [7, л. 7]. Е. Л. Бондарева вела преподавательскую работу по программе теории и практики партийной и советской печати, читала лекции по разделам, касающимся вопросов культуры и искусства в газете, критике и биографии, курсы «Очерк и фельетон в советской печати», «Вопросы литературы, искусства и критики в газете», «Основные этапы развития советского кино». По этим темам выступала с докладами на научных конференциях в Минске, Могилеве, Москве и Киеве [7, л. 126]. Ефросинья Леонидовна руководила учебно-производственной практикой, научно-исследовательской работой студентов и аспирантов [7, л. 7].

Она проявила себя как инициатор и организатор многих интересных встреч студентов с публицистами, деятелями литературы, кино и театра, а также творческих дискуссий по различным актуальным проблемам.

Являлась членом профбюро факультета, секретарем первичной организации Союза журналистов (далее – СЖ). Работала заведующей отделом редакции многотиражной газеты «Беларускі ўніверсітэт», а позже стала членом ее редколлегии [7, л. 61].

Как член научного общества «Знание» и бюро пропаганды киноискусства Е. Л. Бондарева выступала с лекциями [7, л. 72]. С 1966 г. являлась членом Всесоюзной комиссии истории и теории кино и кинокритики Союза кинематографистов (далее – СК) СССР. В 1969 г. была избрана членом правления Минской областной организации СЖ БССР [7, л. 72]. В октябре 1971 г. стала членом Коммунистической партии Советского Союза (партибилет № 12109617) [7, л. 5]. В 1972 г. являлась членом правления СЖ и СК СССР, была избрана членом правления СК БССР и Всесоюзной комиссии кино СК СССР [7, л. 68, 72].

В 1960–70-е гг. часто бывала в заграничных туристических поездках, отдыхала в Международном Доме творчества журналистов. В 1974 г. ездила в Германскую Демократическую Республику в составе делегации БГУ. В 1976 г. от СК СССР была направлена в командировку в Чехословацкую Социалистическую Республику [7, л. 8].

Обладая большим практическим и научным опытом, Ефросинья Леонидовна Бондарева начала работать над докторской диссертацией. С 1 декабря 1973 г. ей был предоставлен творческий отпуск на 6 месяцев для завершения работы над докторской диссертацией [7, л. 86]. По окончании отпуска общий объем диссертации составил 392 страницы. За это время была завершена и сдана в издательство БГУ монография «Время, экран, критика» [7, л. 81–82]. В 1975 г. в Москве она успешно защитила докторскую диссертацию «Проблемы белорусского киноискусства и печать (отражение диалектики времени в образах героев экрана и жанрах кинокритики)». Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 16 декабря 1977 г. (протокол № 47) ей была присуждена ученая степень доктора филологических наук [7, л. 103].

В 1976 г. Е. Л. Бондарева три месяца, с 1 сентября по 30 ноября, проходила стажировку в отделе культуры редакции газеты «Советская Белоруссия», где выполняла обязанности корреспондента отдела. За время стажировки ею было написано 11 материалов для газеты, отредактировано несколько статей и рецензий разных авторов, обработаны авторские письма [7, л. 123].

В 1978 г. Ефросинью Леонидовну назначают исполняющим обязанности профессора кафедры теории и практики советской журналистики факультета журналистики БГУ. Под ее руководством ежегодно выпускался специальный номер учебной газеты «Журналист» по теме «Искусство в оценке начинающих критиков». Она являлась членом комиссии по нравственно-эстетическому воспитанию парткома БГУ, партгруппой кафедры [7, л. 100, 120]. Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 23 мая 1980 г. (протокол № 17) Е. Л. Бондаревой было присвоено ученое звание профессора [7, л. 16], и, таким образом, она стала первой в Беларуси женщиной-профессором в области кинокритики.

Помимо работы в университете Ефросинья Леонидовна являлась членом правления СК БССР и Минской организации СК БССР, председателем комиссии литературно-художественной критики СК БССР [7, л. 100, 120]. Она также являлась членом президиума СК БССР, членом совета по искусству республиканского отделения общества «Знание» [7, л. 102, 103].

С 1 октября по 30 декабря 1982 г. Ефросинья Леонидовна проходила очередную стажировку в редакции еженедельника «Літаратура і мастацтва». За время стажировки она приняла участие в составлении плана заказов авторских материалов по проблемам белорусского кино, обсуждении рецензий и статей на новые работы киностудии «Беларусьфильм». Дважды выступала обозревателем на редакционных летучках с анализом публикаций и конкретными предложениями по повышению теоретико-публицистического уровня материалов еженедельника. В период стажировки ею было написано 6 статей, рецензий и творческих портретов, организовано обсуждение публикаций по искусству на страницах журнала «Беларусь», кинофильма-экранизации «Чужая вотчина», киорецензий в республиканской прессе. В период прохождения стажировки она выезжала в командировку в Москву для ознакомления с работой творческих комиссий СК СССР и кафедры литературно-художественной критики и публицистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, изучала практику работы отделов специализированной газеты, программу и практику изучения литературно-художественной критики [7, л. 127, 139].

Согласно отчету об учебно-методической, научно-исследовательской и общественно-воспитательной работе за 1984 г. за пятилетнее пребывание в должности профессора ею были разработаны две учебные программы, по которым написаны соответствующие разделы к двум частям учебного пособия «Проблематика газетных выступлений»; проводился спецсеминар «Актуальные проблемы публицистики»; опубликовано свыше тридцати статей и рецензий, изданы три книги. Она выступала в качестве официального оппонента на защите докторской диссертации, научным руководителем ряда студенческих работ. В этот период Е. Л. Бондарева участвовала в работе редколлегии газеты «Мастацтва Беларусі», была председателем Совета научно-исследовательских работ студентов, членом методического совета факультета журналистики, а также участвовала в работе комиссии по культуре Министерство высшего и среднего специального образования БССР. Состояла в комитете по присуждению Государственных премий БССР [7, л. 126–127, 130].

В 1995 г., находясь уже в преклонном возрасте, Е. Л. Бондарева вышла на пенсию и ей была назначена пенсия за особые заслуги [7, л. 156]. Однако она продолжила свою трудовую и общественную деятельность. В 1998 г. в связи с разделением кафедры теории и практики современной журналистики факультета журналистики БГУ Ефросинья Леонидовна была переведена на должность профессора кафедры литературно-художественной критики [7, л. 177]. Преподавала дисциплины «Литературно-художественная критика», «Освещение литературы и искусства в СМИ», читала спецкурс «Кинематограф и национальная культура», вела спецсеминар по актуальным проблемам публицистики, руководила профильным курсом «Обозреватель культуры в СМИ». Она являлась основателем и руководителем научно-исследовательской студенческой лаборатории «Литературный критик». Под ее руководством выдавались студенческие учебные газеты «Журналист», альманах художественно-публицистического творчества студентов «Автограф» [7, л. 196].

Долгое время Е. Л. Бондарева была председателем секции кинокритиков Беларуси, членом художественного совета киностудии «Беларусьфильм», председателем методического совета Республиканского Дома кино. Ефросинья Леонидовна являлась членом ученого совета по защите докторских диссертаций при БГУ, Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси. Состояла в трех

творческих союзах: Белорусском СЖ, Белорусском СК, Белорусском союзе литературно-художественных критиков. Ефросинья Леонидовна была членом редколлегии и научным консультантом издательства «Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки», членом редколлегии журналов «На экранах» и «Мастацтва», составителем и автором нескольких статей сборника «Кино Советской Белоруссии» – единственной книги о белорусском кино, изданной в 1975 г. в Москве [7, л. 167, 197]. В 2005 г., в связи с ухудшением здоровья, была переведена на 0,5 ставки [7, л. 208]. По истечении срока контракта в 2006 г. прекратила свою трудовую деятельность [7, л. 218].

Ефросинья Леонидовна Бондарева проработала на факультете журналистики БГУ более полувека, проявив себя как самобытный ученый, внимательный педагог и квалифицированный журналист. Это видно по многочисленным наградам, которые Ефросинья Леонидовна получила за свой труд. Первой высокой наградой стала Почетная грамота Министерства культуры БССР, которой Е. Л. Бондарева была награждена в 1957 г. [7, л. 170]. В 1977 г. Ефросинья Леонидовна была награждена Почетной грамотой БГУ. В апреле 1979 г. она была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета БССР [7, л. 120], а в 1981 г. – Почетной грамотой Министерства народного образования БССР [7, л. 170]. В 1984 г. Ефросинья Леонидовна была награждена Медалью Ветерана труда [7, л. 149].

Из личного дела Ефросиньи Леонидовны видно, что получение некоторых наград старались приурочить к юбилейным датам. Так, в 1972 г. за долголетнюю и безупречную работу в БГУ и в связи с 50-летием со дня рождения Ефросиньи Леонидовна была награждена Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР [7, л. 69]. В декабре 1982 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 23 декабря 1982 г. ей было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Белорусской ССР за плодотворную научно-педагогическую деятельность, активное участие в общественной жизни, подготовку высококвалифицированных кадров и в связи с 60-летием со дня рождения, и вручен Знак За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР [7, л. 17, 119]. По ходатайству факультета журналистики БГУ, в 1992 г., в день семидесятилетия, за многолетнюю усердную научно-педагогическую деятельность Ефросинья Леонидовна была награждена Почетной грамотой Министерства образования Республики Беларусь [7, л. 151, 162]. В 1997 г. за многолетнюю усердную учебно-методическую и научную работу и в связи с 75-летием со дня рождения Ефросиньи Леонидовны ректорат БГУ просил наградить профессора Почетным знаком «Отличник образования Республики Беларусь» [7, л. 166]. В связи с 80-летием со дня рождения, в 2002 г. Ефросинья Леонидовна была награждена сразу двумя Почетными грамотами – Национального собрания Республики Беларусь за многолетнюю усердную научно-педагогическую деятельность и БГУ [7, л. 220, 227].

Многолетняя и плодотворная деятельность Ефросиньи Леонидовны как журналиста также не осталась без наград. В 1977 г. она была награждена Почетными грамотами СЖ и СК БССР [7, л. 8]. В 1982 г. к списку ее наград добавилась грамота Всесоюзного бюро пропаганды киноискусства СК СССР [7, л. 8]. Грамоту Госкомитета БССР, Белорусского комитета профсоюза работников культуры общества «Знание» БССР она получила в 1985 г. [7, л. 8]. В 1994 г. Ефросинья Леонидовна была награждена Премией СЖ Республики Беларусь за лучшие публикации [7, л. 170]. В 1997 г. Белорусский СЖ присвоил Ефросинье Леонидовне звание Заслуженного журналиста республики. Белорусский союз литературно-художественных критиков неоднократно

удостаивал ее премиями и почетными грамотами, Белорусский СК награждал медалью «За выдающиеся заслуги в белорусском кинематографе» [1; 7, л. 196]. В 2002 г. за монографию «От сердца – к сердцу», актуальные критические статьи о белорусском кинематографе, изданные в 2001–2002 гг., Бондарева Ефросинья Леонидовна стала лауреатом специальной премии Президента Республики Беларусь деятелям культуры и искусства [1]. Она награждена Почетным знаком «Отличник кинематографии СССР», «Отличник печати» Министерства информации Республики Беларусь [8, с. 4; 7, л. 196].

Ефросинья Леонидовна Бондарева писала в самых разных жанрах: аннотации, рецензии, статьи, обзоры, творческие портреты. Начиная с 1980-х гг. одним из излюбленных ее жанров стали творческие диалоги [9, с. 446]. Она является автором 10 монографических изданий, среди которых выделяются собственно киноведческие работы: «В кадре и за кадром» (1969), «Киолента длиною в жизнь» (1980), «Кінематограф і літаратура: творы беларускіх пісьменнікаў на экране» (1993), «От сердца – к сердцу» (2001) [9, с. 442]. И сегодня пользуются популярностью ее фундаментальные монографии, где поднимались вопросы кинокритики, – «Очерк на экране» (1969) (совм. с Л. Ф. Шиловой), «Время, экран, критика» (1975), «Экран в разных измерениях» (1983), «Освещение литературы и искусства в СМИ» (2004).

Е. Л. Бондарева – автор ряда учебных и методических пособий по литературно-художественной критике, теории и истории кино. По ним и по ее статьям до сих пор изучают основы профессии будущие кинокритики. Возможно, поэтому среди ее учеников были такие впоследствии известные деятели национальной культуры, как писатели Иван Чигринов, Иван Пташников, Геннадий Буравкин, Василь Зуенко, Анатолий Вертинский, Светлана Алексиевич, литературоведы Адам Мальдис, Петр Васюченко, театровед Анатолий Соболевский, кинорежиссер и народный артист Беларуси Игорь Добролюбов, кинорежиссер и лауреат Государственной премии СССР Виктор Дашук, известные документалисты Ричард Ясинский и Анатолий Алай, кинорежиссер-аниматор Олег Белоусов, главный редактор «Советской Белоруссии» публицист Павел Якубович и др. [5, с. 335; 7, с. 4].

Ушла из жизни Ефросинья Леонидовна в 2011 г. И в тот же год на факультете журналистики БГУ была открыта аудитория, названная в ее честь, где на стеллажах представлены учебные наработки профессора, статьи и фотографии. Это аудитория, где хранятся уникальные экспонаты. Здесь, например, находится пресловутый «кожаный переплет» (записная книжка) профессора, футляр и очки, часы и ожерелье, фотографии и статьи. Все это предоставили факультету родственники Ефросиньи Леонидовны. К слову, профессии мужа и сына Ефросиньи Леонидовны тоже связаны с кинематографом. Олег Тихонович Авдеев – заслуженный деятель культуры БССР, кинооператор Национальной киностудии «Беларусьфильм», сын, Игорь Авдеев, возглавляет Музей истории белорусского кино [6].

На факультете журналистики БГУ, с 2012 г., действует кино клуб «Фруза», названный в честь Ефросиньи Леонидовны. Клуб создан для знакомства с основными этапами развития мирового киноискусства, с деятельностью и творчеством выдающихся режиссеров, актеров, сценаристов и продюсеров. Кинопоказы сопровождаются обсуждениями, презентациями, викторинами, вручением призов. часто приглашаются известные кинематографисты [4].

Ефросинью Леонидовну Бондареву в нашей стране знает не одно поколение журналистов и критиков разных видов искусства. Знаменитые слова «ни дня без строчки»

в полной мере являлись девизом ее жизни. Она работала много и увлеченно, каждая тема или герой вызывали у нее искренний интерес. Ефросинья Леонидовна всегда с энтузиазмом относилась к преподавательской и к журналистской работе [3]. Особенно значителен ее вклад в развитие литературно-художественной критики. И не только рядом основательных работ, но и тем, что многие активно работающие в наши дни специалисты окончили факультет журналистики БГУ и испытали влияние и получили помощь Ефросиньи Леонидовны как педагога и журналиста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бондарева Ефрасинья Леанидаўна [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bis.nlb.by/ru/documents/128435>. – Дата доступа : 16.03.2023.
2. *Воюш, И. Д.* Студенческий альманах «Творчество журналиста» в 1949–1955 гг. / И. Д. Воюш // Журналістыка-2012 : стан, праблемы і перспектывы : матэр. 14-й Міжнар. навук.-практ. канф., г. Мінск, 6–7 сн. 2012 г. / рэдкал. : С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 14. – Мінск : БДУ, 2012. – С. 280–284.
3. Ефросинья Леонидовна Бондарева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/13656/1/127-128.pdf>. – Дата доступа : 16.03.2023.
4. Завтрак на траве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/http://www.journ.bsu.by/images/Journ17_18/Zavtrak_na_trave.pdf. – Дата доступа : 20.03.2023.
5. *Лешко, Ю. А.* От сердца / Ю. А. Лешко // СМИ и современная культура: к 90-летию Заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь, д-ра филол. наук, проф. Е. Л. Бондаревой : сб. науч. тр. / под общ. ред. канд. филол. наук доц. Л. П. Саенковой. – Минск : БГУ, 2012. – С. 333–338.
6. Она гениально вычисляла среди студентов профессионалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://liozno.by/2011/ona-genialno-vychislyala-sredi-studentov-professionalov/>. – Дата доступа : 16.03.2023.
7. Отдел архивной работы, учета и использования документов Белорусского государственного университета. – Ф. 205. Оп. 10. Д. 973.
8. *Саенкова, Л. П.* Журналистика, кинокритика как нравственные категории / Л. П. Саенкова // Журналистика. Искусство. Критика : Матер. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рожд. докт. филол. наук, проф., Заслуж. деят. науки Респ. Беларусь Е. Л. Бондаревой. – Минск : БГУ, 2008. – С. 4–7.
9. *Саенкова, Л. П.* Нравственные и творческие принципы кинокритика Е. Л. Бондаревой / Л. П. Саенкова // СМИ и современная культура : к 90-летию Заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь, д-ра филол. наук, проф. Е. Л. Бондаревой : сб. науч. тр. / под общ. ред. канд. филол. наук доц. Л. П. Саенковой. – Минск : БГУ, 2012. – С. 439–448.

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

Луань Ин

Китайские традиционные обряды в народных песнях праздника драконьих лодок..... 3

Лю Сюаньэр

Исследование образа женщины в китайской и белорусской мифологии..... 9

Н. Г. Шпаковская

Фольклоризм в современной популярной культуре
(на примере фильма «Солнцестояние» А. Астера)..... 15

Литературоведение

А. А. Брусевич

О некоторых особенностях поэтики и эстетики Тадеуша Мициньского..... 23

Л. В. Олейник

Нравственность как основа социализации личности..... 31

І. І. Шматкова

Беларуская жаночая паэзія і літаратурны працэс XX стагоддзя..... 41

Психология

Р. Р. Авзалов

Влияние амбивалентного сексизма на диспозиционные сексуальные мотивы
в период ранней взрослости..... 50

Ван Юйхун

Влияние Covid-19 на китайских работников за границей..... 58

И. В. Ткачёв

Проверка инвариантности измерений и стандартизация опросника
«Мотивы использования электронных социальных сетей»
на выборке студентов..... 58

Г. А. Фофанова, М. В. Бунчикова

Эмоциональный интеллект в период взрослости: обзор исследований..... 72

Г. А. Фофанова, Куан Циньжоу

Диспозиционный материализм: сущность и факторы формирования..... 81

Биология

Э. Р. Малеева, О. В. Лагодич

Оценка биометрических показателей *Cucumis sativus* L.
при обработке семян биоэлисаторами..... 88

Спорт и туризм**А. В. Шевель**

Сравнительный анализ правил соревнований по спортивной дисциплине
«Туристско-прикладное многоборье. Техника пешеходного туризма.
Техника горного туризма».....94

Коммуникативный дизайн**Сунь Ин**

Традиционное ремесло маньчжурской вышивки Нингута
в контексте «нового национального течения».....99

Технологии и образование**Т. А. Савицкая, И. М. Кимленко**

Использование предметного сайта «Зеленая химия»
в образовательном процессе.....107

Цюй Тао

Анализ основных этапов программы по китайскому языку
для иностранных учащихся
Северо-западного педагогического университета..... 116

Биографические исследования**С. Г. Долюк**

Научно-педагогическая деятельность Е. Л. Бондаревой
(по материалам отдела архивной работы, учета и использования документов
Белорусского государственного университета) 122